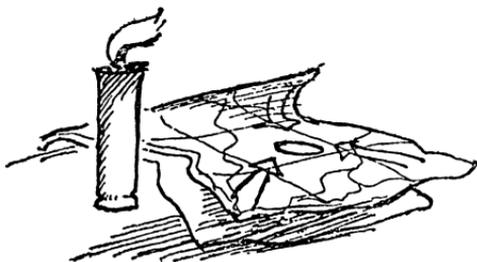

**ПСКОВЩИНА
ПАРТИЗАНСКАЯ**

ПСКОВЩИНА ПАРТИЗАНСКАЯ

*Воспоминания участников
партизанского движения*

ЛЕНИЗДАТ
1979

В сборник включены воспоминания бывших участников партизанского движения на территории Псковской области в годы Великой Отечественной войны. Книга предназначена не только для специалистов — историков и краеведов, но и для широкого круга читателей.

Составитель В. А. Акатов

Литературная обработка П. Г. Осокина

ЛЕТОПИСЬ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ

Война, навязанная гитлеровской Германией Советскому Союзу, была откровенно захватнической — империалистической войной. Стремясь к мировому господству, немецко-фашистские захватчики ставили своей задачей уничтожить советский общественный и государственный строй, поработить советский народ, установить на территории Советского Союза власть немецких помещиков и капиталистов.

Весь советский народ, возглавляемый своей испытанной Коммунистической партией, встал на защиту завоеваний Великого Октября.

«Ярким проявлением советского патриотизма, — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — было массовое партизанское движение, охватившее всю оккупированную врагом территорию.

В рядах партизанских отрядов, соединений, подпольных организаций боролись свыше миллиона активных бойцов»¹.

Указания о развертывании партизанской войны были даны уже 29 июня 1941 года в директиве Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. В этом документе, в частности, сказано: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде»².

18 июля Центральный Комитет партии принял постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск», в котором содержалось требование: «Развернуть сеть наших большевистских подпольных органи-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., Политиздат, 1973, с. 132.

² Из директивы Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года.

защиты на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов»¹.

Бывший начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко в брошюре «Непокоренные», вышедшей в 1975 году, привел данные о том, что только по РСФСР в годы войны были созданы и действовали 3 подпольных обкома и областных центра, 16 окружкомов и межрайонных партийных центров, 162 райкома партии, 3 райпартцентра, 34 районные и межрайонные партийные группы и 23 районные организационные «тройки».

На основе указаний Центрального Комитета партии развивалось всенародное партизанское движение и в оккупированных районах Ленинградской и Калининской областей, входящих ныне в состав Псковской области.

3 июля, когда все советские люди, затаив дыхание, слушали по радио речь выступившего по поручению Политбюро ЦК партии Председателя Государственного Комитета обороны И. В. Сталина, фашисты уже вторглись в пределы Ленинградской области. В этот день начался бой за город Остров (в 50 километрах южнее Пскова). Наступление отборных фашистских дивизий в первый период развивалось стремительно: 6 июля пал Остров, 9 июля — Псков, 16 июля — Невель, в августе — Пустошка и Великие Луки.

Главные силы фашистских армий были нацелены на столицу нашей Родины Москву, а войска группы армий «Север» были направлены на город Ленина — колыбель Великой Октябрьской социалистической революции. Гитлер требовал как можно быстрее «покончить» с Ленинградом, полагая, что с его падением можно ждать краха большевизма.

В эти суровые грозные дни Ленинградский и Калининский областные комитеты партии провели большую работу, создавая партийное подполье, разжигая партизанскую войну в тылу врага.

В двадцатых числах июля приступила к работе «тройка» Ленинградского обкома по руководству партизанским движением на территории области, занятой противником. Председателем «тройки» был назначен секретарь обкома Г. Х. Бумагин, членами — заведую-

¹ Из постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу вражеских войск» от 18 июля 1941 года.

щий военным отделом обкома М. Ф. Алексеев и ответственный работник областного управления НКГБ Л. И. Кожевников.

В книге «Партизанское движение в Ленинградской области» профессор Ю. П. Петров пишет: «В отличие от многих других республик и областей в Ленинградской области не создавались особые нелегальные органы, а весь состав бюро райкомов и значительная часть партийного актива во главе с секретарями переводились на нелегальное положение»¹.

Начальник Ленинградского штаба партизанского движения, секретарь обкома партии М. Н. Никитин вспоминал: «В занятых фашистами районах остались секретари райкомов и горкомов ВКП(б), председатели районных Советов, сотни работников партийно-советского аппарата, председатели сельсоветов и колхозов, сотни коммунистов и комсомольцев... В июле—августе 1941 года перешли на нелегальное положение 32 районных комитета партии Ленинградской области. Уже в оккупации был создан Псковский межрайонный партийный орган. Нелегальные комитеты возглавляли 86 секретарей райкомов и горкомов, руководивших ими до войны. В районы ушли 68 уполномоченных обкома».

Почти во всех оккупированных фашистами районах Калининской области в августе и сентябре 1941 года были созданы партизанские отряды и диверсионные группы.

В декабре 1941 года Калининский обком партии докладывал в ЦК ВКП(б): «В оккупированных районах области действуют 55 партизанских отрядов с количеством 1652 человека личного состава. Кроме этого, через линию фронта переброшены 33 диверсионные группы с общим количеством 283 человека».

В конце 1942 года в Калининской области действовали 16 подпольных райкомов и горкомов, в том числе: Великолукский, Невельский, Локнянский, Себежский, Новосокольнический, Ашевский.

Партизанское движение росло и развивалось в соответствии с обстановкой и требованиями фронта.

Доктор исторических наук, профессор П. Р. Швердалкин в брошюре «Участие партизан в разгроме фа-

¹ Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. Лениздат, 1974, с. 36.

шпестских захватчиков под Ленинградом» приводит следующие цифры: «За короткий срок в Ленинграде и районах области было создано 287 партизанских отрядов, 6 полков, 4 батальона, 4 партизанских бригады»¹.

В июле 1941 года состояние железных и шоссейных дорог между Псковом и Лугой во многом определяло военное положение Ленинграда. Необходимо было сорвать замыслы врага, стремившегося захватить город на Неве, помочь Красной Армии задержать наступление противника.

Для решения этих задач первые ленинградские партизанские полки и отряды по тылам врага пришли в район Пскова.

Полк Н. К. Воловича, насчитывавший более тысячи партизан, расположился в Ручьинских лесах Карамышевского района. Под Псков пришли отряды Ленинградского института им. П. Ф. Лесгафта под командованием М. И. Немчинова. Здесь же были сосредоточены и все местные отряды: отряд партийно-комсомольского актива города под командованием А. Казанцева и Н. Говорова, псковских железнодорожников — под командованием М. Светлова и С. Верязова, Псковского Дома Красной Армии — А. Гвоздовского и В. Марина, отряд работников милиции города и района — В. Шубникова и А. Федотова. В контакте с бойцами полка Воловича действовали отряды партактива Карамышевского района, партактива Новосельского района. В этих отрядах и полках было более полутора тысяч партизан.

Железная дорога на Лугу была в значительной мере парализована. По шоссе захватчики предпочитали двигаться только днем, большими колоннами и под охраной танков. И, несмотря на такую охрану, подрывались на минах танки, падали в кюветы и горели автомашины. И в том, что гитлеровцы завязли под Лугой на 45 суток, есть определенная заслуга ленинградских партизан.

Позднее партизанские отряды были созданы в Порховском, Дновском, Дедовичском, Славковском районах.

На всех магистралях развивалась партизанская война в помощь Ленинграду. «На шоссейных и железных дорогах ныне Новгородской области действовал ленинградский отряд П. Н. Невского, уторгошский отряд

¹ *Шевурдалкин П. Р.* Участие партизан в разгроме немецких захватчиков под Ленинградом. Л., «Знание», 1975, с. 3, 4.

Г. А. Рябкова, старорусские отряды С. А. Глебова, А. П. Лучина, И. И. Грозного и другие»¹, — пишет П. Р. Шевердалкин.

Партизанские полки, созданные в Ленинграде, и отряды, сформированные на их основе, а также местные и ленинградские партизанские отряды подвергли своим ударам весь тыловой район группы армий «Север». Эти удары партизан впервые были согласованы с действиями советских войск.

В развитии партизанского движения в Ленинградской и Калининской областях особое место занимал Партизанский край на территории Дедовичского, Белебелковского, Ашевского и Поддорского районов.

31 июля 1941 года несколько местных партизанских отрядов были объединены секретарем обкома А. Н. Шинкаревым и А. Н. Асмоловым во Вторую партизанскую бригаду. В зоне ее действий и возник Партизанский край площадью 9600 квадратных километров, на территории которого были восстановлены органы Советской власти и колхозы.

О Партизанском крае А. Н. Шинкарев в ноябре 1941 года писал в обком: «Вот уже в течение двух месяцев здесь власть принадлежит восстановленным сельским Советам депутатов трудящихся, опирающимся на силу партизанских отрядов, объединенных в партизанскую бригаду № 2. Этот район был ареной военных действий в августе и в первой половине сентября»².

Больше года этот обширный район — собственно территория края и важные военные объекты за его пределами: город Холм, поселок Яски, станции Дедовичи, Плотовец, Судома, деревни Тюриково, Кипино, железные и шоссейные дороги — был местом упорных боев с захватчиками. Гитлеровцы теряли здесь не только живую силу и технику, но и терпели серьезный морально-политический урон. Они хвалились планом «блицкрига», обещали закончить войну до наступления зимы, а на деле больше года не могли справиться с «лесной республикой».

Несмотря на режим оккупации и на удаленность от Большой земли, население Партизанского края жило

¹ Шевердалкин П. Р. Участие партизан в разгроме немецких захватчиков под Ленинградом, с. 3, 4.

² Непокоренная земля Псковская. Изд. 3-е. Лениздат, 1976, с. 52—63.

общими со всем народом интересами, которые ярче всего сконцентрированы в лозунге «Все для фронта — все для победы!».

Узнав о трудностях, переживаемых населением блокированного фашистами Ленинграда, партизаны и жители края собрали более трех с половиной тысяч пудов продуктов — муки, зерна, мяса, масла. Ранней весной 1942 года обоз из 223 подвод, охраняемый партизанами, пересек линию фронта и благополучно прибыл в расположение советских войск. Вслед за обозом в Ленинград прибыла делегация Партизанского края.

18 июля 1942 года в Партизанском крае проходила партийная конференция, собравшая 56 делегатов. В письме Центральному Комитету и Ленинградскому обкому ВКП(б) коммунисты края писали: «Наши небольшие разрозненные партизанские отряды, созданные 10 месяцев тому назад, переросли в бригады, хорошо оснащенные, вооруженные автоматами, пулеметами, противотанковыми ружьями и артиллерией. ...Мы не преуменьшаем своих успехов и не преуменьшаем силу озлобленного врага, но знаем, что в жарких схватках с фашистами мы закалились, наши люди стали неустрашимыми. Наши отряды стали смертельной грозой для ненавистных фашистских мерзавцев. Не сломить волю большевиков ни танковой броней, ни каленым железом. Сердце большевика крепче стали»¹.

Это был одновременно и рапорт о пройденном пути, и торжественное обязательство на будущее.

О значении Партизанского края бывший уполномоченный штаба Северо-Западного фронта генерал-майор А. Н. Асмолов написал так: «Партизанский край сыграл исключительно большую роль не только для развития партизанского движения в полосе Северо-Западного фронта. Он сыграл огромную политическую роль в развитии партизанской борьбы в полосе Волховского, Ленинградского и Калининского фронтов, а также для развития партизанского движения в Прибалтике.

...У противника ежедневно в среднем было занято в полосе Северо-Западного фронта на охране своих объектов и в борьбе с партизанами не менее 20 тысяч войск, что означает отрыв от действий на фронте ежедневно 3—4 пехотных дивизий»².

¹ Непокоренная земля Псковская, с. 164, 169.

² Там же.

27 сентября 1941 года Военный совет фронта и обком партии создали Ленинградский штаб партизанского движения. Начальником штаба стал секретарь обкома М. Н. Никитин. С образованием штаба было создано централизованное партийное руководство партизанским движением в области.

На Калининском фронте партизанский штаб начал свою деятельность несколько позже, в июле 1942 года.

На партизанские штабы возлагалось руководство партизанским движением в целом и конкретно боевой и разведывательной деятельностью партизанских отрядов и бригад в интересах фронта, а также обеспечение партизан оружием, боеприпасами, медикаментами, подготовка боевых кадров, организация связи между партизанскими подразделениями, армейскими штабами и координация действий армии и партизанских отрядов.

В августе 1942 года перед Калининским фронтом в тылу врага действовали 14 партизанских бригад, насчитывающих до 7 тысяч партизан.

В этой же зоне с декабря 1941 по март 1942 года находилась и Вторая особая рейдовая бригада штаба Северо-Западного фронта (комбриг А. М. Литвиненко, комиссар В. И. Терехов).

В декабре 1942 года для укрепления руководства бригадами Калининский штаб сформировал оперативную группу из работников штаба. Начальником группы был батальонный комиссар Алексей Иванович Штрахов — опытный, энергичный, вдумчивый политработник. Находясь в тылу противника, он изучал обстановку, глубоко вникал в дела партизанских подразделений, помогал в разработке боевых планов, а некоторыми боями и руководил.

Фронт боевых выступлений партизан ширился, пламя партизанской войны разгоралось все сильнее. Теперь партизаны смелыми налетами уничтожали гарнизоны и вступали в открытые бои с карателями.

Можно привести немало примеров из боевой партизанской летописи в этот период.

Отряд «За Родину!» под командованием Ф. Т. Бойдина в течение десяти часов вел бой с гарнизоном противника в деревне Лехово Невельского района. В результате противник потерял до 400 солдат.

Бригада Г. Н. Арбузова в течение шести часов вела бои с вражеским гарнизоном в деревне Лишане

Идрицкого района, уничтожив более 400 солдат и офицеров.

Бригада В. И. Марго разгромила 28 волостных управ на территории Себежского и Пустошкинского районов, уничтожила около 4000 гитлеровцев, пустила под откос 24 эшелона противника.

Не было района, занятого фашистами, где бы не действовали партизаны. На сотни километров простиралась зона влияния калининских партизан. В этой зоне партизанские коменданты, как и оргтроек в Ленинградской области, управляли всей жизнью населения.

Партизанское движение было важнейшей подсобной силой Красной Армии. Не случайно партизан называли «вторым фронтом». Благодаря повседневному руководству и неустанной заботе партии партизанское движение развивалось и поднялось в своем боевом значении до разновидности вооруженных сил, стало как бы родом советских войск, действующих в тылу врага.

В первые месяцы оккупации партизанские отряды были преимущественно небольшими, по 30—45 партизан, что было удобно для маневрирования, конспирации, действий методом засад и налетов на тыловые штабы, узлы связи и склады.

Постепенно партизанская война развивалась и совершенствовалась, становилась войной крупных соединений, бригад и даже корпуса (в районах Калининской области). В конце 1942 года и особенно в 1943 году партизанские полки и бригады насчитывали в своих рядах по 3—5 тысяч партизан и более и уже были способны надолго удерживать или блокировать целые районы в тылу врага.

Родилась и развивалась особая тактика взаимодействия между армейскими частями и партизанскими отрядами. Например, в боях за станцию Плюсса 46-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора С. Н. Борщева действовала совместно с Шестой и Девятой партизанскими бригадами под командованием В. П. Объяедкова и И. Г. Светлова.

Десятая Ленинградская партизанская бригада под командованием Т. А. Новикова и М. И. Тимохина выдержала труднейший открытый бой за поселок Павы и победно завершила его при участии армейской артиллерии, пришедшей на помощь партизанам.

Замечательный боевой путь прошла Вторая ЛПБ в три периода своей истории.

В первый период (июль 1941 г. — январь 1943 г., под командованием Н. Г. Васильева и С. А. Орлова) бригада создала и защищала Партизанский край. Второй период охватывает февраль 1943 года — июль 1943 года. Под командованием Н. А. Рачкова и М. И. Тимохина бригада пришла в приозерную часть Псковщины и создала новую партизанскую зону. Затем на базе ее были организованы три новые бригады.

В третий период (сентябрь 1943 г. — февраль 1944 г.) новая Вторая ЛПБ имени Н. Г. Васильева, под командованием Н. И. Синельникова и В. И. Ефремова, во взаимодействии с частями 42-й армии участвовала в разгроме 58-й стрелковой и 12-й танковой дивизий противника, а затем — в штурме укреплений стругокрасненского гарнизона врага.

Ярким примером боевого взаимодействия партизанских бригад с советскими войсками явилась так называемая «рельсовая война». В период с августа по ноябрь 1943 года, во время наступления Красной Армии, партизаны обрушили уничтожающие удары на железнодорожные коммуникации противника.

Действенность этой войны можно показать на одном характерном примере.

Только в одну августовскую ночь партизаны Третьей ЛПБ под командованием А. В. Германа и А. И. Исаева взорвали на железной дороге Псков—Порхов около 3000 рельсов, 9 мостов, сожгли 4 склада с инженерным имуществом, 40 вагонов с грузами и уничтожили более 200 гитлеровцев.

Железные дороги Дновского, Псковского и Новоскольниковского узлов партизаны не по одному разу выводили из строя. В районах Ленинградской области было разбито 1050 паровозов, более 18 тысяч вагонов, платформ, цистерн, разрушено 175 километров железнодорожного полотна, взорвано 1380 мостов, более 150 тысяч рельсов, разгромлено 48 железнодорожных узлов и станций.

Так же беспощадно громил фашистских захватчиков калининские партизаны. На железных дорогах ими было произведено 770 крушений поездов с живой силой, военной техникой и имуществом, в том числе разбито 20 бронепоездов. Повреждено и разбито: 503 паровоза,

3299 вагонов, 944 платформы, взорвано 204 моста, перебито 40 тысяч рельсов.

Население временно оккупированных районов видело в партизанах своих верных друзей и заступников. С первых дней оккупации коммунисты, комсомольцы — подпольщики и партизаны — помогали людям разобраться в происходящих событиях, укрепляли уверенность в победе нашей армии и неизбежности разгрома фашистской Германии.

Только калининские партизаны освободили из эшелонов, лагерей и пунктов сбора более 15 тысяч человек, предназначенных фашистами для отправки в Германию.

В мае 1944 года в лесных поселениях под охраной калининских партизан нашли приют более 8810 человек, после набегов карателей оказавшихся без крова и пищи, в том числе около 2000 детей.

По просьбе Калининского обкома и штаба партизанского движения для вывоза людей был выделен 13-й полк гражданского воздушного флота. За две недели полком было сделано 317 самолето-вылетов. Вывезено раненых 105 человек, матерей с малыми детьми — 93, детей — 1571. Эти же самолеты попутными рейсами доставили партизанам большое количество оружия, боеприпасов, одежды, обуви, продовольствия.

За доблесть и мужество, проявленные при выполнении заданий по спасению детей, 13-й полк ГВФ награжден медалью «Партизану Отечественной войны», а особо отличившиеся летчики награждены орденами.

Гитлеровцы пытались «эвакуировать», как они писали, население из зоны предполагаемых боев. Огромную территорию от Луги до Пскова фашисты превращали в мертвый край. Тактика «выжженной земли» была одной из особенно преступных акций фашизма. Многие деревни были сожжены гитлеровцами вместе с населением, например Красуха, Ланева Гора, Сево, Палицы, Топорищино, Замосье и другие.

Но в ту зиму 1943/44 года на территории Ленинградской области фашистам не удалось до конца выполнить свои преступные планы. Партизаны встали на защиту населения и спасли от истребления и угона в фашистское рабство около 400 тысяч советских людей. В районе нахождения Второй, Шестой, Пятой и некоторых

других партизанских бригад гитлеровцам не удалось уничтожить ни одной деревни: всюду фашистские факельщики получали сокрушительный отпор.

Действенным оружием подпольных партийных организаций и политотделов бригад в борьбе с захватчиками была наша печать. В подпольных газетах и листовках партизанские журналисты разоблачали нацизм, лживые измышления гитлеровской пропаганды, рассказывали о зверствах фашистских захватчиков, о подвигах советских людей на фронте и в тылу.

Газеты выпускали почти все подпольные райкомы и межрайонные центры и политотделы бригад. По области выходило более 50 подпольных печатных газет с тиражом по 100, 500 и более экземпляров. Много самоотверженного труда вкладывали в их издание журналисты И. В. Виноградов, К. П. Обжигалин, И. А. Шматов, М. Г. Абрамов, П. Ф. Соловьев, В. Я. Никандров, В. Д. Сажин, М. Ф. Ополченный и другие товарищи.

В связи с изменением обстановки изменялись и формы партийного руководства.

В начале оккупации в подполье уходили райкомы и горкомы.

Эти привычные и действенные органы партии вследствие больших и невосполнимых потерь кадров осенью 1942 года были сменены 11 межрайонными подпольными центрами, которые успешно выполнили поставленные перед ними задачи.

Подпольные центры сменились оргтрояками. В октябре 1943 года оргтрояки были особыми органами партийного руководства и государственной власти в тылу врага, и они также в сложных условиях выполнили свои задачи.

Особой заслугой партизанских отрядов была хорошо организованная разведка в тылу противника. Достаточно напомнить, что так называемая линия «Пантера» — важный участок громогласно расхваленного гитлеровцами «Северного вала» — была с большой точностью нанесена на наши военные карты благодаря сведениям, добытым партизанскими разведчиками и своевременно доставленным из вражеского тыла в штаб партизанского движения и армейские штабы.

Более полутора тысяч разведывательных донесений доставили в штаб партизанского движения калининские

партизаны. С ценными сведениями переходили фронт партизанские связные, успешно работали радисты.

Война не бывает без жертв. Несли потери и партизаны и подпольщики. Погибли герои комсомольцы — партизаны Мария Порываева, Лиза Чайкина, Инна Константинова, Мария Пышто, Коля Грачев и многие другие.

Смертью храбрых погибли секретари Волосовского райкома ВКП(б) В. Т. Кашерин и В. А. Клишин, Средкинского райкома — В. И. Рыбаков, Дновского — П. Ф. Селецкий, Славковского — Ф. Е. Барулин и С. Я. Субботин, Пожеревицкого — М. И. Карлов.

В неравных схватках с фашистскими карателями погибли руководители партийного подполья Лядского райкома: Г. Ф. Большов, Е. Ф. Ожегов, А. Н. Забелин, У. С. Семенова.

Матвей Кузьмин Кузьмин, повторивший подвиг Ивана Сусанина, был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Верные своему партийному долгу, отдали жизни за победу над врагом коммунисты С. Н. Комаров, А. М. Суетинов, А. Н. Теплов, В. Ф. Михайлов, С. М. Мазур, А. Г. Лубнин, Н. И. Веселов, С. И. Мусатов, М. М. Шатухо, Я. В. Бельчиков, А. В. Колосов, В. Я. Петров.

На площади в Порхове был повешен фашистами второй секретарь райкома И. В. Курсаков. Отбиваясь до последнего патрона, погиб председатель Островского райсовета Х. И. Старк. В боях и в фашистских застенках погибли создатели и руководители Псковского подполья А. В. Гущин, И. Г. Киселев, К. А. Андреев, Д. А. Богданов, В. И. Челноков, И. А. Тарабанов, С. Г. Никифоров, Ф. В. Быстров.

Самоотверженно действовала в оккупированных Великих Луках группа подпольщиков-полиграфистов, возглавляемая В. И. Цветковым. В течение полугода подпольщики печатали и распространяли листовки патристического содержания. Герои были схвачены гестаповцами и казнены.

В Гдове погибли Т. Я. Печатников и М. М. Демин, в Стругах Красных — В. Г. Ежов и Н. С. Добряков, в Середке — А. И. Басклеев и М. Ф. Хоботов. Погиб первый секретарь Полновского райкома партии П. В. Пушков.

Ушли в бессмертие, став Героями Советского Союза, Иван Никитич Никитин, Михаил Семенович Харченко, Александр Григорьевич Григорьев, Николай Григорьевич Васильев, Александр Викторович Герман, Василий Иванович Зиновьев, Клавдия Ивановна Назарова, Анастасия Александровна Бисениек.

В течение войны погибли 48 секретарей райкомов и многие председатели райсоветов и уполномоченные Ленинградского обкома.

На место погибших вставали новые бойцы партии, самоотверженно и бесстрашно продолжившие дело павших товарищей.

Росли ряды народных борцов. В Ленинградской области к концу 1943 года было 13 партизанских бригад и около 200 специальных и отдельно действующих отрядов, всего около 40 тысяч партизан и партизанок. Это было действительно народное войско, способное выполнять серьезные боевые задачи.

Партизанское движение на Псковщине было многонациональным и истинно интернациональным движением. Плечом к плечу с русскими на защите Партизанского края, а позже и братского Партизанского края на юге области стояли латышские и белорусские партизаны. В партизанских бригадах были отряды осетин, грузин, армян и представителей других национальностей СССР, а также поляков и чехов, спасенных партизанами из фашистских концлагерей. В Четвертой Ленинградской бригаде мужественно сражался с фашистами испанский отряд под командованием Франциско Гульона. Были среди советских партизан и немцы — коммунисты-тельмановцы, в Седьмой Ленинградской бригаде была группа антифашистов-немцев, во Второй, Третьей и других бригадах тоже были немцы, сражавшиеся в рядах партизан против фашизма, за свободную Германию.

Вот некоторые итоги партизанской войны на Псковской земле. «За 32 месяца ленинградские партизанские соединения и отряды уничтожили 104 242 гитлеровца, 1106 железнодорожных эшелонов, 227 танков, 100 самолетов и много другой техники»¹.

По далеко не полным сведениям партизаны Калининской области за годы героической борьбы с

¹ Непокоренная земля Псковская, с. 364—371.

немецко-фашистскими захватчиками уничтожили, ранили и взяли в плен свыше 100 тысяч вражеских солдат и офицеров. На шоссе и проселочных дорогах уничтожено: 3048 автомашин, 88 танков, 15 бронемашин.

Всенародным признанием подвигов псковичей в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками явился опубликованный в 1967 году Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении Псковской области орденом Ленина». В Указе говорится: «За активное участие и мужество, проявленные трудящимися Псковской области в партизанском движении против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, и успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства,— наградить Псковскую область орденом Ленина».

* * *

Наш сборник составлен из воспоминаний участников партийно-комсомольского подполья и партизанского движения на Псковщине. Авторы — бывшие командиры и комиссары отрядов и бригад, рядовые партизаны и подпольщики — рассказывают о подлинных событиях и невыдуманных героях партизанской войны в нашем крае.

Мы не стремились к подробному изложению истории партизанской войны или истории какой-либо одной бригады, но каждый рассказ и очерк — это новая страница большой истории подвига псковичей в борьбе против фашистских захватчиков.

Многие материалы сборника публикуются впервые, в частности — воспоминания комбригов Н. П. Буйнова и В. П. Обьедкова о действиях Первой особой и Шестой ЛПБ, комиссаров бригад: Четвертой Калининской — В. Н. Вакарина и Седьмой Ленинградской — А. Ф. Майорова.

*С. Г. Соколов,
в 1943 г. начальник штаба
партизанского движения Калининской области*

*В. А. Акатов,
в 1942 г. заместитель руководителя
Псковского межрайонного подпольного
партийного центра*

ДОМИК У ОЗЕРА

Десятого июля 1941 года в Новгороде у начальника пограничных войск Ленинградского округа генерал-майора К. И. Ракутина состоялось совещание. Генерал сообщил, что несколько товарищей назначены в распоряжение только что созданного партизанского отдела штаба Северо-Западного фронта. Он пожелал им успехов и выразил уверенность, что пограничники справятся с поставленной перед ними задачей.

Во дворе новгородского Дома Красной Армии, на берегу Волхова, находился немудреный флигелек. В нем временно расположился партизанский отдел. Здесь мы встретили его начальника А. Н. Асмолова и комиссара А. А. Тужикова. Кроме машинистки и кладовщика склада боеприпасов, других работников в новом отделе еще не было.

12 июля начальник отдела А. Н. Асмолов и комиссар А. А. Тужиков пригласили меня в штаб. Здесь я и получил первое задание. Требовалось провести из-под Новгорода в тыл немецко-фашистских войск 250 латышских и литовских рабочих-гвардейцев (гвардейцами в Прибалтике называли участников истребительных батальонов).

Начальник штаба Северо-Западного фронта поставил перед ними конкретную задачу: выйти на территорию Латвии и Литвы и начать партизанскую войну с захватчиками.

13 июля мы отправились в путь по маршруту Новгород—Старая Русса—Поддорье—Соколово—Чихачево. Через неделю отряд перешел железную дорогу Ленинград—Киев между станциями Чихачево и Сущево, углубился на захваченную противником территорию и ушел в Прибалтику. Выполнить задание мне и моим товарищам-пограничникам Н. Я. Евмену и И. П. Огурцову

помог первый секретарь Поддорского райкома партии Г. П. Ермаков.

В конце июля мы возвратились в Новгород, но за-
стали здесь только комиссара А. А. Тужикова. Штаб
переехал в Валдай. На другой день перебрались и мы
туда.

В Валдае на поросшем березняком мысу у озера
стоял на отшибе одноэтажный деревянный домик. В нем
до декабря 1943 года мы и делили лишения и радос-
ти военных лет, организуя народную борьбу в тылу
врага.

Уже в августе 1941 года Валдай стали называть
партизанской столицей, а домик у озера, в котором раз-
мещалась наша группа, стал центром, куда тянулись
незримые нити из партизанских отрядов и бригад. Для
многих, кто хотел участвовать в партизанской войне
против фашистских захватчиков, наш дом был местом,
где выдавались «путевки» в тыл врага.

Во второй половине июля 1941 года начальник на-
шего штаба А. Н. Асмолов и секретарь Ленинградского
обкома партии А. Н. Шинкарев создали в Старорусском
районе Вторую партизанскую бригаду. Командиром ее
стал Н. Г. Васильев, комиссаром — С. А. Орлов. Эта
бригада и явилась родоначальницей партизанского дви-
жения в полосе Северо-Западного фронта. Сотня пер-
вых партизан, из которых поначалу состояла Вторая
бригада, ушла в Серболовский лес. Там она начала
свою борьбу с фашистами и стала расти.

Впоследствии ветераны Второй партизанской брига-
ды говорили: «Воевать мы научились у батальона
пограничников, которым командовал капитан Сав-
ченко».

В Серболовском лесу военная судьба свела Вторую
бригаду с этим батальоном. Для партизан хорошими
уроками были совместные с пограничниками засады
у деревень Заблудовка и Ольгина Горушка. Дороги
Холм—Поддорье, Старая Русса—Поддорье были пе-
рекрыты партизанскими отрядами, противник здесь
терпел урон, а партизаны приобретали боевой опыт.

В первый период войны наша группа имела как бы
два руководящих центра. По военно-тактическим воп-
росам нами руководили партизанский отдел штаба и
политуправление Северо-Западного фронта, а по вопро-
сам партийно-политической работы мы получали указа-

ния от Ленинградского обкома партии. Позднее, с сентября 1941 года, всеми вопросами политики и тактики ведал Ленинградский штаб партизанского движения под руководством секретаря обкома партии М. Н. Никитина.

Военные товарищи помогали нам оружием, боеприпасами, кадрами, техникой.

Работники нашей оперативной группы изучали и обобщали боевой опыт и передавали его партизанским подразделениям.

Валдайская оперативная группа обеспечивала своевременную отправку партизанам вооружения, боеприпасов, медикаментов, организовывала эвакуацию раненых, засылку диверсионных групп. Деловой контакт с Военным советом, со штабом и политуправлением фронта позволял нам своевременно решать важные вопросы партизанской войны. Мы чувствовали заинтересованное отношение к нашим действиям со стороны командования фронта, получали помощь и поддержку лично от начальника штаба фронта Н. Ф. Ватутина.

В 1942 году мы получили новую технику связи. Все партизанские бригады были обеспечены радиостанциями, связь стала бесперебойной — по расписанию. Это значительно облегчило руководство боевыми действиями в тылу врага, улучшило положение партизан. О значимости сведений, которые радисты передавали из тыла врага на наш узел, и говорить не приходится — цены им не было.

В первую военную зиму Вторая партизанская бригада осуществила сокрушительные удары по вражеским гарнизонам в городе Холм и в деревне Яски.

Напряженную работу наша Валдайская оперативная группа проводила в период подготовки и развертывания «рельсовой войны». После разгрома фашистской группировки на Курско-Орловском направлении советские войска неустойчиво двигались на запад, и в это время все партизанские силы были направлены на уничтожение железных дорог в тылу врага, чтобы лишить противника возможности оперативно использовать войсковые резервы и технику.

На оккупированной территории Ленинградской области партизанами было разрушено 175 километров железнодорожного полотна, взорвано 150 тысяч

рельсов, разгромлено более 40 железнодорожных станций.

Чтобы выполнить задачи такого масштаба, требовалось распределить между бригадами зоны действий, указать отрядам и спецгруппам конкретные участки железных дорог, которые следовало вывести из строя. Но это только начало дела. Необходимо было обеспечить все отряды взрывчаткой, подготовить и доставить в тыл врага инструкторов и подрывников.

Когда бригада или отряд начинали бой с карателями — а такие бои в разных районах разыгрывались почти каждый день, — о чем просили партизаны? Конечно, они не просили инструкций, как выйти из вражеского окружения. Они требовали побольше боеприпасов. И мы, работники оперативной группы, были счастливы, если успевали своевременно выполнить партизанский заказ.

Валдайская оперативная группа была не только центром, от которого расходились партизанские дороги. Валдай был притягательной точкой и для фашистской разведки. Фашисты предпринимали попытки внедрить к нам своих агентов. Контрразведчики особого отдела фронта установили, что один бывший советский военнослужащий, сдавшийся в плен и прошедший у фашистов специальную подготовку, неоднократно забрасывался в наш тыл, собирал шпионские сведения и снова возвращался к врагам. Очередное его задание состояло на этот раз в том, чтобы проникнуть в Первую партизанскую бригаду, а оттуда в штаб партизанского движения.

Под видом солдата, бежавшего из плена, лазутчик попал к партизанам. Здесь при чистке пистолета он как бы случайно прострелил себе ногу и был отправлен в госпиталь, а после выздоровления появился в Валдае. Он, конечно, не знал, что за ним уже давно и зорко следили чекисты. В моем маленьком рабочем кабинете фашистский прихвостень был арестован...

Вспоминая о партизанском прошлом, нельзя не сказать доброго слова о наших славных помощниках-авиаторах из эскадрильи самолетов У-2, которой командовал полковник П. С. Рассказов. Пилоты Евгений Реут, Михаил Муратов, Николай Сабуров, Василий Фадеев были хорошо известны партизанам. Летчики партизанской авиации перебросили через фронт около 15 тысяч

винтовок, 7 тысяч автоматов, свыше тысячи пулеметов, противотанковых ружей и минометов, многие тысячи мин и гранат, тонны взрывчатки, спасли сотни и тысячи раненых партизан.

Наш домик у озера нередко посещали латышские и эстонские партизаны. Бывали у нас и немецкие подпольщики-тельмановцы перед выходом в тыл врага. Для всех братьев по оружию у нас находились и доброе слово совета, и надежная поддержка.

П. Савельев,
*в 1941—1943 гг. заместитель начальника
оперативного отдела Валдайской опергруппы;
Ленинградского штаба партизанского движения*

ПОДПОЛЬЩИЦА ОЛЬГА МОРОЗОВА

«Мама! Как тяжелы эти цепи!»... Слова были написаны на маленьком клочке бумаги, скатанной шариком. Эту записку Пелагея Егоровна Морозова-Симонова получила из фашистской тюрьмы от дочери Ольги 8 декабря 1943 года.

Немногие участники Псковского партийно-комсомольского подполья знали тогда, что Ольга Морозова выполняла особо сложное рискованное задание.

Весной 1941 года Ольга окончила среднюю школу. Мечтала учиться дальше. Но мечты не сбылись. В жизнь советских людей воем сирен, грохотом взрывов и огнем пожаров ворвалась война.

9 июля 1941 года в Псков вступил враг. Наблюдала Ольга, как через Псков к Ленинграду шли колонны автомашин и танков. На улицах города звучала чужая речь. Гитлеровцы грабили магазины, врвались в квартиры.

Начались ночные облавы и аресты. На базарной площади для устрашения жителей города фашисты повесили двух работников конторы «Заготзерно». Трупы казненных несколько суток раскачивались на столбах у входа в крепость. 17 августа 1941 года на той же базарной площади к столбам были привязаны десять заложников, которых затем расстреляли публично. Офицер объявил, что расстреляны «опасные преступники — партизаны» за то, что «осмелились напасть на солдата великой Германии». А псковичи видели у столбов парней с улицы Некрасова, рабочих завода «Металлист», не успевших эвакуироваться до нашествия фашистов.

Гитлеровцы хотели устрашить советских людей. Но добились лишь того, что день ото дня крепла ненависть к захватчикам.

Жители всячески помогали пленным, содержавшимся в гитлеровских концлагерях. Передавали им хлеб, кар-

тошку, бинты, табак. Потом в лагеря стали попадать листовки с призывом к побегу, куски карт с маршрутами в надежные места, записки с адресами, одежда и обувь, даже ножи и пистолеты. Это уже действовали подпольщики.

По заданию секретаря Псковского подпольного райкома партии Ивана Григорьевича Киселева Ольга Морозова поступила работать в отдел учета биржи труда, которую оккупанты открыли в Доме специалистов на улице Ленина. Для этого учреждения гитлеровцам нужны были местные люди, знающие город и владеющие немецким языком.

Родителям было сказано, что Ольга вынуждена пойти на такой шаг, чтобы ее не угнали на торфозаготовки или в Германию. А для подпольной организации города деятельность Морозовой на бирже труда имела исключительное важное значение.

Когда оккупационные власти выдали всем жителям временные удостоверения (так называемые «аусвайсы»), двенадцать бланков с печатями и подписями были похищены и переданы подпольщикам. Сделали это псковские комсомолки Ольга Морозова и Клавдия Иванова.

Для отправки в Германию фашисты отбирали молодых, здоровых людей. Зная эти требования оккупантов, врач Александра Ивановна Рубцова, участница подполья, выдавала людям справки о болезнях. По этим фальшивым справкам Морозова выписывала документы об освобождении от тяжелых работ и от выезда в Германию. Иногда приходилось прибегать даже к имитации хирургических операций, когда здоровому парню срочно «вырезали аппендицит». Документы, получаемые через Рубцову и Морозову, были надежными. Смелые подпольщицы спасли жизнь многим псковичам.

Ольга Морозова не только снабжала своих друзей из подполья бланками пропусков, но и заранее предупреждала о намечаемых облавах и проверках документов.

Она принимала активное участие и в сборе разведанных.

Полиция и гестапо хватали людей по малейшему подозрению. В руках у фашистов оказалось несколько поддельных паспортов. После этого аресты усилились.

У фашистов не было настоящих улик, но подозрения вели их на биржу труда.

Вечером 20 ноября фашисты пожаловали на квартиру Морозовых в доме 18 по Милицейской улице. Ольга только что пришла и не успела снять пальто, как жандармы, окружив дом, ворвались в квартиру. Агент гестапо вырвал из рук Ольги сумку, и на стол высыпались бланки пропусков. Через два дня фашисты арестовали и врача Рубцову.

Начались допросы. Для пыток гестаповцы применяли плети, шомпола, особую «технику». В деревне Гнилице в доме полиции была специальная комната пыток под названием «баня». Здесь допрашиваемых раздевали и на морозе обливали водой из пожарного шланга. А когда человек коченел, палачи тащили свою жертву «разогревать». Морозова подвергалась таким пыткам. Ее били палкой по голове, пяткам и ладоням. Грудь и спина ее были покрыты кровавыми рубцами после ударов резиновой дубинкой. Ее везли по улицам города в кандалах. На шее висела дощечка с надписью: «Кто опознает и скажет, что это партизанка?».

Пытки не сломили волю подпольщицы. Она не выдала своих товарищей.

19 декабря в камеру к А. И. Рубцовой втокнули лазутчицу, выдававшую себя за партизанку. Неискушенная в гестаповских подлостях, в порыве сочувствия и откровенности Александра Ивановна рассказала предательнице о своей подпольной работе.

Но и на этой провокации гестаповцы не успокоились. Им нужно было, чтобы подпольщицы выдали своих друзей. Начались новые пытки.

Ольгу со связанными назад руками везли из тюрьмы на допросы. И каждый день ее сестра Варвара или кто-нибудь другой из родственников подолгу ждали на улице. Ждали, когда поведут, чтобы увидеться, убедиться, что жива.

И вот однажды на мостовой остался маленький шарик серой бумаги. Дома бумажку развернули и прочли... имена предателей. Записка заканчивалась словами: «Прощайте, родные! Сестра, береги мать! Отомсти за меня!»

В 7 часов утра 9 января 1944 года Ольгу Александровну Морозову и Александру Ивановну Рубцову, истерзанных, но не сломленных подпольщиц, вместе

с другими псковичами-патриотами увезли к лесопункту за станцией Березка и там расстреляли.

Зимой 1951 года я разговаривал с матерью Ольги Пелагеей Егоровной Морозовой. Ей было тогда 75 лет. Старая женщина — мать горестно переживала гибель любимой дочери. Вспоминая о своей Оленьке, она тихо плакала, и слезы текли по изрытому морщинами лицу. В руках она перебирала пучок тонких девичьих волос.

— Когда Оленьку водили по городу, кандалы терли ей ноги и руки. Она вырывала волосы из своих кос и запихивали в кольца кандалов, чтобы было не так больно. Вот и остались мне на память эти волосы-закладки. Да вот еще записка, — Пелагея Егоровна вынула из коробки клочок бумаги: — Не знаю, можно ли прочесть — бумага стерлась. Это я своими слезами письмо испортила...

На серой бумаге едва различались слова: «Мама! Как тяжелы эти цепи!»...

В. Смирнов,
*в 1943—1944 гг. заместитель командира
Второй Ленинградской партизанской бригады
по разведке*

ПОДПОЛЬНЫЙ РАЙКОМ ДЕЙСТВУЕТ

Пятнадцатого августа 1942 года я был вызван в Калининский обком ВКП(б). Там мне сообщили, что формируется райком партии, который должен работать в тылу врага на территории Пустошкинского района, и что я назначаюсь секретарем этого райкома. В канун отправки во вражеский тыл членов подпольного райкома пригласил на беседу первый секретарь обкома партии Иван Павлович Бойцов. Он обрисовал обстановку, стратегическое положение района и поставил перед райкомом задачу: поднимать советских людей, оставшихся на оккупированной территории, на священную борьбу с фашизмом.

После небольшой необходимой подготовки члены подпольного райкома вместе со Второй Калининской партизанской бригадой в первых числах сентября 1942 года перешли передний край противника и оказались в тылу фашистских войск.

На заседании бюро райкома партии было решено: секретарям райкома и членам бюро действовать в составе бригады в качестве комиссаров и командиров отрядов. Это обеспечивало наше участие в боевых операциях, давало возможность вести повседневную политическую работу среди партизан и населения. Местом расположения райкома и партизанских баз была определена часть Пустошкинского района на стыке с Невельским и Идрицким районами. Лесисто-болотистая местность с большим количеством озер была удобна для маневрирования и организации засад.

Пустошкинский район с запада на восток пересекает железная дорога Рига—Москва, а с севера на юг — шоссе Ленинград—Киев. По этим дорогам шла интенсивная переброска войск и техники противника во всех направлениях.

Пытаясь надломить дух советских людей, оказавшихся на временно оккупированной территории, парализовать их волю к сопротивлению, оккупанты прославляли свои успехи на фронтах, не раз объявляя, что Москва и Ленинград заняты, Красная Армия разбита. И хотя фашистской брехне народ и так не верил, райком партии считал одной из своих важнейших задач вести контрпропаганду, сообщать советским людям правду о войне.

Райком сразу же приступил к созданию подпольных групп, проведению собраний граждан деревень, распространению сводок Совинформбюро и листовок. Мы повсеместно встречали активную поддержку и помощь населения.

Однажды вечером в деревне Авинище я зашел в дом к учительнице Екатерине Кузьминичне Шарепе. После нескольких вопросов я сказал: «Нам известно, что вы оказываете помощь партизанам. Райком партии намерен поручить вам размножение и распространение сводок Совинформбюро и листовок».

— Райком партии?! — глаза ее засветились огнем радости. — Я готова выполнить любое поручение. И не я одна...

И действительно, у патриотки были надежные помощники: Капа, Шура и Нюра — беженки из-под Ленинграда (их фамилии, к сожалению, не сохранились в памяти).

Эта боевая четверка стала нашим первым звеном в цепи подпольной связи. Вторая такая группа была организована в деревне Неведро. Ее возглавила жена командира Красной Армии Ксения Николаевна Трощенко, которая перед самой войной приехала сюда навестить родных и волею обстоятельств осталась на оккупированной территории.

Как-то в дом, где жила теперь у матери двадцатилетняя Ксения со своей дочерью, двумя маленькими племянниками, родители которых были в Ленинграде, и девятилетней сестренкой, зашел командир партизанского отряда Андрей Андрианович Александров.

— Чьи это дети? — удивился он, увидев ватагу малышей, облепивших молодую женщину.

— Мои, — слушавила Ксения Николаевна.

— Ваша главная задача — вырастить и сберечь детей. Это будет вашим подвигом. А когда возникнет

крайняя необходимость, мы обратимся к вам за помощью.

И такое время настало. К. Н. Трощенко стала распространять листовки. Размножив полученные от нас сводки Совинформбюро, Ксения Николаевна шла в открывшуюся в Неведро церковь, ставшую местом явки и встреч подпольщиков и связных. Там уже усердно осеяли себя крестом Марфа Гулытьева из деревни Тимоново, Евгения Мухина из Волкова, Ольга Пузыня (ныне Егорова) из Ломоносова, Аня Немчинова из Шамонова. Ксения Николаевна рассовывала листовки в их карманы, корзиночки, сумки. Здесь же Трощенко подбрасывала листовки обычным прихожанам. И не было случая, чтобы кто-то донес полиции или гитлеровцам о распространении листовок в церкви.

В Линецком лесничестве работал Иван Малофеевич Жгун. Служебное положение позволяло ему часто бывать в Пустошке, да и контора его размещалась в деревне Линец на Ленинградском шоссе, откуда можно было наблюдать за передвижением фашистских войск. Немецкие власти пытались опереться на лесных работников, надеясь получить от них сообщения о партизанах. Но Жгун и лесник Леон Степанович Баранов были патриотами Родины. Они много раз сообщали нам о готовящихся карательных операциях, о мобилизации населения на те или другие работы и о передвижении вражеских войск. С ними часто встречался заместитель командира отряда «Народный мститель» И. И. Букаров.

В деревне Ерастовке у нас действовал целый «взвод писарей», как шутя мы называли группу Лены Подрезовой. Размножением и распространением сводок и листовок занимались сестра Лены Тамара, брат — пионер Володя, Женя и Лиза Сергеенковы, Оля Комоедова, Тая Князева и другие. Отсюда сотни листовок и сводок Совинформбюро растекались по району.

Зимой в нашу партизанскую бригаду, при которой находился райком партни, из-за линии фронта прибыла второй секретарь райкома комсомола Александра Иванова Афанасьева. Она доставила портативную типографию. Теперь райком получил возможность быстрее размножать сообщения Совинформбюро. Отпечатанные в лесу листовки регулярно появлялись на базаре и в других людных местах Пустошки. В город их достав-

ляли учительница Марфа Устиновна Гулятьева и ее сестра Анна Устиновна.

Активная массово-политическая работа, которую проводили среди населения члены райкома и коммунисты-партизаны, значительно укрепила наше положение. Если сразу после прибытия на место мы с опаской заходили в некоторые деревни, то позднее осенью и зимой нас повсюду встречали как родных: всегда находились проводники и связные, нас снабжали продовольствием, а иногда даже оружием. В отряды вливалась молодежь. Линию фронта мы переходили с отрядом в 110 человек, в январе 1943 года в бригаде было семь отрядов — 700 партизан, а в июне 1943 года — свыше 1300 бойцов.

В деревне Станки мы познакомились с семьей Демьяна Гавриловича Лысенко. В армию он не был призван по состоянию здоровья. Почти каждую ночь водил он партизан в разведку по одному ему известным глухим тропам. Его дом был постоянным местом приюта для раненых. Жена Лысенко Анна Герасимовна стирала и чинила одежду, выпекала хлеб и часто сама приносила продукты в условленное место. Партизанам помогали и дети — Женя, Люба и Петя, которым в то время было от десяти до пятнадцати лет.

Летом 1943 года недалеко от деревни Станки в воздушном бою был подбит советский самолет. Летчик выбросился на парашюте из объятый пламенем машины. Приземлившись, он укрылся в лесу, а когда сгустились сумерки, пошел в деревню и, на счастье, постучал в дом Лысенко. Лицо и руки летчика были сильно обожжены. Хозяйка, густо смазав ожоги топленным гусиным салом, забинтовала лицо и руки. Летчику стало значительно легче. Несколько дней ухаживала за ним Анна Герасимовна. Потом Демьян Гаврилович переправил летчика на партизанскую базу близ озера Язно.

Однажды в Станки ворвались полицаи. Сам Лысенко был в лесу. Каратели арестовали его жену, подожгли дом. Начался грабеж деревни. Анну Герасимовну поручено было охранять одному из полицаев. Тому, видимо, тоже захотелось урвать свою долю. Приказав женщине не двигаться с места, он бросился в ближайший дом. Воспользовавшись этим, Анна вместе с детьми успела убежать.

Семья Лысенко активно помогала партизанам вплоть до ноября 1943 года, когда деревня была освобождена Красной Армией. После изгнания оккупантов линия фронта проходила всего в трех-четыре километрах от Станков. Командир части, узнав, что Лысенко был проводником у партизан, обратился к нему с просьбой помочь разведчикам пробраться в тыл врага. Демьян Гаврилович в течение двух суток выполнял задание командования. Разведчики собрали ценные сведения, а затем благополучно возвратились обратно. (Демьян Гаврилович Лысенко за активное участие в партизанском движении награжден орденом Отечественной войны II степени.)

Подпольный райком партии придавал большое значение собраниям граждан деревень, находящихся на оккупированной территории. С неослабным интересом слушали люди сообщения об успехах Красной Армии, о боевых действиях партизан.

Деревня Тимоново была местом отдыха для разбитых на фронте немецких частей. Там обычно размещалось около двухсот солдат и офицеров противника. Этот гарнизон очень мешал нашим партизанам проходить в Пустошку, пробираться к шоссе и железной дороге для совершения диверсий. На одном из заседаний бюро райкома партии командир отряда А. А. Александров предложил уничтожить этот вражеский гарнизон.

2 декабря 1942 года, охватив деревню полукольцом, партизаны открыли минометный и пулеметный огонь, а затем штурмом захватили Тимоново. Как только утихли последние выстрелы, в деревне провели собрание.

Люди с большим интересом слушали мой рассказ о положении на фронтах, о борьбе партизан в тылу врага, о вестях с Большой земли. А потом посыпались десятки, сотни вопросов. Чувствовалось, что люди истосковались по живому партийному слову. Во время размещения в Тимонове фашистского гарнизона никому из жителей не разрешалось выходить из деревни. И вот, как до войны,— общее собрание. Можно задавать любые вопросы. И кому? Секретарю райкома партии. Многие не расходились, несмотря на ночное время. В числе оставшихся я увидел женщину, которая внимательно

смотрела на меня. «Наверное, хочет с чем-нибудь обратиться», — подумал я и подошел к ней.

Это была Мария Кузьминична Сеницына. Ее муж Василий Макарович Сеницын работал до войны учителем местной школы, старшая дочь Мария заведовала избой-читальней.

Сеницыны имели свой радиоприемник и тайком слушали голос родной Москвы. Мария шла к людям и рассказывала об услышанном по радио.

Летом 1942 года в Тимонове разместились фашисты. Они как-то прознали, что у Сеницыных есть радиоприемник. В дом ворвались фашисты, все перевернули вверх дном. Радиоприемник нашли. Василия Макаровича и дочь Марию арестовали и расстреляли. Мария Кузьминична осталась с 17-летней Тamarой и двумя малолетними внуками, детьми погибшей дочери.

Я посоветовал ей уйти к партизанам, чтобы спасти себя и маленьких детей. Так Сеницына и поступила. В отряде Мария Кузьминична работала на кухне, а Тамара стала разведчицей.

Вспоминается и другой случай. После собрания в деревне Лешни ко мне подошел колхозник Петр Хачков и, улыбаясь, сказал:

— А для партизан у меня есть небольшой подарок.

Он повел меня к себе в дом и вручил ручной пулемет, снайперскую винтовку и два ящика патронов.

В первый день нового, 1943 года до нас дошла радостная весть о том, что Красная Армия разгромила гитлеровцев на берегу Ловати и над многострадальным городом Великие Луки снова взвилось красное знамя. Мы решили созвать собрание молодежи. Юношам и девушкам были разосланы специальные приглашительные записки. Их ночью разносили партизаны-комсомольцы и десятки наших добровольных помощников.

К 12 часам 3 января клуб деревни Морозово был переполнен. На наше приглашение откликнулось более 250 человек. Сидели на скамейках, подоконниках, стояли в проходах. На сцене было установлено красное знамя, на котором девушки вышили слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Собрание открыл кратким вступительным словом секретарь подпольного райкома партии Александров. С докладом «Наступление Красной Армии и задачи

молодежи оккупированных районов» было поручено выступить мне. Партизанка Нина Салазко зачитала обращение областного комитета комсомола к молодежи.

Важное место отводил райком партии организации подпольной работы.

Через связных нам стало известно, что в городской больнице работает окруженец — военный врач Степан Иванович Жевтяк, выдающий себя за беженца. Под видом больной мы направили к нему Анну Артеменкову из деревни Житниково. Во время приема она на словах передала Жевтяку указание райкома партии и штаба партизанского отряда — помочь нам медикаментами и в дальнейшем сотрудничать с нами. Степан Иванович полностью выполнил это поручение.

Однажды гитлеровцы гнали через Пустошку большую группу военнопленных. Фашист выстрелил из пистолета в спину ослабевшему красноармейцу, но тот чудом остался жив. Его подобрали колхозники из деревни Шубино, переодели и доставили в больницу. Степан Иванович вылечил красноармейца, устроил его дворником в больницу, а позднее, когда Сабур Дашкин — так звали красноармейца — окреп, переправил его в партизанский отряд.

Жительница Пустошки Шестопалова обратилась к Жевтяку с просьбой спасти ее детей Веру и Ивана от угона в Германию. Врач выдал справки, что дети больны. Вскоре после этого Шестопалова с помощью своей тети А. И. Трофимовой из деревни Заволочье, которая имела с нами связь, пришла вместе с детьми в партизанский отряд.

Трофимова часто ходила в город на разведку. Ее, видимо, заметили, арестовали и посадили в тюрьму. Там Трофимова стала жаловаться на сильную боль в желудке. Мы обратились к Жевтяку с просьбой постараться выручить женщину, тем более что гестаповцы прямых улик против нее не имели. Жевтяк с большим риском для себя пошел в городскую полицию, получил разрешение и, осмотрев больную, предложил срочно положить женщину на стационарное лечение. Так мужественный подпольщик спас свою связную.

А вскоре из Пустошки поступила тревожная весть. Фашисты арестовали и расстреляли члена подпольной

группы хирурга З. Т. Акмарова. Теперь нужно было срочно спасти Жевтяка. Шестопалова вместе с командиром взвода М. С. Зуевым начала готовить переход Степана Ивановича к партизанам.

Под видом тяжело больной на прием к Жевтяку снова пришла А. И. Трофимова. Она сообщила, что в четырех километрах от города его будет ждать специальная группа партизан. Медлить было нельзя. Собрав небольшой походный чемодан с медикаментами, под предлогом вызова в больницу Жевтяк выбрался из города, прошел до реки Крупей и свернул в лес, где его и ждали Михаил Семенович Зуев с товарищами.

Вместе со Степаном Ивановичем ушла и молодой врач Мария Александровна Забродина. Потом она вместе с Жевтяком работала в бригадном госпитале. Родина отметила заслуги Степана Ивановича Жевтяка орденом Красной Звезды.

В немецкой комендатуре Пустошки работала переводчицей комсомолка Евгения Федорова, а в городской управе — Мария Циркунова. Они передавали нам ценные сведения. На железнодорожной станции Пустошка стрелочником работал Андрей Семенович Портнов, от которого мы получали данные о передвижении вражеских войск по железной дороге. В ночь на 1 ноября 1943 года он организовал крушение двух эшелонов с солдатами противника.

Получаемые от подпольщиков города разведанные мы сообщали по радию в штаб партизанского движения.

Активно действовала в Пустошке подпольная группа во главе с учителем Сергейцевской школы Егором Прокофьевичем Пузыней. Вместе с другими товарищами в эту группу входила семья Ивана Васильевича Ващенко из деревни Мироново, до войны работавшего поваром ресторана в Пустошке. Иван Васильевич имел много знакомств в городе. Через него в Пустошку доставлялись листовки и сводки Совинформбюро.

Не щадя сил своих и самой жизни, отважно сражались с врагом партизаны и подпольщики. Лучшие из них вступали в партию, молодежь — в комсомол. За время действия подпольного райкома в партию было принято 283 партизана.

Вспоминается вечер 28 ноября 1942 года в крестьянской избе. При тусклом свете керосиновой лампы шло заседание бюро райкома. Рассматривались заявления о приеме в ряды ВКП(б).

По окончании заседания бюро ко мне подошел невысокий плотный паренек в полушубке. Это был Макарий Березкин.

— Я теперь коммунист. Прошу посылать меня на самые ответственные задания.

Так было часто. Многие из принятых в партию сразу же с заседания бюро шли на боевую операцию.

Я. Васильев,
*в 1942—1943 гг. секретарь
Пустошкинского подпольного райкома партии*

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

На почтовой открытке карандашом наспех написано: «Целую, крепко обнимаю, Шурочка, тебя и дочурок. Писем не жди долго. Костя». Ниже на уголке: «Не беспокойся, все будет хорошо». И, видимо, еще раз перечитав текст, автор поперек открытки написал: «Доехал благополучно». На круглом почтовом штемпеле — «Ленинград, 8/VII 1941 г.».

Сколько таких — торопливых и ободряющих, с обещанием непременно вернуться домой — открыток и листков из школьной тетради, сложенных треугольниками, приносила почта в те тревожные дни.

Кто такой Костя, пославший 8 июля 1941 года сообщение жене и детям о том, что доехал благополучно? И куда доехал?

Написал открытку Константин Андреевич Андреев — представитель Ленинградского обкома партии в Пскове, один из создателей Псковской подпольной партийной организации в начале Великой Отечественной войны.

...Группа гитлеровских войск «Север», в которую входили 16-я и 18-я механизированные, 4-я танковая армии и 1-й воздушный флот, рвалась к Ленинграду. Фашисты стремились как можно быстрее продвинуться в глубь нашей страны, используя преимущества внезапного нападения. Псков оказался на пути фашистского наступления.

В эти напряженные дни Ленинградский обком ВКП(б), выполняя указания Центрального Комитета партии и правительства, мобилизовывал силы для встречи захватчиков на дальних подступах к городу и принимал меры для развития борьбы в тылу врага. Ленинградцы, прежде всего коммунисты и комсомольцы, шли в батальоны народного ополчения, по зову партии вступали в первые партизанские отряды, уходили на выполнение особых заданий.

...Автомашина, груженная взрывчаткой и листовками, остановилась, прижатая встречным потоком машин, где-то у деревни Цапелъка Новосельского района. Дальше к Пскову ехать было невозможно.

Здесь Константин Андреевич и написал свою последнюю открытку. Она была вручена возвращавшемуся в Ленинград шоферу.

И хотя Андреев писал, что «доехал благополучно», после этого 46 километров от Цапелъки до Пскова, ставшего к тому времени фронтовым городом, он шел пешком.

Передав свои документы помощнику первого секретаря Псковского горкома партии Н. И. Головину, Андреев сел на диван и заснул. В приемной хлопали двери, приходили и уходили люди. Над городом появлялись фашистские самолеты, и дважды объявлялась воздушная тревога, а уставший Андреев спал крепким сном. А в это время секретарь горкома А. В. Гушин ломал голову над тем, как и где устроить уполномоченного обкома, чтобы он в условиях оккупации мог быстро легализоваться. Счет времени шел не на часы, а на минуты. Город пылал, в сквере у вокзала рвались снаряды. И тогда секретарь Псковского райкома партии Иван Григорьевич Киселев предложил «сельский» вариант.

А дальше получилось так. В деревне Новое Поле, что близ Елизарова, у председателя колхоза Александра Ивановича Викторова появился новый жилец. В деревне одни говорили, что это застигнутый войной ленинградский дачник, другие уверяли: не дачник, а беженец, потому и оказался у Викторова — председатель колхоза должен обо всех заботиться.

Сам Викторов вроде невзначай сказал как-то, что жилец ему родственник и зовут его Константином. Нашлись соседи, которые после этого уверяли, что, ежели считать по какой-то умершей тетке, то, выходит, Викторов и Андреев не иначе как троюродные братья. Будто бы даже выдывали, как Андреев в молодые годы приезжал в деревню на чью-то свадьбу.

Так была создана первая конспиративная «точка» Псковской подпольной партийной организации. И первыми подпольщиками стали Константин Андреевич Андреев — дядя Костя и верный его помощник, хозяин квартиры Александр Иванович Викторов.

Жаркое лето сменилось холодной осенью. Гитлеровцы чванливо бахвалились военными победами и устанавливали на Псковщине полицейские порядки, прибирая к рукам хозяйства колхозов, совхозов и другое народное добро. А в это время в Пскове и в деревнях вокруг уже росла, набирала опыт и силу подпольная партийная организация — создатель и руководитель партизанских отрядов.

Во главе Псковской подпольной организации были секретари горкома и райкома партии А. В. Гушин и И. Г. Киселев, а также представитель Ленинградского обкома К. А. Андреев.

Подпольная группа Великопольского сельсовета, в которую входили В. Долгов, В. Сынков, П. Галкин, Н. Волочков, Л. Крылов, Н. Антонов, П. Михайлов, была создана общими усилиями Андреева и Киселева. Андреев принимал участие в создании сельских групп Лиховского и Залитского сельсоветов. И если деревня Загустенье Тупицкого сельсовета стала центром районной организации, где находились И. Г. Киселев и председатель райисполкома В. И. Челноков, то в деревне Новое Поле был как бы «филиал» руководства Псковским подпольем.

В деревне и не подозревали, какую важную работу по организации борьбы с фашистскими захватчиками выполняет «родственник» Викторова. Ходил он в шляпе и демисезонном пальто, носил очки в толстой роговой оправе. Вот и стали брата Викторова, в отличие от других беженцев, звать «барин».

Вначале звали в шутку да за глаза, а после Андреев сам начал отзываться на это прозвище, усмехаясь про себя. Происходил он из бедняцкой крестьянской семьи. Участвовал в гражданской войне, тогда же вступил в партию. После учился — упорно и долго, достиг ученой степени кандидата наук, заведовал кафедрой в Ленинградском сельскохозяйственном институте.

Его, старого коммуниста, и послал обком партии для выполнения очень важного поручения в тылу врага.

Колхозники, бывало, увидев Андреева в окно, говорили: «Опять барин куда-то пошел, не сидится дома старому в такое лихое время».

...К началу ноября 1941 года в Пскове и Псковском районе было создано 18 подпольных партийных и

комсомольских групп. В них насчитывалось более ста коммунистов и комсомольцев.

18 ноября 1941 года в лесной землянке у озера Островитное Середкинского района состоялось собрание подпольщиков Пскова, Псковского, Середкинского и Новосельского районов. На этом собрании был документально оформлен Псковский объединенный межрайонный подпольный партийный центр. Возглавил объединенный центр секретарь Псковского горкома ВКП(б) А. В. Гушин. По городу и Псковскому району вели подпольную работу И. Г. Киселев, В. Ф. Михайлов, В. И. Челноков, по Середкинскому району — А. И. Баскеев, М. Ф. Хоботов и В. Я. Чуев, по Новосельскому — В. И. Гаранин и Д. А. Богданов.

В целях удобства и конспирации К. А. Андреев оставался в деревне Новое Поле для организации работы по северным сельсоветам Псковского района. Он же держал связь с подпольем Полновского района, где уполномоченным обкома являлся его сослуживец по институту В. И. Кушников.

Главной задачей подпольной организации в работе с населением на первых порах было пропагандирование доклада «О 24-й годовщине Октября» во всех сельских подпольных группах и в деревнях. (Номер «Ленинградской правды» с докладом у нас был.)

А конкретными делами подпольщиков были сбор оружия и боеприпасов, саботаж распоряжений оккупантов, создание боевых групп актива для партизанской борьбы с захватчиками, распространение сводок Совинформбюро о ходе военных действий, проведение диверсий.

Дядя Костя был грамотным конспиратором. Собраний в деревне не проводил: это был бы излишний риск.

Уже в августе в Загустенье был установлен радиоприемник. Киселев и Челноков регулярно, каждый день записывали сводки Совинформбюро. Связной Валентин Кольцов приносил эти сводки Долгову или Виктору, а уж дядя Костя знал, что с ними делать.

Осторожно, но твердо проводился и саботаж распоряжений хозяйственной администрации и волостного управления. На расчистку дороги от снега люди не выходили, многие «болели» от простуды. На вывозку бревен из леса выезжать тоже было некому.

Начались и диверсии. Сначала в лесу сгорели штабеля бревен, которые были предназначены для вывозки к железной дороге. Зимой, когда фашисты стали переносить Тепляковский аэродром, один самолет ночью так исковеркали, что он годился после этого только на металлолом.

Парни из деревень вокруг Елизарова обзаводились винтовками и патронами, а когда наступила пора, ушли воевать во Вторую и Десятую партизанские бригады.

К весне 1942 года в трех районах действовали уже более 60 сельских подпольных групп. Наиболее активными были Елизаровская, Залитская, Лиховская.

Но хитер и коварен был враг.

Фашисты арестовали Николая Михайлова, руководителя Ольгинопольской подпольной группы. На другой день в Псков выручать отца пошел его сын Иван. Это была непоправимая ошибка неискушенного в конспирации парня. Михайловы не вернулись.

Попал в жандармскую облаву и Александр Иванович Викторов. Но когда фашисты пришли в Новое Поле, дяди Кости там уже не было. Андреев своевременно ушел из деревни. В июле 1942 года он вместе с другими подпольщиками направился через линию фронта для связи с обкомом. Путь к фронту был дальним и опасным. 14 августа в Порховском районе Андреев был схвачен полицейскими. Фашистские палачи замучили ленинградского коммуниста в тюрьме. Погиб и его верный помощник, названный брат Александр Иванович Викторов.

...Я перечитываю последнюю открытку Константина Андреевича. «Писем не жди долго...» И не было писем. Их ждали, но их не было.

А в последний год войны сообщили о том, что коммунист Андреев, выполняя ответственное задание партии, погиб. Но кому было сообщать? Жена Александра и дочь Наташа умерли в блокаде. Осиротевшую дочь Киру поддержали добрые люди, спасли.

Живет в Ленинграде коммунистка, секретарь партийного бюро 3-й фабрики прядильно-ниточного комбината имени С. М. Кирова Кира Константиновна Сахановская. В начале войны ей было всего 13 лет. Куда уехал отец, не знала даже мать. И не сказано об этом ни в письме отца, ни в сообщении о его гибели.

Но все же открытка привела в Псков. Узнав, где погиб отец, Кира Константиновна с мужем Николаем Александровичем Сахновским приехала в Псков. Приехали с родителями и внуки дяди Кости Андрей и Михаил.

Красный автобус остановился у крайнего дома маленькой деревушки Новое Поле, ныне входящей в совхоз имени Жданова. Павел Николаевич Галкин — шофер автобуса, сам бывший партизан, — точно знал, где остановить машину. Вот на зеленой лужайке еще заметны подвальная яма и грудка кирпичного мусора. Здесь и стояла изба Викторова, здесь была конспиративная квартира подпольщика дяди Кости.

Оказалось, что многие в деревне хорошо помнят дядю Костю, через тридцать лет пронесли о нем добрую память.

В деревне Новое Поле Сахновские остались на несколько дней, чтобы побыть с людьми, знавшими Константина Андреевича, побыть рядом с памятью о нем и его делах. Степан Иванов, Ольга Любимова, Волочковы и Галкины, Евдокия Морозова, Ольга Кочина и другие жители деревни жили в те дни воспоминаниями о нелегком прошлом. Вспоминали о том, как на псковской земле шла жестокая и непримиримая борьба с захватчиками и как в этой борьбе не щадили своей жизни лучшие советские люди — такие, как ленинградский коммунист Константин Андреевич Андреев.

В. Акатов,
в 1941 г. секретарь
Псковского райкома ВКП(б)

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Где постоянно жил секретарь Псковского райкома партии Иван Григорьевич Киселев — наш дядя Ваня, — никто из нас не знал. На остров Залита он приходил всегда неожиданно. Если ночевал, то всегда только одну ночь.

Отпустив густую черную бороду, Иван Григорьевич совершенно преобразился. Только хорошо знавшие его раньше по улыбке и прищуре глаз узнавали секретаря райкома. Одевался он по-разному: то приходил в стеганой фуфайке, то в нарядном полушубке и в огромной рысьей шапке. Однажды явился с корзиной за плечами, как приходили люди с берега за рыбой.

Он всегда заходил в нашу больницу «на прием к фельдшеру» — а уж потом оказывался у него в доме. Фельдшер Василий Григорьевич Сынков появился в нашей больнице в сентябре 1941 года, его «перевели» из Елизарова. Вот к Сынкову и приходил дядя Ваня как старый знакомый.

Если вечером из дома Сынкова слышалась игра на гармонии, для всех, кого касалось, это было сигналом: дядя Ваня пришел, и сегодня будет сходка.

К осени 1941 года на Талабских островах уже была небольшая, но дружная и активная подпольная группа. На сходках у Сынкова всегда присутствовали С. И. Белов, Н. И. Корольков — бывший председатель сельсовета, В. А. Подобедов — учитель, Н. И. Капкин — заместитель председателя колхоза, П. Н. Николаенко, служивший ранее на пограничной заставе острова имени Белова. После демобилизации Николаенко женился на дочери погибшего в 1918 году революционера О. П. Хорва и жил с семьей на острове Залита. Приходили на сходки рыбаки М. С. Утцов, Н. И. Бровкин, Н. И. Малышев,

всегда бывал В. И. Ерохов. Иногда собиралось до 15 человек.

На всю жизнь запомнились эти тайные ночные собрания.

Для меня одним из первых было собрание 29 ноября 1941 года. Когда пришел на остров дядя Ваня, никто и не видел. На сходке он каждого радостно приветствовал. А когда все собрались, он по школьной тетради читал доклад на торжественном собрании в Москве «О 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» и речь на параде войск 7 ноября.

Расходились по домам в три часа ночи. Шли разными улицами, по одному. А назавтра волнующие новости уже знали многие.

В другой раз дядя Ваня рассказывал о разгроме фашистских дивизий под Тихвином и Ростовом-на-Дону. А позднее он принес радостную весть о победе Красной Армии под Москвой. Эти желанные сообщения приходили в каждый дом псковских рыбаков, окрыляли всех нас.

Позже других от Сынкova уходили Малышев, Белов, Корольков. С Малышевым Иван Григорьевич уходил на ночлег, если нельзя было ночевать у Сынкova: обстановка в поселке становилась все тревожнее.

На остров вернулся местный кулак двадцатых годов. Тут же, как из темного омута, откуда-то вынырнул купец, бывший рыбный промышленник и хозяин снетосушильного завода и магазинов на островах. (Фамилии этих фашистских холуев я не называю: не место им рядом с именами патриотов.) Оккупанты сразу же поставили кулака волостным старшиной, а бывший купец оказался главным контролером рыбодобычи. Еще до появления бывших хозяйчиков на острове разместился небольшой гарнизон гитлеровцев. На рыбной пристани с весны толкался и осматривал рыбацкие лодки представитель немецкого интендантства.

С появлением всех этих признаков «нового порядка» жизнь на островах стала еще более тревожной и мрачной.

Оккупанты установили ничтожную цену на рыбу. Выходило: чтобы купить килограмм хлеба, нужно сдать фашистам 250 килограммов снетка. Сушеную рыбу жен-

щины носили за 20—30 километров, чтобы обменять ее на муку.

Нужно было что-то противопоставить фашистским порядкам. Решили: Семену Белову работать на приемном пункте. Тут особый глаз нужен, чтобы купец не обманывал рыбаков. Во все рыбацкие звенья по одному вошли члены группы или родственники подпольщиков. Так был установлен наш контроль за добычей рыбы и за сдачей улова. Каждое звено получило рекомендации, как распределять рыбу. Улов делили еще на озере по принципу: одну долю — по возможности похуже — гитлеровцам, а три доли рыбакам. Лодки с рыбацкой долей к приемному пункту не подходили.

Без совета дяди Вани ничего не делалось.

Был такой случай. Не то в сельсовете на чердаке, не то в другом месте отыскивали ребяташки старую поломанную пишущую машинку. Кто-то сказал дяде Ване про машинку, и она сразу пропала, как будто ее и не было. Машинку в ящике с рыбой отправили в Псков. Один хороший парень (Борис Назимов) со своим другом подобрал детали, припаяли несколько букв — отремонтировали машинку. Обрато на остров ее привезли в рыбной таре. А сюда уже приехала на лошади по льду Евдокия Назарова из деревни Тупицы и увезла «посылку» в ящике со снетками. (Теперь эта машинка системы «Мерседес», обгоревшая во время пожара, находится в Псковском краеведческом музее. Видно, она была нужна подпольщикам, иначе бы дядя Ваня не стал с ней возиться.)

С появлением на островах фашистских прихвостней мы соблюдали все меры предосторожности. Сынков на гармони уже не играл, и сходок не устраивали. Фельдшер теперь сам вызывал «больных» на прием. Иногда он ездил в Елизарово и еще куда-то, где встречался с дядей Ваней или с Вадимом Ивановичем Челноковым, председателем исполкома райсовета, членом бюро райкома партии.

И все-таки беда пришла. Не случайно фашисты подослали на остров своих холоуев. И кулак-волостной, и бывший купец скоро стали сводить старые счета с рыбаками.

В марте 1942 года фашисты арестовали С. Белова, П. Николаенко, С. Писанова, П. Капкина, М. Капкина, В. Ерохова. Всем им предъявили обвинение в «связи с партизанами и хищении рыбы». У фашистов не было доказательств, но все арестованные были расстреляны. В апреле в Середкинскую комендатуру вызвали М. С. Утцова. Домой рыбак не вернулся. В июле 1942 года гитлеровцы схватили фельдшера В. Г. Сынова. Он принял мученическую смерть в фашистском застенке...

Летом и осенью 1942 года фашисты наступали на Сталинград, рвались на Северный Кавказ. Гитлеровские брехуны по радио предрекали своим армиям близкую победу. В это время фашистские прихвостни и решили окончательно расквитаться с непокорными жителями острова. Волостное управление составило черный список на 40 «неблагонадежных» семей рыбаков. Этим чудовищным доносом были преданы на расправу Беловы, Малышевы, Богатыревы, Капкины, Подобедовы, Галаховы, Воробьевы, Корольковы, Слесаревы, Мишины и другие семьи рыбаков.

Не зря Иван Григорьевич говорил нам о бдительности, об умении выведывать тайны врага и быть всегда начеку. Узнав о замыслах врага, подпольщики ушли с острова к партизанам. К сожалению, успели скрыться не все. Врасплох фашисты застали семьи Малышевых, Беловых, Богатыревых.

После разгрома гитлеровских армий под Сталинградом в начале 1943 года положение и у нас стало меняться. Чужой близкий час расплаты, фашистские приспешники на островах присмирели, а полиция даже стала заигрывать с рыбаками. Однажды в августовскую ночь партизаны Грошев и Григорович с товарищами пришли к главному фашистскому ставленнику — бывшему купцу. У предателя отобрали запасы муки, сахара, рыбы и увезли в партизанский отряд. На другой же день купец и волостной с полицией тайком удрали в Эстонию. Зная свои грехи перед народом, бежал и местный поп. Убрались с острова и гитлеровские солдаты-зенитчики.

Осенью 1943 года фашисты приступили к выполнению своего злодейского плана превращения Псковщины

в мертвую зону. Явились они и на острова Залитского сельсовета. Это было 6 ноября. На сборы фашисты дали населению 30 минут. Запылали деревянные постройки. Более 600 семей рыбаков под дулами автоматов были погружены в лодки и баржи, увезены на эстонский берег и там брошены на произвол судьбы.

Поселки на островах фашисты выжгли, но покорить рыбаков им не удалось. Подпольная организация работала не зря. Более 200 мужчин своевременно ушли в партизаны и отважно сражались с ненавистным врагом.

В. Подобедова,
*в 1941—1943 гг. связная
подпольной группы Залитского сельсовета
Псковского района*

У ОГНЕВОГО РУБЕЖА

Новосокольники. Перекрестье железных дорог Москва—Рига и Ленинград—Киев. Эта железнодорожная станция была важным стратегическим пунктом в планах гитлеровского командования. В самих Новосокольниках и на станциях Маево, Локня, Насва, в поселке Скоково противник держал крупные гарнизоны. После освобождения Великих Лук в январе 1943 года Новосокольники еще целый год находились на линии фронта, у самого огневого рубежа.

Новосокольники были оккупированы в конце июля 1941 года. А уже через несколько дней в районе начали действовать первые диверсионные группы. Так, в августе 1941 года группа под командованием Н. И. Смирнова уничтожила телефонную связь на участке разъезд Самолуково—Остримовичи. В сентябре подрывники П. Ермоченко, Н. Кудрец и П. Смирнов пустили под откос два эшелона с живой силой противника и боеприпасами на участке железной дороги Новосокольники—Себеж. Партизаны отряда «За Родину!» разгромили вражеский гарнизон в деревне Козино.

Фашистам удалось окружить группу партизан у деревни Смольки. Силы были неравными. Но партизаны завязали бой и сумели выйти из окружения. В том бою особенно отличился партизан Василий Уткин. Он несколько раз возглавлял атаки, а когда партизаны оказались в тяжелом положении, Уткин уничтожил пулеметный расчет фашистов и тем обеспечил успех прорыва.

Партизанская борьба на территории района в первый период велась в очень трудных условиях. Не имея опыта, без связи с центром действовали наши инициативные группы. В схватках погибли многие коммунисты из состава районной парторганизации. Несмотря на по-

тери, зрели силы для организованной всенародной борьбы с захватчиками.

В марте 1942 года Калининский обком ВКП(б) утвердил состав Новосокольнического подпольного райкома партии. Его возглавляли секретари Михаил Александрович Соловьев, Александр Иосифович Овечкин и Николай Никанорович Павлов. В бюро райкома также вошли Николай Павлович Цветков, председатель исполкома райсовета, и Василий Николаевич Яковлев, председатель исполкома горсовета.

Подпольный райком развернул политическую и организаторскую работу среди населения района. Доклады, читки газет, беседы о положении на фронтах, о партизанской войне в тылу врага, о задачах народа в борьбе с захватчиками проводились повсеместно и регулярно. В массовой работе с населением участвовали члены подпольного райкома и коммунисты Анастасия Папелугина, Константин Зарецкий, Иван Аксеновский, Леонид Юрцевич, Александр Пеганов и многие другие активисты. На беседы с подпольщиками в деревнях собирались буквально за несколько минут все от мала до велика — интерес к правдивой партийной информации был чрезвычайно велик.

Летом 1942 года райком наладил выпуск районной газеты «Колхозник». Это был серьезный успех подпольной организации. Редактором газеты стал секретарь райкома партии А. И. Овечкин. Газета призывала население вступать в партизанские отряды, разоблачала чужденоненавистническую суть «нового порядка», насаждаемого фашистами.

Для распространения газет и листовок райком создал специальную группу актива. Среди разносчиков газет особенно предприимчивыми были Александра Яковлева, Антонина Купреева, Павел Плотников, Антонина Шубаренкова, Михаил Логинов, Александр Мионов. Наши газеты распространялись во всех партизанских отрядах и в деревнях района, включая и поселки, где находились фашистские гарнизоны.

Оккупанты пытались создавать в деревнях свои органы власти, так называемые волостные управы. Летом 1942 года партизаны при помощи населения разгромили Рыкшанскую, Раменскую, Горожанскую, Коростылевскую и другие управы. В тылу врага успешно работали наши депутатские группы. Например, руководитель

депутатской группы Плайского сельсовета Фортов собрал около 30 тонн зерна для партизан. Другие члены группы Фортова распространяли газеты и проводили собрания. Активно действовали группы под руководством И. Т. Полибина, А. М. Смирнова, С. П. Веселова в Луначарском, Должанском и Руновском сельсоветах.

В ноябре 1942 года в районе действовали девять местных отрядов, объединенных в три партизанские бригады. В них насчитывалось свыше 1500 бойцов. Подпольный райком партии переправил через линию фронта более тысячи молодых парней,— все они вступили в ряды Красной Армии.

В октябре 1942 года в деревне Рыкшино было проведено общерайонное партийное собрание. На нем обсуждался мой доклад «О расширении партизанского движения и боевых действий против немецко-фашистских захватчиков». Это необычное собрание прошло активно и имело очень важное значение. Намеченные собрания мероприятия были проведены организованно и быстро. Кстати, именно тогда, в течение нескольких дней, была развернута наша Третья партизанская бригада.

Необходимо сказать несколько слов о командовании бригад.

Первая партизанская бригада была создана в июле 1942 года на базе отрядов А. М. Ромакова и М. И. Папенкова. Командиром бригады бюро райкома утвердило Н. П. Цветкова, комиссаром — М. А. Соловьева. Второй бригадой, созданной в августе 1942 года, командовал Н. Н. Павлов, комиссаром в ней был К. А. Зарецкий. Командиром Третьей бригады бюро утвердило М. И. Папенкова, комиссаром — В. Н. Яковлева. Командирами и комиссарами отрядов были коммунисты Павел Львов, Анатолий Блинов, Арнольд Стальберг, Анастасия Папелугина, Петр Воронцов, Леонид Юрцевич и другие товарищи. Кроме того, были созданы отдельные диверсионные группы, которые возглавляли комсомольцы Миронов, Логинов, Соловьев и беспартийные партизаны Филиппов, Смирнов, Ермоченко. Диверсионные группы взрывали железнодорожные мосты и полотно, спускали под откос эшелоны, разрушали связь.

Партизанские бригады и отряды в основном вели бои с полевыми и охранно-полицейскими подразделениями, противостояли карательным командам, спасая население

ние от истребления и угона в фашистское рабство. С течением времени отряды приобретали боевой опыт, совершенствовали свое военное мастерство и наносили врагу ощутимый урон.

В первых числах июля 1942 года отряды Первой бригады расположились в деревнях Жары и Иванцово Локнянского района. В это время в соседнюю деревню Альхимово пришло подразделение гитлеровцев. Было решено встретить карателей на окраине деревни Жары. Местность здесь была весьма выгодной для обороны. Правда, фашистов насчитывалось до шестисот, а партизан было всего сто двадцать, но мы решили принять бой. Он был жестоким. На поле у деревни Жары осталось более ста вражеских трупов.

В сентябре 1942 года отряд под командованием Стальберга и Евстигнеева разбил колонну автомашин с продовольствием близ деревни Лебедево. Были уничтожены два танка, восемь автомашин, истреблены поголовно все сопровождавшие колонну гитлеровцы. Здесь дружно действовали взвод А. П. Пеганова и отделение А. М. Миронова.

В ноябре фашисты предприняли новую карательную экспедицию против партизан в районе деревень Качаново, Суворово, Шматы. Отряды Стальберга, Бородина, Блинова уничтожили более семидесяти солдат и офицеров противника и сорвали замыслы карателей...

По далеко не полным данным, партизаны, действовавшие на территории Новоскольного района, подбили пять вражеских танков, спустили под откос 29 железнодорожных составов, взорвали 10 мостов, уничтожили около 2700 гитлеровских солдат и офицеров.

М. Соловьев,
*в 1942 г. секретарь
Новоскольного подпольного райкома партии*

МЫ — СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

В конце июля 1941 года близ деревни Вязовка Белебелковского района был организован конный партизанский отряд «Буденновец». Он полностью состоял из коммунистов Дедовичского района. Секретари райкома партии Н. А. Рачков и А. Ф. Майоров стали командиром и комиссаром отряда. Других наших товарищей — А. Г. Поруценко, В. П. Бундзена, А. И. Лосеву, В. И. Лильбока, Ф. Е. Потапова, М. С. Харченко — всего около сорока человек — включили в отряд «Грозный». Оба отряда входили во Вторую Ленинградскую партизанскую бригаду, которой командовал бывший начальник Дома Красной Армии города Новгорода Н. Г. Васильев (комиссар — член Ленинградского обкома ВКП(б), секретарь Порховского райкома партии С. А. Орлов).

К осени стало ясно, что наше пребывание в тылу врага будет длительным. Надо было думать, как работать с населением и обеспечить боевые действия партизан в зимних условиях. Командование бригады сознавало, что успех дела зависит от того, как население будет содействовать партизанам, как оно включится в активную борьбу с оккупантами.

В последних числах августа комиссар бригады С. А. Орлов направил большую группу партизанского актива по деревням, чтобы изучить настроение населения. Колхозники встречали нас радушно, расспрашивали о делах на фронте, о Ленинграде. Нас угощали — кто чем мог. Собирали подарки: теплые носки, рукавицы, белье.

Наши донесения помогли командованию бригады сделать определенные выводы. Комиссар бригады решил прежде всего создать «тройку» для руководства политической и хозяйственной жизнью в Белебелковском районе. Здесь в начале сентября 1941 года еще не было

гарнизонов противника. В распоряжении «тройки» было десять работников из районного партактива. Накопив некоторый опыт, командование бригады создало «тройки» в Дедовичском, а затем и в Ашевском районах.

Председателем дедовичской «тройки» был назначен бывший председатель исполкома Дедовичского райсовета А. Г. Поруценко, его заместителем по партийно-массовой работе — Е. М. Петрова, членом «тройки» — В. И. Лильбок. Секретарем «тройки» стала А. И. Лосева (впоследствии — Д. И. Иванов, А. И. Лосеву освободили для работы среди молодежи), И. Н. Редькин — инструктором по партийно-массовой работе, начальником заготовок и снабжения — Ф. Е. Потапов, инструктором по земельным вопросам — П. Н. Разуев, помощником по разведке — С. И. Засорин, командиром отряда — А. В. Дубов. («Тройке» было разрешено создать партизанский отряд из местного населения.)

Какие задачи ставились перед «тройками»? Создание подпольных партийных и комсомольских организаций, восстановление органов Советской власти и колхозов в тылу врага, выявление и уничтожение предателей Родины, широкая разъяснительная работа среди населения, направленная на укрепление уверенности людей в победе над врагом и вовлечение их в активную партизанскую войну, организация постоянной помощи партизанам, создание продовольственных баз, мастерских по пошиву одежды и обуви, разведка силами населения, срыв всех мероприятий оккупационных властей.

Оргтройка Дедовичского района располагалась в деревнях Мухарево и Барсуки. После того как каратели сожгли эти деревни, члены «тройки» находились в Дубовке, а после — в Круглове.

Работа с населением проводилась широко, на высоком патриотическом уровне.

6 ноября 1941 года провели в деревнях торжественные заседания, посвященные 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 7 ноября собрались в деревне Татинец. Кроме торжественного собрания, здесь провели заседание правления колхоза «Красный Остров». Председателем колхоза продолжал работать Иван Иванович Белянкин. Выращенный урожай был распределен по трудодням, а все, что полагалось сдать по госпоставкам, передано партизанам.

8 ноября состоялось собрание актива Паревичского сельсовета.

10 ноября пришли дети колхозников и принесли нам пакет, который они нашли в кустах. В пакете, сброшенном с самолета, оказалось 28 экземпляров газет с докладом на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великого Октября, и речью на параде советских войск на Красной площади 7 ноября. На первом экземпляре газеты красным карандашом крупными буквами было написано: «Привет красным партизанам от пионеров колхоза «„Красное Круглово“».

Взволнованные таким подарком, мы сердечно поблагодарили детей и выделили им один экземпляр для чтения в их деревне. Второй экземпляр газеты мы отдали командиру дновского партизанского отряда «Дружный» В. И. Зиновьеву, который, возвращаясь из штаба бригады, зашел нас навестить. Василий Иванович поспешил в отряд с дорогим подарком. Несколько газет мы отправили в штаб бригады, а остальные использовали для читки на собраниях актива в Бродковском, Юфимовском, Дегожском, Малышевском и Сосницком сельсоветах. На этих же собраниях утверждали председателей сельсоветов (восстанавливали прежних или назначали новых) и выбирали председателей колхозов.

Собрания проводились тайно: сбор назначали в одном месте, где дежурил связной, а проводились они совсем в другом. Председатели сельсоветов тоже действовали нелегально. Никто никогда на собрания не опаздывал. Приходили, как правило, раньше назначенного времени, приводили с собой друзей и просили разрешить им присутствовать, поручаясь за них. Случаев провала собраний не было. Начинали их с читки газет, а потом переходили к обсуждению насущных задач.

В ноябре в штаб бригады прилетел представитель Северо-Западного фронта А. А. Тужиков. Меня вызвали к нему на беседу. Алексей Алексеевич подробно расспрашивал о положении в районе, о настроениях среди населения о том, с какими трудностями нам пришлось встретиться в первые дни работы. Он заверил, что мы будем получать из штаба бригады материалы для политико-массовой работы среди населения, так как у штаба теперь есть радиостанция, которая, в частности, принимает сводки Совинформбюро.

Я рассказала, что желающих вступить в партизанские отряды очень много, но бригада не может всех принять из-за недостатка вооружения. Сообщила, что при «тройке» мы создали партийную организацию, в которой 24 коммуниста.

В середине ноября «тройка» разместилась в деревне Барсуки.

Большое внимание мы уделяли разведке и связи между деревнями и «тройкой»: установили порядок дежурства в деревнях, сообщения о появлении вражеских отрядов передавались по цепочке. Партизаны имели возможность своевременно выставить засады на пути противника и уничтожить непрошенных гостей.

Коммунисты и комсомольцы развернули широкую разъяснительную работу среди населения, привлекли к этой работе учителей, регулярно проводили в деревнях читки газет и сводок Совинформбюро.

Отрадно было наблюдать, как к Серболовскому лесу шли обозы с продуктами для партизан. Иногда, подъезжая к заготовительным пунктам, колхозники на первой повозке устанавливали красный флажок или лозунг. Партизанам привозили также валенки, шубы, лыжи, маскхалаты.

Уничтожить партизан, навести в этом крае «новый порядок» мелкие карательные отряды фашистов не могли. Поэтому в декабре 1941 года гитлеровцы организовали большую карательную экспедицию против Партизанского края. В этой экспедиции участвовало более 4000 солдат и офицеров регулярных войск, которым были приданы артиллерия, танки, авиация.

Каратели сжимали кольцо вокруг Партизанского края. 2 декабря они заняли деревни от Паревичей до Мухарева. Тройка отошла в Серболовский лес, в расположение отряда «Буденовец» и штаба Второй партизанской бригады.

Комбриг Н. Г. Васильев решил вывести партизан из-под удара карателей. 4 декабря поздно вечером в сорокаградусный мороз мы пошли по глубокому снегу на юг, 5 и 6 декабря находились у деревни Еловец на краю непроходимых болот. Метель заносила наши следы.

7 декабря разведка вернулась из деревни Сусельницы и сообщила, что фашисты ее оставили. С этого дня каратели стали покидать и другие деревни края. Мы

тогда не знали, что главной причиной этого были успешные бои Красной Армии под Москвой.

К 9 декабря штаб бригады установил связь со всеми отрядами, и они вернулись на свои базы. Возвратились и мы в свой район.

Страшная картина предстала нашим глазам. Каратели сожгли деревню Татинец. Председатель колхоза И. И. Белянкин своевременно вывел колхозников в лесные землянки. В руки карателей попал фельдшер Цветков. В деревне Мухарево они расстреляли Марию Тимофеевну Мякишеву, Анну Ивановну Иванову, Евдокию Семеновну Колосову, Михаила Ивановича Иванова. Старика-конюха Михаила Семенова фашисты сутки продержали в холодном амбаре, а потом заставили вести команду в деревню Гнилицы (в 10 километрах от Мухарева). Пурга замела дороги. Двое суток водил гитлеровцев по лесам и болотам Семенов. Враги поняли хитрость старика. На допросе патриот ответил фашистам: «Что вы думали? Русский человек вам, гадам, помогать будет?» Здесь, у родной околицы, колхозник Михаил Семенов, повторивший подвиг Ивана Сусанина, принял смерть. Всех убитых в деревнях колхозники похоронили в братской могиле.

Деревня Дубовка находилась на опушке Серболовского леса, в ней было всего два больших дома. Здесь теперь разместилась «тройка». Надо было заново налаживать работу, восстанавливать связи. Я пошла в разведку.

Шла по краю Серболовского леса. Побывала в деревнях Раек, Подсобляево, Алексино, заходила в дватри дома в каждой деревне. На улицах появлялись лишь одинокие фигуры: то хозяйка забежит к соседке, то женщина с подростком потянут санки с сеном для коровушки. Двери крепко заперты, окна и днем занавешены. Постучишься, кто-то осторожно поднимет краешек занавески и посмотрит в окно. Впустив пришельца, открывающий двери взглянет в обе стороны вдоль улицы и, убедившись, что никто не увидел, быстро захлопнет дверь.

На следующий день пошла через Акулиху и Горушку в Подлупленник. Евдокия Прокофьевна Яковлева, депутат Бродковского сельсовета, обрадовалась моему приходу, сказала, что только что был у нее председатель сельсовета Петр Михайлович Михайлов. Когда я

спросила Евдокию Прокофьевну, где же ее муж, Василий Ермолаевич, она ответила: «Да я еще вчера послала его к вам, разные слухи каратели распускали». «Какие же это слухи?» — спросила я.

И она рассказала. Гитлеровцы утверждали, что все партизаны уничтожены, а Поруценко и другие члены «тройки» пойманы живыми и их будут вешать в Дедовичах. «Нашлись даже такие очевидцы, которые видели вас связанными в машине. У меня ноги отнялись при таких вестях, все лежала на печке, только сегодня спустилась, когда пришел Михайлов...»

За «прогулки» по деревням я потом получила выговор от комиссара бригады С. А. Орлова. Попало и другим членам «тройки».

— Разве можно сейчас в одиночку ходить? — отчитывал нас комиссар. — Схватят, и никто знать не будет.

Комиссар, конечно, был прав. Нельзя было проявлять беспечность. Каратели кое-где оставили свои гарнизоны.

Молва о том, что партизаны вернулись, быстро распространилась по деревням края, а скоро население и воочию убедилось в этом. Партизаны уничтожили оставленные гарнизоны и заставили карателей убраться. Население вновь воспрянуло духом.

Снова прилетел к нам в край представитель штаба фронта А. А. Тужиков. В лесу он вручил первые награды особо отличившимся бойцам и командирам партизанских отрядов. После этого он присутствовал на совещании командного состава бригады и «троек». С А. А. Тужиковым прибыл из советского тыла корреспондент, который сфотографировал участников совещания (эта фотография хранится у меня до сих пор).

Усилился приток новых партизан, но из-за недостатка оружия многим приходилось отказываться. Комсомольская организация колхоза «Верный путь» Дегожского сельсовета в полном составе во главе с секретарем Ивановым явилась к членам «тройки» с просьбой принять в партизаны. Им разъяснили, что принимаем только тех, кто приходит вооруженным.

К концу 1941 года в семи сельсоветах нашего района было восстановлено 60 колхозов. Мы провели работу по доизбранню членов правлений и ревизионных комиссий, пересмотрели состав бригадиров, собирали сельхозинвентарь.

Взяли на учет всех учителей, вели подготовку школ к работе по советским учебным программам. Вместо зарплаты учителя получали по 12 килограммов муки в месяц и другие продукты. Школы начали работать с Нового года.

Население готовило новогодние подарки. Колхозники писали индивидуальные и коллективные письма партизанам, которые, в свою очередь, отвечали патриотическими посланиями колхозникам. Эти письма зачитывались на общих собраниях колхозников.

А обстановка была суровая. Каратели свирепствовали. В первых числах января группой карателей был убит председатель Юфимовского сельсовета, член партии Виноградов. «Тройка» в полном составе выехала в сельсовет. Под охраной отряда рано утром провели митинг у гроба погибшего товарища. На его могилу были возложены венки от «тройки», сельсовета и правления колхоза. На похоронах присутствовало много колхозников из окрестных деревень. Новым председателем Юфимовского сельсовета назначили учителя Жуева, которого только на днях приняли кандидатом в члены партии.

Теперь мы стали создавать вооруженные группы народного ополчения по деревням, еще раз беседовали с активом о бдительности в борьбе с фашистской агентурой.

14 января группа работников «тройки» (Е. Петрова, А. Лосева, С. Засорин, А. Шебаршин) выехала в Сосницкий сельсовет. Доехав до деревни Роговой, мы увидели столбы дыма над деревней Изебной, которая стояла на нашем пути. Зашли в дом Татьяны Марковой.

На печке за занавеской грелся только что прибежавший из Изебной председатель Станковского сельсовета Василий Егоров. Оказалось, несмотря на наши предупреждения, он решил прошлую ночь переночевать дома. В деревне, видимо, нашелся предатель, который донес врагам, и те под утро, когда все еще спали, нагрянули в Изебную, арестовали Василия Егорова и Михаила Осипова, бригадира колхоза. Их вывели на улицу, поставили лицом к стенке. Оставив нескольких солдат охранять арестованных, немцы пошли шарить по избам, грабить население.

Ночь была морозная, и В. Егоров краем глаза видел, что солдаты замерзли, стоят, засунув руки под мышки,

Не теряя времени, он круто повернулся, сбил охранника, перепрыгнул через плетень в огород, а потом босиком по глубокому снегу добрался до леса и прибежал в деревню Роговую к тете Тане. Остальные активисты, услышав стрельбу, успели скрыться. Враги жгли деревню.

Как же поступить нам? Решили продолжать путь. Объехав деревню Изебную, проселочными дорогами мы прибыли в деревню Великая Нива. Я выступила на собрании с докладом о битве под Москвой, об успехах партизан и задачах в тылу врага.

В Паревичах встретили нарочного от председателя «тройки» с приказом немедленно возвращаться. В Дубовке никого не оказалось, и мы поехали в Серболовский лес, в штаб бригады.

Подъезжая к лагерю, мы увидели на посту бойцов нашего отряда. А. Г. Поруценко сообщил нам, что бригада в полном составе выбыла на задание. (С 17 на 18 января 1942 года Вторая партизанская бригада сделала налет на город Холм.)

— Нам надо действовать так, чтобы фашисты не заметили отсутствия бригады,— сказал Александр Георгиевич.

Работу мы не прекращали. 21 января провели траурные собрания в 19 колхозах, посвященные 18-й годовщине со дня смерти основателя большевистской партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина. Проводили партийные и комсомольские собрания, начали прием в партию и в комсомол колхозников, проявивших себя в борьбе с оккупантами. Силами актива усилили массово-политическую работу среди населения. Листовки и газеты с материалами о разгроме вражеских войск под Москвой переправляли и туда, где размещались фашистские гарнизоны.

После первой карательной экспедиции гитлеровцы оставили в Ясках эсэсовский батальон. Команды из этого батальона делали набеги на деревни и охотились за нашими активистами. Дошли они и до нашей родной Дубовки, сожгли ее, но в Серболовский лес идти побоялись.

«Тройка» строго предупреждала актив, чтобы во время собраний было патрулирование на улицах и стояли посты наблюдения. Но беспечность иногда все же проявлялась,

30 января депутат Дедовичского райсовета Яков Дмитриевич Богданов и председатель Дегожского сельсовета Иван Егорович Егоров проводили собрание жителей деревень Хохлово и Ручьева. В самый разгар собрания в избу вскочил мальчик с криком: «Фашисты!» Богданов и Егоров выскочили из дома и побежали по глубокому снегу, но было уже поздно...

С эсэсовцами прибыл и местный полицай, который опознал жену председателя сельсовета Марию Кирилловну. Фашисты увезли ее с собой. Семью Богданова соседи успели спрятать.

Из Ручьевой эсэсовцы поехали в Болотню. По дороге с помощью полицая они схватили сына Я. Д. Богданова, четырнадцатилетнего Костю, комсомольцев Алексея Кустова и Петю Карпова и еще несколько человек. В Болотне их всех подвергли жестокой пытке. Как долго продолжался бы допрос, неизвестно. Прервала пытки граната, брошенная кем-то в окно дома, где находились эсэсовцы. Фашисты расстреляли захваченных комсомольцев. Кто бросил гранату — осталось неизвестным.

Утром, когда колхозники пошли хоронить комсомольцев, у одного из них обнаружили признаки жизни. Это был Костя Богданов. Колхозники наскоро полотенцем перевязали его раны, завернули в одеяло и доставили к нам. К этому времени бригада уже вернулась из похода на город Холм, и «тройка» находилась в деревне Круглово. Костю в тяжелом состоянии отправили на самолете в советский тыл.

Командование бригады решило покончить с эсэсовским батальоном в Ясках. В ночь с 4 на 5 февраля этот замысел был успешно осуществлен, гарнизон разгромлен.

Теперь каждую ночь в край прилетали маленькие самолеты ПО-2 и привозили газеты, листовки и письма от родных, а увозили тяжелораненых партизан. Легкораненых лечили в бригадном госпитале врач Лидия Семеновна Радевич и ее помощницы медсестры.

Обстановка позволила усилить партийно-массовую работу среди населения. Один раз в месяц проводились общерайонные партийные собрания и не менее двух раз в месяц — партийные и комсомольские собрания в первичных организациях. Снова заработали агитколлективы, чтецы в колхозах и бригадах. Начали выходить

стенные газеты. В каждом колхозе появились письменосцы, которые доставляли письма, газеты и листовки в колхозы, бригады и села.

Партизаны интересовались расположением вражеских войск и укреплений в райцентре Дедовичи. Член «тройки» Владимир Иванович Лильбок договорился с двумя подростками — Федей и Володей Трусовыми из деревни Малое Мухарево — об их походе в Дедовичи. Они сделали в саях двойное дно, между досок положили листовки и газеты, а сверху дрова. Объезжая улицы поселка, ребята продавали дрова, раздавали листовки, но не забывали и основного поручения — запоминали расположение немецкого гарнизона, его штаба и укреплений в поселке. Вернувшись из похода, Федя и Володя доложили Владимиру Ивановичу о выполнении задания.

19 февраля в Партизанский край прилетел работник политотдела штаба Северо-Западного фронта С. Л. Беспрозванный. Он привез типографский станок и все необходимое для печатания газеты. Вскоре вышел первый номер газеты Второй Ленинградской партизанской бригады «Народный мститель». Редактировали ее И. В. Виноградов и К. П. Обжигалин.

Крепла вера людей в победу над фашизмом. Партизаны громили гарнизоны врага. Границы края расширялись. Число восстановленных колхозов в нашем Дедовичском районе прибавлялось. В январе работали около тридцати школ. Учителя на уроках диктовали сводки Совинформбюро, рассказывавшие о действиях наших войск, о героизме бойцов Красной Армии. После уроков ребята ходили по домам и читали эти сводки колхозникам. В деревне Рытая открылся медпункт, заведовала им Нина Щербакова.

Приближался День Красной Армии. По вечерам на деревенские супрядки собирались рукодельницы. При свете лучины (керосина не было) они вязали рукавицы, носки, шарфы, вышивали узоры на кисетах, носовых платках и полотенцах, сочиняли письма партизанам. На эти супрядки приходили все жители деревни. Только патрули ходили по улице и постовые бдительно следили за дорогами в деревню, чтобы вовремя предупредить собравшихся в случае появления врага.

Договорившись с активистами о том, куда доставить подарки и письма, адресованные партизанам по случаю

24-й годовщины Красной Армии, и как организовать проведение собраний в колхозах, я пробиравалась в Круглово.

В Круглове я узнала, что председатель «тройки» А. Г. Поруценко вместе с командованием бригады уехал к Железнице. Я поняла, что партизаны решили отметить годовщину Красной Армии (как было намечено ранее) крупным налетом на железнодорожную станцию — районный центр Дедовичи.

Из Валдая прибыл на самолете начальник оперативной группы по руководству партизанским движением на Северо-Западном фронте Алексей Никитович Асмолов. Он рассказал командованию бригады о блокаде Ленинграда, о тяжелых условиях жизни его тружеников и защитников, о голоде, об отсутствии света и топлива, об отважной борьбе ленинградцев и их несгибаемой воле к победе.

Впечатление от этого рассказа было непередаваемым. Все притихли, каждый думал о том, как помочь Ленинграду.

Молчание прервал комиссар бригады Сергей Алексеевич Орлов.

— Надо попробовать собрать продукты ленинградцам,— сказал он.

Коротко посоветовавшись, Александр Федорович Майоров и Александр Георгиевич Поруценко от имени населения Дедовичского района заверили комбрига и комиссара, что помощь ленинградцам будет оказана.

21 февраля собрались председатели всех семи сельсоветов вместе с работниками «тройки». После моего краткого сообщения о положении в Ленинграде, о необходимости помощи ленинградцам продуктами питания первым взял слово председатель Паревичского сельсовета Дмитрий Баранов.

— Я считаю, что наш сельсовет обеспечит по одной подводе с каждого колхоза. Десять колхозов — десять подвод.

— Столько же может дать и наш сельсовет,— заявил председатель Станковского сельсовета Василий Егоров.

Остальные поддержали:

— Какие могут быть разговоры? Надо браться за дело.

Дальше шло обсуждение конкретных вопросов: какие продукты посылать, как их упаковывать, где будут собираться подводы.

Все разъехались по населенным пунктам.

В деревне Подлупленник колхозники собрались в светлой просторной избе тети Дуни (Евдокии Прокофьевны Яковлевой). Я сделала доклад о городе, носящем имя великого Ленина, о ленинградцах, которые в неимоверно тяжелых условиях вражеской блокады отстаивают его от врага. Я говорила, что в Ленинграде голод, нет топлива, света, замерз водопровод.

Только я закончила доклад, как тетя Дуня, вытирая слезы, сказала:

— Возьмите у меня нетель, муж приготовит мясо.

— От меня пишите два пуда пшеничной муки. Получила на трудодни и берегла на праздники,— заявила соседка.

Спрашивали, можно ли послать шпик, мед, масло.

— У кого нет коров, собьем масло из льносемени,— говорили женщины.

Взволнованную речь произнес пожилой колхозник Григорий Васильев в деревне Хлеборадово Бродковского сельсовета.

— Пока не придем на выручку ленинградцам,— сказал он,— мы не можем со спокойной совестью садиться за стол.

Слезы текли по его морщинистому лицу. Плакали и слушавшие его.

Так проходили собрания и в других деревнях. В следующие дни полным ходом шла подготовка обоза. Хотя на территории трех сельсоветов шли бои с гитлеровцами, население из этих сельсоветов сумело направить подводы в установленные места. После налета на Дедовичский гарнизон в ночь на 22 февраля враг принял ответные удары против партизан, но все его атаки были отбиты.

Возник вопрос: кому доверить доставку подвод через линию фронта? Желаящих сопровождать обоз было много, но колхозники решили послать самых проверенных и достойных. Каждую кандидатуру обсуждали. Среди избранных было 30 женщин и несколько подростков.

Во многих деревнях работникам «тройки» задавали вопросы: знают ли руководители партии и Советского

правительства о существовании нашего Партизанского края? Колхозники предлагали с этим же обозом послать письмо в Кремль, рассказать в нем, что и во вражеском тылу люди остались верны партии, Советской власти и колхозному строю, что они не подчинились и никогда не подчинятся оккупантам.

Желание колхозников послать в Кремль письмо было горячо поддержано партизанами и командованием бригады. Текст письма было поручено составить редактору газеты Ивану Васильевичу Виноградову.

В последние дни февраля и в первые дни марта в партизанских отрядах и в населенных пунктах края на собраниях обсуждалось это письмо. Внимательно слушали колхозники, стараясь не проронить ни одного слова, а потом с особой торжественностью подходили к столу и ставили свою подпись на страницах ученических тетрадей. Никто не хотел оставаться в стороне, хотя каждый сознавал, какая опасность грозит ему, если письмо попадет в руки врага. Больные, неграмотные старики просили поднести их к столу, чтобы они своей собственной рукой могли поставить крестик рядом с подписями. Это были волнующие минуты выражения мужества и верности народа своей матери-Родине.

— Мы были советскими людьми и остались ими, и никакой силой врагу не сломить нашей воли,— заявил шестидесятилетний колхозник Тепляков из колхоза «Северный луч».

А ведь сбор подписей зачастую проходил в тяжелой обстановке!

Со стороны Чихачева наступали каратели. Они заняли ряд деревень Юфимовского сельсовета. Препградить путь врагу должен был отряд «Грозный» под командованием Владимира Бундзена (до войны он работал пропагандистом Дедовичского райкома партии). Отряд разгромил гитлеровцев, но потерял своего боевого командира. Похоронили его на кладбище у деревни Дегжо, в которой он начинал свою трудовую жизнь сельским учителем.

В Сосницком сельсовете проводили собрания по сбору подписей работник «тройки» Семен Засорин, председатель сельсовета Михаил Воробьев, председатель колхоза Иван Смирнов и подпольщик Волотовского района, уполномоченный Ленинградского обкома партии Павел Васькин. В деревне Великая Нива их окружил

полицейский отряд. В короткой схватке были убиты Павел Васькин, Иван Смирнов, Михаил Воробьев. Семен Засорин был тяжело ранен. В него еще стреляли, раздели и разули, но он остался жив. После ухода отряда колхозники завернули истекающего кровью Семена в одеяло, нашли тетрадь с подписями, которую он успел спрятать в снегу, и доставили в деревню Круглово. Отсюда его отправили в партизанский госпиталь, где врач Лидия Семеновна Радевич спасла жизнь Засорину и вернула его в строй...

К 26 февраля в деревни Акулиха, Нивки и Мухарево вместо ожидаемых шестидесяти прибыла 161 подвода с хорошо упакованными продуктами. Часть их пришлось спрятать в лесу. Подводчиков предупредили, что кормить коней они должны поочередно, чтобы враг не мог обнаружить обоз с воздуха.

Обоз не сразу смог двинуться к линии фронта. Надо было разведать путь, определить маршрут, выделить охрану. Этим занималось командование бригады.

Начальником обоза назначили Федора Ефимовича Потапова (начальника заготовок Дедовичской «тройки»). Обоз разделили на группы по тридцать подвод. Во главе каждой группы был старший, через которого связные в пути должны были передавать приказы начальника обоза. Впереди шла разведка. Связные верхом на лошадях поддерживали связь между головой и хвостом колонны.

Перед отправкой в путь провели инструктаж возчиков, рассказали, как вести себя в дороге: не разговаривать громко, не курить, остановки делать только с разрешения начальника обоза, в случае обстрела или бомбежки деревень, в которых придется дневать, из изб не выскакивать.

5 марта 1942 года лунной морозной ночью обоз тронулся в далекий, трудный и опасный путь под охраной партизан. Он вез продукты ленинградцам и 13 ученических тетрадей с письмом в Кремль, под которым стояло более 3000 подписей. Глухими лесными дорогами, двигаясь только ночью, от деревень Нивки и Мухарево, мимо Татинца и Глотова, через замерзшие Рдейские болота двигался обоз с подарками городу-герою. По пути к обозу примкнули 37 подвод из Белебелковского и 25 подвод из Ашевского и Поддорского районов. Теперь обоз состоял уже из 223 подвод.

Партизаны обеспечивали не только безопасность, но и проходимость обоза. На пути встречались места, где болото никогда не замерзает, их надо было объезжать. Приходилось иногда рубить просеки, чтобы пропустить обоз через густую чащу леса. Усложняла движение и начавшаяся на третий день пурга. В то же время она маскировала обоз.

На пятые сутки погода снова прояснилась. К утру обоз прибыл в большое село, предварительно занятое партизанами. Подводы спрятали в сараях и гумнах. Лошадям дали корм, не распрягая их. Подводчики легли отдыхать.

В полдень на деревню налетели фашистские самолеты. Во время бомбежки и обстрела никто из возчиков не выбежал на улицу. Зажигательная бомба попала в одну из изб. Она загорелась, но люди оставались в горящей избе до тех пор, пока не улетели вражеские самолеты. Обоз не пострадал. С наступлением сумерек он двинулся дальше на восток.

Последней деревней вражеского тыла, которую объезжал обоз, была деревня Лопари. Отсюда до линии фронта оставалось несколько километров. Были даны последние указания возчикам.

Вражеская линия обороны проходила по шоссейной дороге от Старой Руссы на город Холм. Между деревнями Жемчугово и Каменка дорога узкой лентой тянулась через болото, и во вражеской линии обороны образовалось «окно». Вот через это «окно» и надо было проскочить обозу.

Встречный ветер несколько относил звуки поскрипывания полозьев саней. Слышны были короткие пулеметные очереди. Это гитлеровцы обстреливали подступы к своим позициям.

Переехав шоссейную дорогу, обоз неожиданно вынырнул на открытую поляну, за которой начиналась небольшая возвышенность. На возвышенности мелькали силуэты людей. Кто они? Свои или враги? Раздумывать было некогда, возвращаться обратно — поздно. Шепотом передав по цепочке команду остановиться, начальник обоза с двумя разведчиками, приготовив гранаты, поползли к группе людей на холме.

О следовании обоза через линию фронта рассказал нам позднее начальник обоза Федор Ефимович Потапов.

— Оказалось, что обоз находился уже в нейтральной зоне,— говорил Федор Ефимович.— Трудно передать словами нашу радость, когда мы увидели красноармейцев из восьмой гвардейской дивизии. Хотелось броситься к ним на шею, обнять и расцеловать их. Но у солдат суровые лица, строгими были взгляды из-под сдвинутых бровей. Мы не обижались на бойцов. Им и хотелось верить нашему рассказу, но военная обстановка фронтовой полосы требовала большой бдительности.

Обоз пропустили, но всех возчиков разоружили до выяснения. Командование 8-й гвардейской дивизии имени генерала Панфилова быстро по рации связалось с Ленинградским штабом партизанского движения. Убедившись в правдивости слов колхозников и партизан, устроило им затем теплую встречу.

После митинга, посоветовавшись, командование дивизии приняло предложение Ф. Е. Потапова доставить обоз до ближайшей железнодорожной станции и там уже по железной дороге отправить продукты дальше.

— Трудно было в первые часы освоиться в новой обстановке,— рассказывали потом возчики.— Можно было громко разговаривать, смеяться и даже петь песни. С партизанскими песнями и частушками встречали колхозники двигавшиеся к фронту войсковые части. Поручка, Долгое, Острова— через эти деревни советского тыла двигался обоз к станции Черный Дор.

16 марта в политотделе бригады слышали по радио сообщение о том, что обоз с продовольствием успешно перешел линию фронта. Диктор читал передовицу «Правды», посвященную нашему обозу.

Отправив обоз, мы начали готовиться к проведению Международного женского дня 8 марта. В это время центральные газеты и радио сообщили о патриотическом движении по сбору средств в фонд обороны страны. Почин был подхвачен и населением нашего Дедовичского района. За несколько дней было собрано 26 378 рублей деньгами и 86 500 рублей облигациями государственных займов. В двух сельсоветах (Станковском и Юфимовском) эта работа проводилась только индивидуально, так как там шли бои и невозможно было собирать людей на общее собрание.

Когда обоз прошел линию фронта, из Ленинграда в штаб Второй партизанской бригады поступила радиogramма, в которой предлагалось направить делегацию

от населения и партизан края на встречу с ленинградцами. Всего мы послали 22 человека (9 партизан и 13 представителей населения). В состав делегации вошли А. Г. Поруценко — председатель дедовичской «тройки» (он же руководитель делегации), В. А. Егоров — председатель Станковского сельсовета, А. Г. Григорьев — председатель колхоза «Красная Железница», И. И. Белянкин — председатель колхоза «Красный Остров», Е. И. Иванов — председатель колхоза «Дружные ребята», П. М. Михайлов — счетовод колхоза «Красный Октябрь», А. П. Александрова — колхозница сельхозартели «Красное Круглово», Т. М. Маркова — единоличница из деревни Роговая Станковского сельсовета; партизаны: П. В. Власов — политрук роты отряда «Буденновец», М. С. Харченко — командир пулеметного расчета этого же отряда, и другие.

Делегатам вручили письмо руководителю ленинградских коммунистов А. А. Жданову от населения и партизан, рассказывающее о жизни и борьбе в Партизанском крае, собранные среди населения средства в фонд обороны страны, подарки от партизан — трофейное оружие (12 немецких автоматов и 15 пистолетов) и отправили догонять обоз. Делегация благополучно перебралась через линию фронта возле деревни Жемчугово и вышла в расположение 1-го гвардейского корпуса, командир которого генерал-майор Грязнов распорядился доставить делегацию на армейских автомашинах до города Валдая.

Здесь состоялся митинг, а далее такие же митинги состоялись в Боровичах, Хвойной, Ефимовской, Тихвине — в тринадцати городах и селах Ленинградской области. В Кобоне спустились на лед Ладожского озера. 29 марта во Всеволожском делегацию встретили заместитель Председателя Совнаркома А. Н. Косыгин, секретарь Ленинградского обкома партии, начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов, председатель исполкома Ленсовета П. С. Попков, председатель исполкома облсовета Н. В. Соловьев.

«Ленинградская правда» 22 марта 1942 года в статье под заголовком «Живая легенда» писала:

«Самое удивительное, самое замечательное в этом подвиге — массовость, необычность его масштабов. Не

о героизме одиночек — о беззаветном героизме тысяч повествуют скромные, испещренные подписями школьные тетради, доставленные через линию фронта... Беситесь, палачи и мародеры! Необычный красный колхозный обоз уже миновал линию фронта. Скоро мы сможем обнять, прижать к сердцу наших братьев и сестер, непокоренных советских граждан... «Русский народ никогда не будет стоять на коленях» — эта мысль старика-колхозника отчеканена в документе с особой силой. Ни карательные экспедиции, ни варварские бомбежки «строптивых» деревень не сломали воли и решимости советских людей... Пройдут годы, но не забудется их подвиг».

Сердца жителей края и партизан наполнялись гордостью от сознания, что задуманное успешно осуществлено.

В крае появилось «новое боевое оружие». Наряду с листовками и партизанской газетой «Народный мститель» в Серболовском лесу начали выпускать газету «Коммуна» — орган Дедовичского райкома партии и исполкома райсовета депутатов трудящихся. Радостно встретили колхозники свою газету.

— Уж если «Коммуна» стала выходить, — говорили они, — то теперь и Красная Армия скоро придет.

Газета «Коммуна» была тесно связана с населением. Редакторы Иван Васильевич Виноградов и Константин Петрович Обжигалин часто бывали на колхозных собраниях, в бригадах, беседовали с колхозниками. Газета сообщала читателям о всех важнейших событиях на фронтах Отечественной войны, рассказывала о трудовых подвигах советских людей во имя освобождения Родины от фашистских варваров. Она призывала колхозников вооружаться и вступать в бой с вражескими отрядами, которые приходят грабить население.

После отъезда делегации к нам прибыл представитель 8-й гвардейской дивизии товарищ Тумасов (имени, отчества и военного звания, к сожалению, не помню). Он представил письмо командования, в котором была изложена просьба об оказании помощи дивизии фуражом для коней, так как в прифронтной полосе все было уничтожено врагом. Мы собрали председателей сельсоветов, и они обещали организовать подводы в ближайшие дни. 12 марта через линию фронта отправилась первая группа (более 60 подвод), в конце марта и в апреле — еще

несколько групп по 60—70 подвод в каждой. Последние подводчики вернулись без лошадей, так как из-за распутицы их нельзя было провести через болото. Всего в 8-ю гвардейскую дивизию через линию фронта было отправлено более 300 подвод фуража. Охрану и переброску обеспечивали бойцы дивизии. Командование прислало нам в подарок алма-атинские яблоки, папиросы, спирт,—все это мы передали в партизанский госпиталь.

В феврале было принято в партию 10 колхозников, а на 2 марта поступило еще 11 заявлений. В начале марта приняли пять человек на общем районном собрании, на котором присутствовало 40 коммунистов, а остальные заявления передали на обсуждение в первичные организации. Были созданы три новые парторганизации: Станковская (секретарем утвердили Клавдию Алексеену Антонову), Малышевская и Бродковская (секретарей двух последних предложили избрать на общих собраниях первичных организаций).

В апреле солнце растопило глубокие снега. Побежали ручьи, разлились речушки. Земля не успевала впитывать всю влагу, и дороги стали труднопроходимыми.

Распутица мешала гитлеровцам использовать крупные силы и технику против партизан. Враг осуществлял налеты отдельными карательными отрядами вдоль шоссе-сеиных дорог, продолжал обстреливать деревни с воздуха, пытался засылать в лесные лагеря своих разведчиков. Вражеские шпионы появлялись среди населения под маской сапожников, портных, лудильщиков. О появлении таких людей жители немедленно сообщали «тройке» или в партизанские отряды. Прибавилось работы члену «тройки» Владимиру Ивановичу Лильбоку. Иногда на помощь ему приходил начальник особого отдела Второй бригады Николай Иванов. У некоторых вражеских лазутчиков были изъяты радиопередатчики.

Первое время самолеты врага летали довольно низко. Но когда партизаны научились сбивать их из винтовок и противотанковых ружей, они стали летать выше. Враг проводил разведку. Все это подтверждало, что гитлеровцы изучают местность и ведут тщательную подготовку к новой большой карательной экспедиции против Партизанского края.

В апреле партизаны расширили границы края. В Дедовичском районе они вытеснили врага из деревень

Кипинского и Ясковского сельсоветов. Население края вместе с партизанами строило оборонительные сооружения на главных направлениях вероятного движения врага. Создавались новые отряды народного ополчения.

Некоторые колхозы перебравшись с территории, занятой оккупантами, на правый берег Шелони, контролируемый и охраняемый партизанами. Ночью колхозники пробирались в свои деревни и уносили оттуда семена и сельскохозяйственный инвентарь. Колхозники тех деревень, которые бомбили и жгли вражеские самолеты, спасали в первую очередь семена и инвентарь, пренебрегая личным имуществом.

Полным ходом шла подготовка к весеннему севу: ремонтировали инвентарь, очищали семена, подкармливали коней. С полной нагрузкой работали кузнецы в кузницах, которые открыли еще зимой. В ряде колхозов укрепили руководство. Например, в деревне Подлупленник избрали председателем колхоза депутата Бродковского сельсовета Евдокию Прокофьевну Яковлеву.

Кое-где пересмотрели состав бригадиров, доизбрали членов правлений и ревизионных комиссий. Тем хозяйствам, которые перебравшись в Партизанский край с другой стороны Шелони, «тройка» выделила участки земли для посева. Тракторист Станковского сельсовета девятнадцатилетний Ваня Никандров собрал два трактора из разбитых и брошенных на дорогах войны машин. Это было большое подспорье в весенних полевых работах.

По мере того как земля подсыхала, приступили к вспашке, а затем и к севу. 72 колхоза Дедовичского района участвовали в весеннем севе.

Выступления колхозников на деревенских сходках еще раз заставили задуматься и определить свое место в великой битве с врагом единоличников, которые не вступили в колхозы до войны. Теперь, на оккупированной врагом территории, они приносили в правления колхозов заявления с просьбой принять их в общую семью. В одном Станковском сельсовете было подано 75 заявлений.

Всего в период весенних полевых работ было принято в колхозы 330 единоличных хозяйств. В сельсоветах Дедовичского района, которые входили в Партизанский край, не осталось ни одного единоличника. Они сдали в колхозы семена и инвентарь, с большим подъе-

мом участвовали в весеннем севе. Для них это была первая колхозная весна.

Весенний сев прошел организованно: было засеяно 1360 гектаров яровыми культурами, в том числе 1309 гектаров — зерновыми.

Направляющей и организующей силой во всех делах были коммунисты, а их помощниками — комсомольцы, советский и колхозный актив. На эти силы опирались «тройки» во всей своей деятельности. Большую помощь нам оказывали комиссар бригады Сергей Алексеевич Орлов и начальник политотдела Александр Федорович Майоров.

«Тройка» была подчинена командованию Второй Ленинградской партизанской бригады. Членов «тройки» вызывали на совещания в штаб бригады или на инструктаж. Комиссар С. А. Орлов и начальник политотдела А. Ф. Майоров бывали на заседаниях «тройки» и на всех районных собраниях и совещаниях. «Тройка» ежемесячно представляла командованию бригады политдонесения о проделанной работе.

В начале апреля на районном партийном собрании присутствовало около 50 членов и кандидатов в члены партии. На собрании шла речь об идейно-политической закалке коммунистов, об организации политшкол по изучению Устава и отдельных вопросов из Программы партии. Для усиления агитационно-массовой работы и разоблачения фашистской пропаганды решили проводить раз в месяц общерайонные совещания агитаторов и редакторов стенных газет и два раза в месяц — инструктаж агитаторов и членов редколлегий по сельсоветам. На этом же собрании избрали районное партийное бюро из трех человек. Меня избрали секретарем райкома.

25 апреля состоялось совещание секретарей партийных организаций и их заместителей, посвященное вопросу о росте рядов партии и работе с молодыми коммунистами. Обсудили также вопрос о политическом настроении вступивших в колхозы жителей края и о чутком отношении к ним.

В апреле провели по два, а в мае — по три собрания в первичных организациях. Создали первичную организацию в Кипинском сельсовете, в которую вошли и коммунисты Гороховищенского сельсовета. Эта партийная организация работала в глубоком подполье на линии Витебской железной дороги, занималась разведкой.

Члены организации имели связь с партизанскими отрядами, были проводниками, распространяли среди населения газеты и листовки, получаемые от «тройки».

На очередное районное партийное собрание явилось 82 человека. Провели прием в партию, заслушали отчет руководителя делегации, направленной в Ленинград, Александра Георгиевича Поруценко и доклад о текущем моменте представителя политуправления штаба Северо-Западного фронта.

Торжественно и по-деловому отмечали праздник 1 Мая в Партизанском крае. Были подготовлены и вручены партизанам письма и подарки. В местах, где проходили митинги, были вывешены портреты Ленина и руководителей партии и Советского правительства. На митингах выступали вернувшиеся из Ленинграда члены делегации.

Из политуправления штаба фронта летчики доставили киноаппаратуру и несколько фильмов, которые демонстрировались в партизанских отрядах и в колхозах. Кинокартины «Щорс», «Пугачев» и «Крестьяне» просмотрел 2671 колхозник нашего района (не считая детей). Перед каждым киносеансом выступал политинформатор.

В день печати, 5 мая, на совещании редакторов стеновых газет и селькоров выступил председатель «тройки» А. Г. Поруценко. Он рассказал о поездке делегации в Ленинград, о встречах на заводах, на кораблях, в учреждениях с защитниками города-героя.

В начале мая на совещании советского актива обсудили телеграмму Совнаркома СССР о весеннем севе и о сборе клюквы для бойцов Красной Армии. 7 мая женщины, подростки и дети вышли на сбор весенней клюквы, а к 12 мая уже собрали ее 14,5 тонны.

Активизировали работу комсомольские организации. На комсомольских и молодежных собраниях обсуждали письмо ЦК ВЛКСМ к молодежи. Большую помощь оказывали комсомолки: стирали белье, готовили пищу, ухаживали за ранеными, ходили в разведку.

Всю весну на подступах к краю шли горячие бои. Еще в апреле противник стремился овладеть дорогой

от Чихачева до Старой Руссы и тем самым улучшить свои коммуникации. Эта дорога проходила через восточную часть Дедовичского района: Юфимовский, Бродковский, Малышевский, Станковский и Сосницкий сельсоветы. Кроме своих охранных войск враг двинул на покорение Партизанского края части пехотной дивизии. Их поддерживали артиллерийские и авиационные подразделения.

У партизан тоже прибавилось сил. Теперь край обороняли, кроме сильно выросшей Второй бригады, вновь созданные Пятая, Первая, Четвертая бригады и три латышских партизанских отряда (потом эти латышские отряды были объединены в полк под названием «За Советскую Латвию»). Все эти партизанские формирования на период пребывания в крае Ленинградским штабом партизанского движения были подчинены командованию Второй бригады.

Разгадав замысел врага, командование партизан взяло инициативу в свои руки и предприняло налеты на крупные гарнизоны противника. Все попытки фашистов овладеть дорогой были отбиты. На западной границе края деревни Кипино, Грехново, Поддорье, Дорошино, Дегтярево и Рыси несколько раз переходили из рук в руки.

12 мая обстановка начала осложняться. В северо-восточной части края каратели появились в Сосницком и Станковском сельсоветах. С юга от Чихачева они двигались на Юфимовский сельсовет с танками и тяжелой артиллерией. С воздуха их поддерживала авиация. Самолеты бомбили деревни по нескольку раз в день, враг обстреливал их из тяжелых орудий.

Так началась вторая карательная экспедиция врага.

Храбро, самоотверженно сражались партизаны. Большая земля оказала нам помощь, посылая на самолетах оружие и боеприпасы, увозя тяжелораненых в советские госпитали.

Впервые в мае 1942 года по просьбе командования советские самолеты бомбили позиции противника и скопление его техники на партизанском фронте, помогая обороне края. С 14 по 17 мая колхозники Паревичского сельсовета строили аэродром для приема наших самолетов. Дни и ночи работали они на строительстве дороги по болоту от деревни Мухарево к Татинцу, до нового

аэродрома. За трое суток дорога была построена. Жители Юфимовского, Бродковского, Малышевского и Дедовского сельсоветов дружно вышли на оборонные работы. Они строили блиндажи, огневые точки.

Около ста боев провели партизаны в мае 1942 года, защищая край. Они уничтожили свыше 2000 фашистских солдат и офицеров, 2 бронемшины, 16 танков и сбили 5 самолетов. Ценою больших потерь врагу удалось занять несколько населенных пунктов на западе края, но продвижение его было приостановлено. Вторая карательная экспедиция против Партизанского края была разгромлена.

Е. Петрова,
*в 1941—1942 гг. заместитель председателя
Дедовичской «тройки»*

ОТРЯД «ДРУЖНЫЙ»

Дновский партизанский отряд «Дружный» организован в первые месяцы Великой Отечественной войны. Базировался он в глубине березовой рощи на берегу озера Белое Глухогорушенского сельсовета, в 18 километрах от Дно.

19 июля 1941 года фашисты заняли Дно, а 28 июля в городе и районе появилась рукописная газета «Дновец». В ней подпольный райком партии призывал население к борьбе с ненавистным врагом. Близ деревни Гаврово была уничтожена группа гитлеровцев, подорвана и сожжена грузовая машина. Советские летчики, используя разведанные, полученные от партизан, бомбили скопления вражеских эшелонов и аэродром.

Партизанский отряд «Дружный» с каждым днем активизировал свою деятельность, налаживал связи. Командир отряда В. И. Зиновьев и комиссар М. И. Тимохин рассылали партизан-разведчиков по всем уголкам района. Михаил Антонов, Юра Бисениек, Михаил Елкин, Шура Иванова, Василий Власов, Павел Иванов и другие смельчаки пробирались в Дно, Морино, Порхов, Белошкино. Они связывались с нужными людьми и приносили ценные сведения.

Так, подпольщица, табельщица железнодорожного узла Дно Анастасия Александровна Бисениек установила, что на станции Морино находятся склады оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Через несколько дней советские летчики так удачно отбомбились по этой станции, что от фашистских складов почти ничего не осталось.

Провести диверсию на участке Дно—Волот, где было отмечено интенсивное движение, вызвались Петр Войчунас, Павел Селецкий, Василий Власов, Антон Медведев. Руководить диверсионной группой командир приказал мне.

Пройти надо было километров двадцать. Обходя немецкие гарнизоны, группа прошла открытую местность ночью. За станцией Морино железная дорога шла соновым лесом. Там мы и остановились. Установили, что путь охраняется часовыми. Два раза прошел паровоз, который толкал впереди себя несколько платформ с балластом. Так гитлеровцы проверяли, не заминированы ли пути.

Вечером, как только стемнело, мы заминировали дорогу. Петр Войчунас и Василий Власов были в полной готовности бесшумно снять часового, но этого не потребовалось. Гитлеровцы ночью боялись патрулировать, они сидели на одном месте и время от времени пускали осветительные ракеты и вели по опушке беспорядочную автоматную стрельбу.

Группа затаилась. И вот перед рассветом послышался нарастающий шум дрезины. Петр Войчунас поджигает бикфордов шнур. Через несколько секунд раздается взрыв. Быстро окружаем разбитую дрезину. Шесть гитлеровцев: два офицера и четыре солдата — уничтожены. Мы забрали документы убитых и ушли.

В октябре 1941 года взрыв большой силы раздался на участке Дно—Дедовичи у полустанка Бокач. Группа партизан во главе с комиссаром М. И. Тимохиным пустила под откос вражеский эшелон с танками, орудиями и автомашинами.

Партизаны привыкли к своей базе. Подход к ней был по топкому болоту, в котором мы проложили потайные тропинки. Для врага мы, казалось, были незаметны. Но однажды утром через самый центр лагеря на большой высоте прошли девять бомбардировщиков. Они сделали полукруг и вернулись. Партизаны бросились врассыпную. Начали падать бомбы. Сделав несколько заходов и сбросив бомбы, гитлеровские летчики начали обстреливать лагерь из пулеметов.

Оставаться здесь было нельзя. Решили перебазироваться на хутор Петушки Дедовичского района — в расположение Второй партизанской бригады.

В это время бригада готовилась разгромить крупный фашистский гарнизон в городе Холм. «Дружный» получил боевую задачу: ворваться на одну из центральных улиц города, разгромить комендатуру, перебить охрану тюрьмы и взять ее штурмом. Враги встретили нас шквальным огнем. Однако бойцы «Дружного» ворва-

лись в город, разгромили комендатуру, уничтожили свыше сотни немецких солдат и офицеров, колонну автомашин, радиостанцию. Но взять тюрьму, которая была обнесена высокой каменной стеной, не удалось. В этом бою геройски погибли командир отряда Василий Иванович Зиновьев, секретарь Дновского райкома партии Павел Васильевич Селецкий, партизан Дмитрий Иванов, многие были ранены.

Все эти события происходили в первый год войны. Позднее отряд «Дружный» продолжал борьбу в тылу врага до освобождения Псковщины от захватчиков. В составе Второй бригады он активно участвовал в разгроме фашистских гарнизонов в Ясках и Дедовичах. Партизаны били гитлеровцев в Дубковских горах Новоржевского района, на станции Ямм Полновского района, наносили удары по врагу в Сошихинском, Порховском, Карамышевском, Новосельском, Стругокрасненском и других районах.

В городе Холме Новгородской области улица, на которой погиб командир «Дружного», названа именем Героя Советского Союза Василия Ивановича Зиновьева. На станции Дно люди останавливаются передobeliskом, сооруженным в честь отважной подпольщицы — Героя Советского Союза Анастасии Александровны Бисениек...

Советский народ никогда не забудет подвигов патриотов, отдавших жизнь за честь и независимость нашей Родины.

И. Шматов,
в 1941 г. начальник штаба
партизанского отряда «Дружный»

ПЕРВАЯ ОСОБАЯ В ПАРТИЗАНСКОМ КРАЕ

В феврале 1942 года Первая особая партизанская бригада, выполнив задачи, поставленные перед ней на зимний период, вышла на сборный пункт в деревню Юрьево в 20 километрах от Старой Руссы. Здесь она получила новый приказ: подготовиться к рейду в Партизанский край. На переформирование отводились считанные дни. В бригаду пришло пополнение партизан и командиров.

Первый отряд возглавил Григорий Васильевич Тимофеев — старший лейтенант, кадровый танкист. Комиссаром отряда стал Дмитрий Исаакович Архидьяконский. Командиром второго отряда был назначен старший политрук Анатолий Дмитриевич Кондратьев, комиссаром — самый молодой среди командного состава бригады политрук Виталий Дмитриевич Зайцев. Старший политрук Александр Григорьевич Климов принял командование третьим отрядом, комиссаром которого был Александр Иванович Широков.

Диверсионный отряд возглавил Ахмед Нурмухамедович Ситдииков. Комиссаром в отряде был пскович Иван Кириллович Шерстнев. Командиром разведчиков стал Ованес Осипович Васильян.

Штаб бригады возглавил старший лейтенант Федор Петрович Сорокин. Заместителем командира бригады по снабжению был Ваню Асартьянц.

В ночь на 28 февраля бригада начала марш в заданный район. Нужно было пройти около 100 километров по глубокому снегу при тридцатиградусном морозе. Перейти передний край обороны противника у деревень Вешкино и Горушка в 40 километрах от Старой Руссы нам помогли разведчики 11-й армии.

На рассвете 1 марта бригада вступила в райцентр Белебелка. Здесь начинался Партизанский край. В тылу врага, на оторванном от Большой земли островке,

по-прежнему действовали советские учреждения, дети учились в школе, готовились к весеннему севу колхозы.

В этот же день мы встретились в Серболовском лесу с командиром Второй партизанской бригады Николаем Григорьевичем Васильевым и комиссаром Сергеем Алексеевичем Орловым. Здесь же нас поджидал начальник партизанского штаба Северо-Западного фронта Алексей Никитович Асмолов.

Перед нашей бригадой была поставлена задача — выйти на левый берег реки Шелони между деревнями Железница и Лунево и закрыть противнику пути в Партизанский край. Нашим правым соседом становился партизанский полк Рачкова, левым — полк под командованием Скородумова.

В ночь на 3 марта бригада заняла позиции. С первых дней гитлеровцы начали «прощупывать» нас, а мы, в свою очередь, изучали противника. А с 10 марта начались боевые стычки.

Взвод Лемесева из отряда Тимофеева находился в боевом охранении у деревни Городище около мельницы, когда на правом берегу Шелони появился взвод фашистов с двумя подводами. Гитлеровцы шли к мельнице. Подпустив противника на 100—150 метров, партизаны открыли огонь. Захватчики не ожидали встречи с партизанами и в панике бежали, оставив убитых и раненых.

Через день гитлеровцы решили проверить нас уже силами роты. Они вошли в деревню Красулино и открыли сильный огонь из минометов по деревне Заполье, где находился отряд Кондратьева. Командир приказал не отвечать на огонь, чтобы не выдать расположение отряда, а для удара выдвинул первый взвод. Когда взвод Братерского открыл огонь, гитлеровцы дрогнули. Они не ожидали нападения партизан со стороны поля. Удар в спину ошеломил их. Они подумали, что попали в окружение, и побежали.

Мы отлично понимали, что впереди нас ждут новые испытания. Занятый нами участок являлся своеобразными воротами в Партизанский край со стороны Дно и Дедовичей, где у фашистов было много охранных и полевых войск.

Соответственно обстановке мы и расположили свои силы и огневые средства. Отряд Тимофеева действовал на правом фланге вдоль реки Шелони у деревень Же-

лезница — Лемтехово — Чернецово; в центре — отряд Кондратьева у деревень Красные Новинки — Дорошкино, на левом фланге — отряд Климова у деревень Дорошкино — Охариново — Хлеборадово. Разведгруппа, диверсионный отряд и штаб бригады размещались в деревне Бродки.

16 и 17 марта вражеские разведывательные самолеты по одному или парами на бреющем полете облетали район расположения нашей бригады, выискивая расположение отрядов, обстреливая деревни и даже пешеходов-одинок.

Разведка донесла, что в Дедовичах батальон противника готовится выступить против партизан.

Где, по какой дороге пойдут фашисты? Из Дедовичей возможны два пути: или по реке Шелонь, или через деревню Яски. Взвесив все, решили, что батальон будет двигаться по льду реки. Это был самый короткий и наиболее удобный в тех условиях путь.

До рассвета 18 марта отряды Тимофеева, Кондратьева и рота из отряда Климова заняли оборону по Шелони у деревень Лемтехово, Каруево, Красные Новинки, Заполье и Красулино.

Утро было ясным. С первыми лучами солнца над нашими позициями появились три вражеских самолета. Фашисты бомбили деревни Железницы, Городня, Хохлово, Подмошье, обстреливали из пулеметов Бродки и Хлеборадово. Запыхали дома. Но жители и партизаны, как было условлено, себя не обнаружили.

Самолеты, снижаясь над Дедовичами, сбросили вымпелы, и вражеский батальон двинулся вперед. Вскоре колонна растянулась почти на полтора километра. Ничего не подозревая, она миновала засаду Батурина, затем засаду Колесова. Вот голова колонны подошла к Красным Новинкам. Около полусотни солдат направились к деревне. Вот они уже на околице...

Мы были в выгодном положении, окопавшись в погребах и под укрытием построек. Гитлеровцы находились на открытом месте. Интенсивным огнем встретили партизаны противника. Неся большие потери, фашисты отступили к деревне Заполье. Чтобы не дать врагу и там засечь, комиссар отряда Зайцев повел взвод партизан в обход Заполья.

В это время головная рота противника наткнулась на засаду у деревни Лемтехово. От неожиданности

фашисты в панике заметались. Офицеры заставили солдат залечь.

Противник открыл огонь из двух пушек и пошел в атаку, но вынужден был с потерями отступить. Произведя перегруппировку, фашисты двинулись к деревне Лемтехово, там их встретили дружным огнем партизаны отряда Тимофеева. Чтобы не допускать затяжки боя, было приказано одну роту из отряда Тимофеева перебросить к деревне Каруево, чтобы оттуда нанести внезапный удар с тыла...

Жестокий был бой. По общему сигналу в три часа дня партизаны пошли в атаку. Бросая раненых, фашисты бежали. Но и отступая, они натывались на наши засады. Бой на Шелони закончился полной победой партизан.

В ночь на 21 марта отряды Кондратьева, Тимофеева и Климова заняли опорные пункты у деревень Мошино, Красулино, Заполье. К тому времени нам сообщили, что противник силою до батальона продвигается по реке Шелони к деревне Заполье. В колонне большой санный обоз. На каждой подводе — станковый пулемет или миномет. На пути фашисты обстреливали все деревни.

В 10 часов у деревни Заполье завязался бой с головной ротой противника. Наша засада не выдержала натиска и отошла. Противник обрушил свой удар на деревню Красные Новинки. Командир отряда Кондратьев приказал открыть огонь из всех видов оружия. Противник залег, но взводы его второго эшелона устремились к деревне Лемтехово. Здесь группа резерва Тимофеева обрушила на врагов всю мощь своего огня. Двумя красными ракетами роте полка Рачкова был дан приказ выдвинуться к Шелони и открыть фланговый огонь по наступающему противнику. Так гитлеровцы снова оказались в кольце.

Фашисты вели огонь из минометов и трех орудий. В отряде Тимофеева кончались патроны. И тут проявил отвагу и находчивость партизан Юра Пареньков — тринадцатилетний воспитанник бригады. Поняв, что патроны на исходе, он бросился к конюшне, где стояла запряженная в сани лошадь. Юра, не мешкая, вскочил в сани и погнал коня в Бродки, в штаб бригады. Через час он уже раздавал партизанам патроны. (За смекалку и доблесть, проявленные в этом бою, Юра Пареньков был награжден медалью «За отвагу».)

Батальон противника был разбит, гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными около двухсот солдат и офицеров. Партизаны взяли богатые трофеи: четыре орудия и около трехсот снарядов к ним, около сотни винтовок и автоматов, шесть ручных пулеметов, пятнадцать саней с боеприпасами и продовольствием.

В те же дни диверсионные группы партизанских бригад успешно действовали на железной дороге: взрывали мосты, пускали под откос воинские эшелоны.

В конце марта фашисты вынуждены были для прикрытия железнодорожного перегона Дедовичи — Чихачево поставить в деревне Кипино усиленный батальон с танками и двумя батареями четырехорудийного состава. Противник построил тут оборонительные сооружения: пулеметные и минометные гнезда, траншеи.

Мы обратились к командованию Второй партизанской бригады с просьбой оказать нам помощь в проведении так называемой «Кипинской операции». Комбриг Васильев и комиссар Орлов одобрили наш план и придали в помощь бригаде полк Скородумова.

Наша разведка получила сведения о том, что солдаты вражеского гарнизона уже несколько дней накапливают шнапс, готовясь к пасхе. Этот день и был назначен для удара.

Всем командирам было приказано вывести подразделения на исходные рубежи вечером 4 апреля, а чтобы не дать противнику возможности подбросить подкрепление, заминировать полотно железной дороги, на фланги выслать засады.

И вот в штаб бригады начали прибывать связные с докладами о готовности отрядов к бою. Скородумов вывел полк к деревне Ломаница. Поступила радиограмма от лейтенанта Никощенко, в которой сообщалось: «Дров нарубили, пироги в печи, сами в воздухе». Это означало, что провода обрезаны, полотно заминировано, группа движется к станции Судомы...

В ночь на 5 апреля начальник штаба бригады Сорокин выпустил одну за одной три белые ракеты — сигнал к началу штурма. В окна домов, где находились фашисты, полетели гранаты, бутылки с горючей смесью.

Смело и самоотверженно действовал взвод под командованием Николая Папанова. Бойцы шли по окраине деревни Кипино к колхозной ферме, но попали под огонь станкового пулемета. Прижимаясь к земле,

Папанов подобрался к расчету и в упор расстрелял пулеметчиков. Он лег за пулемет и открыл огонь по фашистам, обеспечив успешное продвижение взвода. Папановцы взорвали танк и склад с боеприпасами.

На этот участок фашисты выдвинули батарею. Комиссару отряда Зайцеву со взводом Братерского было приказано продвинуться к центру деревни и захватить орудия. Расстреливая метавшихся в панике врагов, взвод занял ферму и из трофейных пулеметов открыл огонь по врагу. Батарея не успела развернуться и была захвачена партизанами. Отряд Ситдикова подорвал орудие неприятеля, а штурмовая группа Братерского уничтожила стоявший под навесом бронетранспортер.

К двум часам ночи со стороны Дедовичей подошел бронепоезд, толкавший впереди себя две платформы с балластом. Наши минеры на этот раз просчитались. На минах подорвались только платформы, а бронепоезд сдал назад и открыл огонь. Но это уже не могло изменить хода боя.

В том бою партизанами было уничтожено и ранено около трехсот вражеских солдат и офицеров, взорвано три склада с боеприпасами, три бронетранспортера и один танк, три орудия, захвачено несколько станковых и ручных пулеметов, много винтовок и автоматов, около 30 тысяч патронов.

6 апреля в бригаду прибыла разведка Первой ударной армии. Линию фронта разведчики пересекли на пароконных санях и благополучно прибыли в Партизанский край. Братья-армейцы привезли нам оружие и взрывчатку. А чем нагрузить сани в обратный путь, чтобы не было «пустого перегона»?

Нам было известно, что в деревне Лунево под Дедовичами оккупанты организовали пункт по откорму скота. Решено было угнать скот.

С наступлением темноты группа наших разведчиков на 10 санях двинулась в Лунево. Со стороны Дедовичей поставили засаду, обрезали телефонные провода. Базу разгромили быстро и без потерь с нашей стороны. На откормочном пункте оказалось 35 голов скота. Их и погрузили на сани. На рассвете партизаны возвратились, а следующей ночью армейские разведчики тронулись в обратный путь, захватив наши скромные подарки.

Между тем на смену разбитому в Кипине батальону гитлеровцы пригнали другой, усиленный танками и ар-

тиллерией. Новый батальон вел себя активнее: почти каждый день фашисты делали вылазки в лес группами или взводами, устраивали засады на подходах к железной дороге. В помощь охранному батальону ежедневно прилетали самолеты-разведчики, которые выискивали партизан. Приходилось соблюдать строжайшую маскировку.

Назойливое гудение самолетов очень надоедало и мешало нам. Мы решили пустить в ход трофейные пушки. Установив их подальше от нашей основной базы, начали обстрел самолетов. Попадание было маловероятным, однако обстрел подействовал: самолеты стали появляться реже. Чтобы предотвратить внезапное нападение карателей, мы заминировали все подступы к деревням Кузнецово, Бугры — Дубовые, Бугры — Фенютины и другим населенным пунктам, расположенным близ Кипина.

Апрельским утром группа гитлеровцев направлялась к деревне Кузнецово. Не дойдя до деревни, пятеро фашистов подорвались на минах.

Зная, что гитлеровцев интересует это направление, командир отряда Климов направил в Кузнецово засаду. Прибыв на место, партизаны замаскировались. Долго ждать не пришлось. Вскоре на дороге появился вражеский взвод. Впереди почему-то ехали две крестьянские подводы.

Партизаны наблюдали, что же будет дальше?

Метров за триста до деревни гитлеровцы остановились, а крестьяне-возницы стали медленно продвигаться по дороге. За лошадьми волочились бороны... Вот оно что! Таким варварским способом фашисты решили заминировать проход к деревне, посылая русских людей на верную смерть.

Наша засада открыла пулеметный огонь. Когда гитлеровцы убрались, партизаны вывели с минного поля спасенных крестьян.

...Приближался праздник 1 Мая. Активными боевыми действиями ознаменовала его вся бригада. Старались, конечно, и наши подрывники.

Командир отряда Ситдилов создал две группы минеров: первую возглавил он сам, вторую — комиссар Шерстнев. Разделив запасы взрывчатки, 22 апреля они ушли к железной дороге.

Несколько дней партизаны ходили возле железной дороги и никак не могли заложить заряды. Днем фашисты охраняли дорогу с вышек, ночью на линии было почти непрерывное движение дозоров. Наконец Шерстневу удалось заминировать полотно у деревни Амшанка. Но и на этот раз гитлеровцы впереди эшелона пустили платформы с балластом. Взрыв был, но эшелон уцелел. Грустно говорить о неудачах. Но успех не приходит сам по себе, его надо добыть. Ситдииков решил объединить обе группы.

Место минирования наметили в двух километрах от станции Судома. Недалеко был и другой гарнизон, который охранял железнодорожный мост через Шелонь.

Ситдииков с Бесединым и Мурашовым — самыми опытными в отряде минерами — пошел на полотно. Справа и слева от места минирования залегли группы прикрытия. Мины заложили под оба рельса, поставив надежную шпильку взрывателя, которая должна была выдержать тяжесть груженой платформы. К взрывателю Ситдииков аккуратно привязал полевой кабель, чтобы можно было выдернуть шпильку, когда паровоз выйдет на мину. Шнур замаскировали и протянули в кусты метров за сто.

Было три часа ночи. Погода стояла пасмурная, накрапывал дождь. Тишина. Но вот на станции Судома показался огонек. Луч прожектора становился все ярче, и минеры заметили, что в их сторону по полотну идут патрули. Обнаружат место минирования или пройдут?.. Патруль прошел. Шум поезда нарастал, наступал решающий момент. Ситдииков взялся за шнур. А еще через минуту вздрогнула земля, поднялся огромный столб пыли, смешанной с желтым густым дымом. Залязгали буфера: вагоны и платформы, вздыбливаясь, с грохотом покатались под откос...

С наступлением тепла гитлеровцы усилили нажим на Партизанский край. После провала декабрьской карательной экспедиции захватчики готовили теперь новую, более крупную. На этот раз против партизан была брошена полевая дивизия, усиленная карательными отрядами. Войска имели танки и артиллерию.

29 апреля фашисты заняли село Каруево на правом берегу Шелони, а 30 апреля — деревню Красные Новинки. В те же дни гитлеровцы активизировались в районе Кипина на участке отряда Климова.

1 мая в наш штаб прибыл командир Второй партизанской бригады Васильев с начальником политотдела Майоровым и командиром полка Рачковым.

Было решено в ночь на 2 мая совершить совместный налет на гарнизоны в деревнях Красные Новинки и Каруево, выбить оттуда противника и закрыть ворота в Партизанский край.

Выждав до четырех часов утра, отряды начали атаку, открывая огонь с самых коротких дистанций. Гарнизоны противника были разгромлены.

8 мая противник силою до батальона на бронетранспортерах сбил наше боевое охранение и занял деревню Крутец. Здесь гитлеровцам удалось оседлать шоссейную дорогу Городня—Чихачево.

15 мая мы выступили к деревням Березовка и Тучино. Расстояние в 30 километров прошли за шесть часов и заняли оборону севернее деревни Плещевка.

Около часу ночи 16 мая был дан общий сигнал атаки. И затрещали пулеметы, заработали минометы. Противник отвечал сильным огнем. К двум часам ночи Тимофеев доложил, что отряд очистил северную часть Березовки. Вскоре пришло сообщение о том, что отряды Климова и Кондратьева продолжают атаковать деревню Тучино, но противник оказывает упорное сопротивление и пытается прорваться на север.

К рассвету бой закончился. Тучино и Березовка были полностью очищены от противника.

Утром 16 мая бригада выступила в обратный путь. А днем мы получили донесение о том, что противник занял деревни Заполье, Красные Новинки, Сосенка, Парли и другие. Мы изменили маршрут и с ходу вступили в затяжные бои. Только к 22 мая были освобождены деревни по левому берегу Шелони.

26 мая в Партизанский край прилетели А. Н. Асмолов и уполномоченный Ленинградского штаба партизанского движения В. П. Гордин. Они вручили нам приказ о выходе Первой особой партизанской бригады в район Славковичи—Сошихино—Остров.

Мы начали подготовку к выходу в новый район. Каждую ночь самолеты с Большой земли доставляли нам обмундирование, оружие, боеприпасы. 2 июня к нам прибыло пополнение—батальон под командованием старшего лейтенанта Константина Дионисевича Карицкого. А тем временем противник подтягивал к

границам Партизанского края все новые части. В связи с этим выход в новый район задерживался.

Из отряда Тимофеева в штаб прибыл посыльный с донесением, что противник силою до трехсот солдат форсировал Шелонь, занял деревню Городня. Вторая колонна врага численностью до 400 солдат двигалась к деревне Лемтехово. Было件件件件, что противник стремится прорваться на Паревичи и вбить клин в Партизанский край.

Утром фашисты заняли Колотилово. Они сосредоточили здесь около двух батальонов пехоты и четыре танка. В деревне гитлеровцы устроили привал. Вскоре задымили кухни.

Не теряя времени, мы свели в одну группу три противотанковых ружья и два станковых пулемета, расположив их на опушке у дороги в Колотилово. Подошли отряды Тимофеева и Климова. Сигналом к атаке должен был послужить залп из противотанковых ружей. Но с залпом не спешили. Ждали, когда фашисты соберутся у кухонь.

В 11 часов был открыт залповый огонь по танкам. Минометы, станковые и ручные пулеметы били по пехоте и обозам. Враги в панике, бросая котелки и оружие, побежали. Партизаны весь день преследовали противника и освободили 15 деревень.

В том бою было уничтожено свыше 200 гитлеровцев, подбито 6 танков, захвачено 5 ручных и 2 станковых пулемета, несколько десятков винтовок и автоматов, 300 снарядов, около 10 тысяч винтовочных патронов, обоз с продовольствием.

Накануне выхода в новый район нам придали отряд «За Советскую Латвию» под командованием Вильгельма Яновича Лайвиньша и комиссара Отто Петровича Ошкална и Четвертую бригаду под командованием С. М. Глебова.

Первая особая бригада, с честью выполнив задачу по защите Партизанского края, двинулась на запад.

Н. Буйнов,
*в 1942 г. командир
Первой особой
Ленинградской партизанской бригады*

СТРАНИЦЫ О МУЖЕСТВЕ

У горы Судома

В ночь на 20 июня 1942 года мы покинули Партизанский край. В сводной колонне в новые районы шли Первая особая партизанская бригада под командованием Н. П. Буйнова, Четвертая под командованием С. М. Глебова и полк партизан «За Советскую Латвию» (командир полка — В. Лайвиньш, комиссар — О. Ошкалн).

Железную дорогу на участке Дедовичи — Чихачево перешли беспрепятственно. На своем пути партизаны ликвидировали фашистские посты и заслоны, мелкие гарнизоны, комендатуры и сельские управы.

Население деревень на пути нашего следования восторженно встречало партизан. Комиссары и политруки проводили собрания, на которых рассказывали о положении на фронтах, о борьбе с фашистскими захватчиками в тылу врага.

Конечно, это был вызывающе дерзкий партизанский рейд. Гитлеровцы выставили против нас пять батальонов охранных войск, а затем, по мере нашего продвижения, наращивали свои силы за счет воинских частей, карательных и полицейских команд.

Первая встреча с противником произошла недалеко от деревни Судома. В небольшом перелеске фашисты атаковали партизан при поддержке танка. Отряды заняли круговую оборону. Главный удар врага пришелся на расположение латышских партизан.

Атака была отбита. Фашисты потеряли более 50 солдат. Партизаны уничтожили танк, захватили трофеи — пулеметы, винтовки и боеприпасы.

В том бою мы убедились в беззаветной храбрости наших братьев по оружию — латышских партизан. Они мужественно обороняли свои позиции, смело контратаковали врага и шли на выручку к соседям.

24 июня мы подготовили внезапный ночной налет на гарнизон в деревне Горбово. Гарнизон был разбит.

25 июня гитлеровцы подтянули к району, занятому партизанами, новые карательные отряды и воинские части. В наступлении на партизан участвовали танки. Несколько рот автоматчиков и подразделение полицейских пытались обойти нас с тыла. Но и в этот день все атаки фашистов были отбиты.

26 июня гитлеровцы снова пошли в наступление. Бои на всех участках были напряженными. Дело доходило до рукопашных схваток, что в практике партизанской войны бывало не так уж часто.

Наш отряд, находившийся в деревне Харино, и латышский полк, стоявший в деревне Сорокино, первыми вступили в бой.

Фашисты применили артиллерию, танки, самолеты, но не смогли потеснить партизан со своих позиций. За один день партизаны уничтожили более 150 карателей.

Не добившись успеха в лобовой атаке, противник пытался отрезать дорогу к лесу, но и это у него не получилось. Из деревни Харино, подожженной зажигательными снарядами, мы не ушли, закрыли дорогу к лесу.

Девять дней продолжались бои с фашистами у озера Лучно, в районе Судомской возвышенности. В ходе тех схваток было уничтожено более тысячи фашистских солдат и офицеров. Но враг подтягивал все новые силы, а нам приходилось экономить патроны.

К тому времени мы уже выполнили основное задание Ленинградского штаба партизанского движения: разведка боем была проведена на большую глубину, а полк «За Советскую Латвию» оторвался от противника и, пользуясь нашим прикрытием, ушел в родную республику.

Первая особая и Четвертая бригады, выполнив в основном задачи рейда, вернулись в Партизанский край.

В Серболовском лесу

Через некоторое время 83-й отряд начал как бы свою новую жизнь в составе Второй партизанской бригады.

Но тут необходимо сделать небольшое отступление. Дело в том, что 9 июля в бою у деревни Курносино, уже

после рейда в Славковский район, я был тяжело ранен. Из госпиталя в Валдай, где находилось наше партизанское руководство, прибыл только в октябре 1942 года. Конечно, сразу явился к уполномоченному штаба Северо-Западного фронта полковнику А. А. Тужикову.

В кабинете Тужикова были В. П. Гордин — представитель Ленинградского штаба партизанского движения, Н. Г. Васильев — командир и С. А. Орлов — комиссар Второй бригады. Я доложил о своем возвращении из госпиталя. Смотрю, командиры стоят и в смущении переглядываются. Заминка длилась, видимо, всего несколько секунд, но она была заметной. Я стрелой взглянул на комбрига, и он, обращаясь к Тужикову, сказал:

— Нужна ваша команда «вольно».

Тужиков, как бы стряхнув с себя невольную скованность, произнес:

— Вольно!

И предложил мне сесть.

Причина заминки после моего рапорта выяснилась сразу. Оказывается, я считался погибшим, и об этом моим родным уже выслали извещение. Тут же оказалось, что для объявления меня, командира 83-го отряда, погибшим, были веские причины.

На шалаш лесного госпиталя, где находились раненые в бою у деревни Курносино, набрела группа фашистов. Гитлеровцы расстреляли партизан.

На следующий день разведка Ованеса Васильяна, обнаружив в шалаше погибших и не встретив никого на территории госпиталя, провела похороны и после доложила о гибели командира отряда Тимофеева.

А я с партизаном, раненным более легко, две недели полз по лесу, попал в отряд Третьей бригады и был эвакуирован в советский тыл.

В Валдай, как оказалось, я прибыл весьма своевременно. Командование готовило переход Второй бригады обратно в Партизанский край. Мне поручили вновь сформировать отряд № 83 и подготовиться к выходу в тыл врага. Отряду нужно было не просто вернуться в Партизанский край, а идти туда первым, разведать и подготовить базу для возвращения всей бригады.

10 октября отряд в составе 75 партизан начал свой марш. Мы перешли фронт и мимо Рдейского озера прошли к деревне Ухошино.

Это был очень трудный марш. Каждый партизан нес на себе большой груз боеприпасов и продовольствия. На вооружении отряда было два станковых пулемета и шесть ручных, два ротных миномета и противотанковое ружье. Половина партизан была вооружена автоматами, половина — винтовками. Самая главная трудность заключалась в том, что отряд шел через мертвую, выжженную фашистами зону. За восемь суток, преодолев сто километров по лесам и болотам, мы вернулись в свой Партизанский край.

Отряд построил для бригады лесной лагерь. Одновременно наши партизаны занимались разведкой и диверсиями: на железной дороге у станции Сущево пустили под откос три эшелона с живой силой и техникой противника, уничтожили из засад около ста фашистов, сняли более тысячи метров кабеля телефонной связи. В этих первых диверсиях отличились подрывники Садиков, Буслаев, Будапештов, Пекарь и взвод разведки Ермоленко.

Об окончании строительства базы было сообщено в Валдай, и в конце ноября вся наша бригада вновь перешла в Серболовский лес. Теперь это была еще более сильная, укомплектованная опытными, обученными и обстрелянными кадрами, по-новому вооруженная партизанская бригада. Вот только всех беспокоило здоровье комбрига Н. Г. Васильева. Он был тяжело болен. Мы это видели и жалели своего боевого друга, удивляясь его выдержке и упорству. А он не поддавался унынию, настойчиво и неутомимо готовил нас к новым боям.

Появление бригады было сразу замечено фашистами. В декабре они снова начали наступление на Партизанский край.

...Разведка доложила, что со стороны деревень Тюриково и Мухарево фашисты, числом не менее 500 солдат и офицеров, с артиллерией и танками подходят к Серболовскому лесу.

Наш отряд к этому времени был увеличен вдвое. На вооружении отряда, кроме автоматов и винтовок, было 5 «станкачей», 12 ручных пулеметов и 3 миномета. Отряд находился в центре позиции и должен был

принять на себя главный удар противника. На время боя мне были подчинены также отряды А. В. Алексеева и Н. И. Синельникова. Этих отважных и волевых командиров я хорошо и давно знал, и мы быстро решили все вопросы взаимодействия. Отряд Алексеева занял позицию слева, а отряд Синельникова — справа. Оба отряда, не обнаруживая себя, должны были приготовиться к обходу противника с флангов.

Первую пробную атаку гитлеровцев партизаны отбили легко. Фашисты потеряли около десятка солдат. С нашей стороны потерь не было. Зная, что противник немедленно начнет обрабатывать наши позиции артиллерийским огнем, я отвел отряды в глубину леса метров на триста, оставив наблюдателей в укрытиях. Полчаса гремела канонада. Но как только артиллерийская стрельба закончилась, партизаны снова были на своих местах.

Каратели шли под прикрытием танка. Атака продолжалась около часа и была отбита с большим уроном для врага.

Гитлеровцы снова пустили в дело все свои огневые средства. Снаряды и мины перепаживали опушку, ломали деревья, выкорчевывали кустарники. Заснеженный зимний лес на нашем участке превратился в грязный бурелом.

Но фашисты опять просчитались: партизан на месте обстрела не было. Когда вражеские цепи поднялись в атаку, отряд встретил карателей губительным огнем. Не считаясь с потерями, гитлеровцы упорно лезли вперед, бой разгорелся по всему фронту. Минут через тридцать отряд Синельникова пошел вперед и перекрыл карателям путь отхода, в это время отряд Алексеева ударил с фланга.

Вступление в бой отряда Алексеева и решило исход боя. Боясь окружения, каратели отступили, в рядах противника началась паника. Партизаны с криками «ура!» преследовали фашистов.

Бой продолжался более четырех часов. Враги потеряли около 300 солдат и офицеров. Карательная экспедиция потерпела крах.

Наши потери составили 12 убитых и 18 раненых. По напряжению и проявленному партизанами мужеству этот бой в Серболовском лесу в конце 1942 года можно сравнить с открытыми боями в деревнях

Лемтехово, Парли, Курносино, в которых участвовал наш отряд.

В этой схватке с врагом отличились командиры рот Гладун и Цильманов, комиссар отряда Краснов, политрук Морозов, начальник штаба Никотанов, разведчики псковичи Буслаев, Ермоленко и многие другие командиры и партизаны.

После боя, объявляя благодарность нашим отрядам, комбриг Н. Г. Васильев сказал:

— Гитлеровцы теперь не раз подумают, прежде чем идти в лес. Но вполне ясно, что такого разгрома карателей они нам не простят. Будем готовиться к новым боям.

И как бы в подтверждение его слов вскоре над лесом появился фашистский самолет-разведчик. Чтобы летчику было о чем доложить своему начальству, мы развели в лесу костры. На другой день рано утром 10 «юнкерсов» развернутым строем пришли к тому месту и обрушили десятки тонн смертоносного груза... на пустое место. Мы издали наблюдали за клубами черного дыма над лесом.

В ту ночь бригада совершила переход к Ухошину. По пути нашему отряду во взаимодействии с отрядом Обьедкова было приказано разгромить гарнизон в деревне Заполье, а отрядам Смирнова и Войчунаса — в деревне Нивки.

В одну ночь еще два гарнизона фашистов были ликвидированы.

Г. Тимофеев,
в 1942 г. командир
отряда № 83 Второй Ленинградской
партизанской бригады

ПЕЧАТЬ ПАРТИЗАНСКОГО КРАЯ

К Порхову фронт приблизился в начале июля 1941 года. Все чаще над городом проносились фашистские самолеты, порой сбрасывая бомбы.

В те тревожные и до предела заполненные заботами дни никто из нас не жил дома. Работники райкома партии помогали воинским подразделениям продвигать к фронту эшелоны, занимались эвакуацией населения, отправляли на восток беженцев. А когда враг подошел близко, двинулись и мы в заранее намеченный пункт сбора.

Нашим оружием были винтовки. И еще пачки листовок с призывами к населению: «Уходить на восток, ничего не оставлять противнику, бить захватчиков чем только можно — Красная Армия вернется, враг будет разбит, победа будет за нами!».

Через несколько дней мы собрались в лесу, где уже находился наш истребительный батальон. Вскоре вернулся из Ленинграда первый секретарь Порховского райкома партии С. А. Орлов. Он нашел в лесном лагере секретаря райкома А. К. Тимма, председателя исполкома райсовета Н. Н. Кузнецова и других членов бюро райкома.

— Проведем заседание бюро, — сказал он, — будем отбирать добровольцев в партизанский отряд.

Бюро заседало недолго. Добровольцами стали почти все члены истребительного батальона.

Только что созданный партизанский отряд построили в шеренгу. Перед строем стояли А. Н. Шинкарев — секретарь Ленинградского обкома партии, С. А. Орлов и еще незнакомый военный.

Шинкарев вышел вперед:

— По решению обкома партии и Военного совета Северо-Западного фронта создана Вторая партизан-

ская бригада, в которую зачисляется и Порховский отряд. Командиром бригады назначен Николай Григорьевич Васильев. — Шинкарев повернулся к высокому военному. — Вот он, старший политрук, недавний начальник Новгородского Дома Красной Армии. А комиссара бригады вы хорошо знаете — Сергей Алексеевич Орлов. Обком партии и Военный совет желают вам боевых успехов.

После этого напутствия отряд вышел в дорогу. 24 июля мы уже были в тылу врага, в дедовичских лесах, где нам предстояло сражаться с фашистскими захватчиками. Здесь наша бригада создала Партизанский край, все население которого жило по законам Советской власти.

Вторая партизанская бригада росла. В феврале 1942 года отряды были преобразованы в полки. Сначала их было три, а вскоре стало пять. Был создан политотдел бригады, который возглавил секретарь Дедовичского райкома партии А. Ф. Майоров.

Но как охватить политическим влиянием всех партизан и население большого края? Ведь он включал в себя 400 сел и деревень, разбросанных на огромной территории: с севера на юг — 120 километров, с запада на восток — 80. Нередко получалось так: партизаны и колхозники знали, что делается на фронтах, в советском тылу и за рубежом, потому что эти сведения были в советских газетах, которые нам доставляла авиация, но не знали, что происходит в соседнем сельсовете, в отдаленном полку или бригаде.

Не было массовой трибуны для освещения жизни края. Недоставало местной печати.

И вот известие из Валдая: «Приготовьтесь! При первой возможности все необходимое для издания газет в тылу врага будет доставлено самолетом». Сообщалось также, что в Партизанском крае целесообразно издавать две газеты. Вскоре в наш Серболовский лесной лагерь привезли типографское оборудование.

Нас с Иваном Васильевичем Виноградовым вызвал начальник политотдела бригады, где и были сразу решены основные организационные вопросы.

Газеты мы называли так: «Народный мститель» — для партизан и «Коммуна» (довоенное и нынешнее название дедовичской районной газеты) — для населения

Партизанского края. Был решен и вопрос о «штатах». Штат — это мы вдвоем с Виноградовым.

В конце совещания А. Ф. Майоров сказал:

— Газет у нас две, а подписывать их будет один.

Мы не поняли, что означает это указание, и промолчали.

— Согласен? — спросил меня Майоров.

— С чем?

— С тем, что обе газеты будешь подписывать ты? У Виноградова родители на оккупированной территории. Ясно?

— Теперь ясно.

Оставалось найти наборщика и печатника.

Наборщика — Андрея Усенко — мы нашли довольно быстро. С печатником обстояло труднее. Дело в том, что нужен был большой мастер и физически крепкий человек, способный орудовать чуть ли не пудовым прессом. Ему предстояло прежде всего собрать нашу «Бостонку», а после, при необходимости, и отремонтировать машину. К счастью, такой печатник-универсал нашелся. Им стал бывший работник Островской типографии Василий Егоров, имевший псевдоним — Толчишкин.

Егоров-Толчишкин собрал «Бостонку». Забегая вперед, скажу, что Толчишкин-печатник ни разу не задержал выхода газеты, хотя случалось, что машина капризничала. Тогда Толчишкин-слесарь часами возился с ней или ночью отправлялся в ближайшую колхозную кузницу, чтобы что-то склепать или отковать. Если требовалось что-либо «пробить» для типографии, он становился Толчишкиным-директором. Ко всему Толчишкин являлся еще и корреспондентом газеты «Народный мститель». Это был веселый и находчивый человек, отважный боец. Если его не пускали на задание — обижался:

— Я пошел в партизаны воевать с захватчиками, а не с капризами списанной с баланса машины.

— Но ты сам хотел печатать, — напоминали мы ему.

— Только по совместительству...

Вернемся, однако, к середине февраля, когда мы работали без отдыха, чтобы выпустить к Дню Красной Армии первый номер партизанской газеты. И первый номер газеты «Народный мститель» вышел. Это было действительно событие — в тылу врага вышла наша партизанская газета!

Виноградов держал свежий номер бережно, словно хрупкую драгоценность. Мы снова и снова читали ее, знакомую от строчки до строчки. Боевое партийное печатное слово становилось в строй борьбы против фашистов на Псковщине!

Мы сразу начали готовить первый номер газеты «Коммуна», который вышел 2 марта. В середине марта в нашей типографии стала печататься и третья газета — «Дновец», для населения, не входившего в Партизанский край Дновского района. Редактировал ее, как и до войны, И. А. Шматов — начальник штаба отряда «Дружный».

Выпускали мы и листовки. Отдельным изданием в это время вышла «Песня нашего отряда», написанная И. В. Виноградовым. Потом ее перепечатали в газете «Народный мститель», и она стала боевой песней-клятвой Второй Ленинградской партизанской бригады.

Работы в типографии прибавилось. Печатал все газеты и листовки один Егоров-Толчишкин. Наборщиков одно время было двое — к нам прислали дновского партизана Василия Скипидарова. Но вскоре Андрей Усенко был тяжело ранен и отправлен самолетом в советский тыл.

Газеты были малого формата и выходили не так уж часто: «Народный мститель» — два раза в месяц, «Коммуна» — еженедельно, тиражом 500—700 экземпляров каждая. Кажется, что тут особенного?

Но выпуск газеты был связан с большими трудностями. Вся типография — наборные кассы, печатная машина, столик для верстки — находилась в одной землянке. Зимой в этом «павильоне» было холодно. Вечерами работали при свете «катюши» — снарядной гильзы с фитилем, заправленной авиационным бензином. (Лишь однажды типографию залило ярким светом, когда кинооператор Центральной студии документальных фильмов Борис Шер снимал партизанский «центр печати».)

Были и другие — специфические — трудности в работе типографии. Припоминается такой эпизод: наборщик Андрей Усенко сердито ворчит, а затем, обращаясь к работникам редакции, говорит:

— Всё «фашисты» и «фашисты». Что, других слов нету?

— Интересно,— ехидничает Толчишкин,— слово «фашист» ему не нравится.

— Да как же оно будет нравиться,— кипятится наборщик,— если буквы «с» у меня в кассе не хватает.

Андрею советуют:

— Набери «захватчик».

— А где я возьму столько букв «а»?

— Тогда «гитлеровец».

— Так и буквы «е» у нас мало...

А нам, журналистам, не хватало газетной площади. Приходилось идти на самые немыслимые в газетной практике сокращения, лишь бы втиснуть в полосу лишнюю строчку.

Наступила весна 1942 года. Подошли праздники 1 Мая и День печати. Материалам о Дне печати были отведены первые полосы газет. «Коммуна» в передовой статье писала: «Печать — наше оружие. Она вдохновенно действует на фронтовиков, рабочих и колхозников, на народных мстителей и население временно оккупированной советской земли. Содержание ее определяется лозунгом партии, под которым в военную пору проходит вся жизнь Родины, советского народа: „Все — для фронта, все — для победы!“»

Газета «Народный мститель» была помощником партизанского командования во всей его многогранной работе, выступала боевым организатором партизан. Большое место на страницах этой газеты занимали материалы о военных действиях бригады, ее полков и отрядов.

«Коммуна» была гражданской газетой военного времени в тылу врага. Ее главная задача состояла в организации населения края на оказание помощи фронту и партизанам. Газета боролась за превращение края за линией фронта в единый боевой лагерь. Она призывала колхозников к участию в вооруженной войне с врагом. В то же время со страниц «Коммуны» не сходили материалы о севе и уборке, о поставках партизанам продовольствия.

Наша печать воспитывала у людей края любовь к Родине, ненависть к фашистам, посягнувшим на страну социализма, ее свободу и независимость.

В марте «Коммуна» сообщила о том, как оккупанты бомбили и жгли колхоз «Красная нива», губили насе-

ление. Вот что колхозники ответили на эту разбойничью акцию через газету: «Знаем, что преследовал враг своими зверствами,— покорить нас хотел. Черта с два! Как помогали Красной Армии и партизанам, так и будем помогать».

21 мая «Коммуна» вышла с передовой статьей «Все на борьбу с врагом!» В ней писалось: «Сейчас надо жить и работать так, чтобы потом можно было не краснея ответить на главный вопрос: чем ты помогал Родине в минуту опасности, что ты сделал для разгрома врага».

Материалов у нас всегда было достаточно. В газетах выступали бойцы и командиры, политработники и колхозники, активисты сельсоветов.

Мы заботились о том, чтобы газеты, особенно праздничные, и внешне выглядели хорошо. Но тут иногда наши желания превышали полиграфические возможности. Увидев очередной макет, Толчишкин принимался костить редакторов. И, нужно сказать, находил слова для выражения своего настроения. Одному из макетов праздничной газеты он дал примерно такую оценку: «Слава товарищам Обжигалину и Виноградову! Я преклоняюсь перед создателями этого замечательного макета. Он потребует всего «богатства» наших наборных касс, обоих заголовочных шрифтов, в каждом из которых чего-нибудь да не хватает. Какой простор для творческого вдохновения моему другу верстальщику Скипидарову!»

Отведя таким образом душу, Василий Егорович принимался помогать Скипидарову и делал все возможное, чтобы номер был ярким и даже красивым.

В мае нам прислали новую машину — «Американку». Формат газет увеличился вдвое. Прибыл и второй наборщик П. Ф. Глазачев.

Не мне, конечно, судить, как газеты Партизанского края выполняли свои задачи. Сошлюсь на газету «Правда», в которой в 1942 году был напечатан обзор газет «Коммуна» и «Народный мститель». Автор обзора Н. Воронов сделал такой вывод: «Газеты партизан отличаются боевой оперативностью и целеустремленностью. Каждая их строка дышит ненавистью к оккупантам, зовет к борьбе! Крохотные страницы «Коммуны» несут населению оккупированных районов слово великой большевистской правды. В музее Отечествен-

ной войны комплект этой газеты займет почетное место рядом с грозным боевым оружием».

В дни летних боев героизм партизан и колхозников стал массовым. К середине 1942 года среди партизан и колхозников края было 445 награжденных орденами и медалями Советского Союза. Борьба с захватчиками усилилась после партийной конференции, состоявшейся 18 июня. Впереди на самых опасных и важных участках находились коммунисты.

Во Второй бригаде каждый четвертый партизан был коммунистом. Число первичных партийных организаций утроилось, комсомольских стало сорок пять вместо шести первоначально. В крае за семь месяцев вступило в партию около ста колхозников.

Газеты в это горячее время были заполнены материалами о мужестве, отваге и стойкости, о находчивости партизан в боях с фашистами. Вот некоторые заголовки статей и заметок того времени: «Разгромим карателей», «Отбросим врага за ворота края!», «Сделаем наш край единым боевым лагерем!»

1 августа 1942 года вышел номер газеты «Народный мститель», посвященный годовщине Партизанского края. Итоги борьбы за год выглядели так: бригада провела 343 боевых выступления, под откос пущено 37 эшелонов, подбито 26 танков и 6 самолетов, выведено из строя около 10 тысяч вражеских солдат и офицеров.

Мы готовили юбилейный номер «Коммуны». Но выпустить газету не удалось, фашисты появились в трех километрах от нашего лагеря. Комбриг прислал записку с приказанием за ночь разобрать все типографское оборудование, что можно, взять с собой и с рассветом явиться в штаб. Редакторы и работники типографии ушли в свои отряды.

И все же мы считали себя обязанными попытаться возобновить выпуск газет. Для этого нужно было взять из леса, занятого карателями, шрифт и бумагу. А как напечатать газету без печатной машины?

— Как-нибудь обойдемся,— заявил Егоров-Толчишкин.

Командование и политотдел одобрили наше намерение. Тут же была создана группа для изъятия наборного цеха из леса.

Без приключений мы добрались до лесных землянок, встретивших нас унылым запустением. Решили

дождаться ночи и идти напрямую через болото. И вот, проверив снаряжение и стараясь не нарушать лесную тишину, мы двинулись в обратный путь. Сначала шли быстро, даже с шутками. А потом все чаще останавливались, сбрасывали тяжелые ноши и усаживались на кочки. Восьмикилометровый путь мы одолели только к рассвету.

Ровно через месяц вышел очередной номер газеты «Народный мститель». Четыреста экземпляров газеты Толчишкин напечатал с помощью... обыкновенной сапожной щетки, как в типографии, бывало, делал первый оттиск для корректора. Работали мы в глухой лесной деревне Малые Гривы, над которой, как и над всем краем, ежедневно летали вражеские самолеты. У нашего крыльца день и ночь стоял часовой с пулеметом.

Газета жила, боролась, воодушевляла партизан.

К. Обжигалин,
*в 1941—1942 гг. редактор газеты
Партизанского края «Народный мститель»*

РАДИОСВЯЗЬ БЫЛА БЕСПЕРЕБОЙНОЙ

В конце июля 1941 года была образована Вторая Ленинградская партизанская бригада, состоявшая из нескольких отрядов. С отрядами нужна была связь. А особенно командование бригады нуждалось в повседневной радиосвязи с Большой землей — с Ленинградом и штабом Северо-Западного фронта.

Связь держал радист Н. Ф. Веселов со своим неизменным помощником — шифровальщиком Костей Шепелевым. Надо ли говорить, как все мы, от рядового партизана до командира и комиссара бригады, относились к связистам. Мы их любили и берегли!

В то время к радиосвязи я никакого отношения не имел. Воевал в отряде «Буденновец», командиром которого был Н. А. Рачков, а комиссаром — А. Ф. Майоров. Вместе с другими ходил на боевые задания, бывал в разведке. Гораздо позднее, да и то в порядке, так сказать, «нагрузки», комиссар отряда поручил мне организовать радиопункт для приема сводок Совинформбюро. Был у нас батарейный радиоприемничек, и я ежедневно принимал и записывал сводки.

Но не этот приемник привел меня к началу «радиобиографии».

Как-то у командира отряда Н. А. Рачкова остановились часы. Единственные, «кировские», карманные — и вот испортились. Командир был очень расстроен. А политрук И. В. Смирнов возьми и скажи Рачкову: есть, мол, в отряде партизан, который может починить часы. Может, конечно, и окончательно сломать... Но рискнуть стоит...

Помню, меня даже с наряда сняли.

В часах я разбирался немного, как любитель, и даже примитивный инструмент у меня был. Часы пошли. За это я получил две пачки папирос «Беломорканал». Это был по тем временам щедрый гонорар.

А через несколько дней меня опять вызвали к командиру. Н. А. Рачков сказал:

— Раз ты можешь ремонтировать часы, значит, можешь ремонтировать трофейное оружие. Логично?

Что я мог возразить? Навыков в ремонте оружия у меня, конечно, не было, но, присмотревшись и покумекав, я стал устранять неполадки в трофейных пулеметах, автоматах, пистолетах.

Вскоре меня опять вызвали к командиру.

— Вооружены мы неплохо. А вот для оперативного руководства в боевых условиях нет у нас ни одной ракетницы...

Недалеко от деревни Глотово в болоте лежал сбитый нами фашистский самолет. Здесь мы нашли много ракетных патронов. Затем у колхозницы выменяли на зерно одноствольное ружье двенадцатого калибра с гильзами. Ну а дальше все было просто: из ружья получился солидный обрез, а гильзы были перезаряжены трофейными ракетами. Первый сигнал ракетой для атаки был дан при разгроме гарнизона на станции Плотовец.

В следующую нашу встречу Н. А. Рачков сообщил:

— Ребята притащили сорокапятимиллиметровую пушку, и снаряды к ней есть. — Он на минуту задумался, а потом задал вопрос: — Ты с артиллерией-то знаком?

Вопрос командира поверг меня в замешательство. Все мое «знакомство» с артиллерией заключалось в том, что однажды я был с экскурсией на крейсере «Аврора» и видел орудие, из которого был произведен исторический выстрел — сигнал к штурму Зимнего дворца в октябре 1917 года. Но я не стал говорить этого командиру.

— Разрешите осмотреть пушку?

Командир разрешил. В помощь мне выделили командира взвода Павлова.

При осмотре пушки было установлено, что она «почти» исправна: ствол цел, есть лафет, колеса... Нет только «сущего пустяка» — панорамы и стреляющего приспособления. Это примерно то же самое, что винтовка без затвора. Или с затвором, у которого нет бойка... Мы, однако, рук не опустили. В Глотовской кузнице нашли отрезок трубы, по диаметру равной стреляющему приспособлению. В эту основу вмонтировали боек

с двумя пружинами, взятыми из трофейных винтовок. Простейший механизм был готов. Испытания «модернизированная» пушка прошла успешно.

В январе 1942 года, когда бригада совершала налет на город Холм, я участвовал в нем в качестве командира пушки без панорамы и с самодельным стреляющим приспособлением. Пушку придали группе, которой было поручено в деревне Сопки, на дороге Холм—Локня, стоять заслоном.

18 января в два часа дня здесь и начался бой с автocolонной противника. Стреляя из пушки прямой наводкой, мы подавили две пулеметные точки, повредили или уничтожили шестнадцать автомашин.

Вот она какая была, пушка! Только и всего, что наводить орудие приходилось через ствол, поскольку прицельного приспособления не было, а сделать самим панораму оказалось выше наших сил.

В мае 1942 года я вернулся в бригаду после госпиталя и был назначен начальником оружейных мастерских в Партизанском крае.

В бригаде в это время было уже несколько радиостанций. На центральной (бригадной) станции, как и прежде, работали Николай Веселов и шифровальщик Костя Шепелев. Был и начальник связи бригады — капитан М. И. Соколов.

И вот где-то здесь началось мое «прикосновение к профессии». Если какая-либо радиостанция выходила из строя, на ремонт капитан Соколов направлял ее в нашу — оружейную — мастерскую. Других-то мастерских не было.

В октябре 1942 года началось сооружение нового радиоузла Валдайской опергруппы Ленинградского штаба партизанского движения. Начальником отдела связи опергруппы был назначен наш капитан М. И. Соколов. Для работы на новом радиоузле были отозваны Николай Веселов с шифровальщиком Костей Шепелевым. Взяли из бригады и еще несколько специалистов. В эту группу попал и я.

Радиоузел начал работать в установленный срок. Вначале у нас были два передатчика и одна радиостанция. Перечислять марки нашей аппаратуры вряд ли необходимо. Но скажу прямо: техника на радиоузле была маломощной и устарелых образцов. Обеспечивать устойчивую связь с отрядами и бригадами в глубоком

тылу врага было нелегко. Однако вскоре мы получили более мощную радиостанцию. На связь мы уже могли брать одновременно шесть передатчиков.

В те дни, когда мы налаживали радиоузел, к нам приехал Н. Н. Стромиллов — известный коротковолновик, долгое время работавший на Севере. С ним было весьма интересно встретиться и получить от него квалифицированные советы. Его указания оказались очень полезными, и наш радиоузел работал с тех пор нормально.

Но в тылу врага росло количество новых партизанских отрядов и бригад. Больше становилось и радиостанций, а это требовало увеличения приемных средств радиоузла.

Однажды партизаны переслали нам трофейную радиостанцию. «Примите, может, пригодится».

Поблагодарили мы товарищей за подарок и стали знакомиться с «иностранкой». Против нашего «Севера» — дрянцо. Мощность всего 5 ватт, питание батарейное. Громоздкая, в полтора раза больше нашей. На радиоузле ее использовать смысла не было — слаба, а в тылу врага пропадешь с такой дурой.

Но как раз габариты этой радиостанции и натолкнули нас на дерзкую мысль. А нельзя ли ее реконструировать и собрать на ее базе передатчик мощностью 100 ватт?

Трудно? Зато есть над чем пораскинуть мозгами.

Стрелков, прелюбопытный парень лет восемнадцати, мой помощник, однажды вежливо так спросил:

— Скажите, пожалуйста, товарищ старший лейтенант, вот мы здесь трудов кладем немало, а как вы думаете — будет наша станция работать?

Дробашенко, другой техник, лукаво улыбнулся, помалкивает. А меня этот наивный вопрос царапнул сомнением. Дело в том, что собрать передатчик не так уж трудно, а вот настроить его — посложнее.

Пришло время, и станция заработала. Только «говорила» она низким, грубоватым тоном. Но это было даже к лучшему — радисты быстро отличали голос нашего передатчика от других станций.

На этот счет мы получили отзыв нашего мастера, снайпера эфира — самого Н. Ф. Веселова. Когда я спросил его, как себя ведет новый передатчик в смысле устойчивости и как его слышат, Веселов ответил своим вологодским говором:

— А знаете, моща у него есть и тон при приеме особенный — хрипловатый, а слышат его хорошо.

Были у нас и другие «испытания на прочность».

Однажды начальник отдела связи (уже майор) М. И. Соколов приказал вынести радиоузел за пределы города. Я полагаю, это было вызвано тем, что над Валдаем иногда появлялись фашистские самолеты. В течение нескольких дней узел был перенесен в деревню Овинищи, за пять километров от города. Одновременно была проведена реорганизация радиоузла с созданием отдельного приемного и передаточного центров. Был обеспечен узел и резервным радиопитанием. Для этого из Ленинграда привезли генератор переменного тока и на раме автомашины ГАЗ-АА смонтировали электростанцию.

Радиосвязь была бесперебойной!

Это звучит очень просто. Но за этими словами большой, упорный труд коллектива радиоузла: начальников смен Н. Ф. Веселова и А. А. Алабовского, радистов Артеменко, Вовшович, Критова, Сергеева, Загрянкина, Веселовой, Ивановской, Новожиловой, Галониной, Алабовской, Козловой, Балуковой, Гараниной; электромехаников Дробашенко, Стрелкова, Кирпиченко; моториста-аккумуляторщика Сурового и других. Это был хороший, сильный коллектив, и в основе его успехов были дружба и творчество.

Л. Подорский,
*в 1942—1943 гг. начальник радиоузла
Валдайской опергруппы Ленинградского
штаба партизанского движения*

ПАРТИЗАНСКАЯ АВИАЦИЯ

В историю партизанского движения на территории Ленинградской области славную страницу вписали летчики гражданской авиации.

Осенью 1941 года, когда немецко-фашистские войска замкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда, связь обкома с подпольными райкомами партии была крайне затруднена. В особенно сложных условиях оказались партизанские отряды и диверсионные группы, действовавшие под Псковом, Гдовом и в других юго-западных районах области. В ту пору большинство отрядов еще не имело радиостанций. Чрезвычайная плотность вражеских войск, устойчивость линии фронта, минные поля и проволочные заграждения, густая сеть фашистских гарнизонов практически исключали возможность наземной связи партизан с Большой землей.

Тогда-то по просьбе Ленинградского обкома партии Главное управление Гражданского воздушного флота СССР и обязало Особую северную авиагруппу, реорганизованную в 4-й авиационный полк, взять на обслуживание ленинградских партизан.

Подразделения 4-го авиаполка располагались на разных аэродромах. На основном размещалась первая эскадрилья, имевшая в своем составе почтово-транспортные и транспортные самолеты. Третья эскадрилья этого же полка состояла из легких самолетов ПО-2.

Задания на полеты давали работники Ленинградского штаба партизанского движения. Начало полетам на условленные партизанские костры положили летчики первой и третьей эскадрилий М. А. Никифоров, М. М. Лобанков, Д. А. Жителев, В. П. Дворянкин. Эти пилоты уже имели опыт ночных полетов.

В течение сентября 1941 года летчики разыскивали в лесах 12 партизанских отрядов. Во все эти отряды были сброшены связные от штаба, радисты с радио-

станциями, боеприпасы и продовольствие. В помощь местным партизанским отрядам на самолетах ПО-2 было переброшено 169 парашютистов, и в дальнейшем переброска через линию фронта людей и грузов в основном производилась с применением парашютов. Обучение партизан парашютному делу вели инструктор Г. А. Толярич и его помощник Л. Н. Трещев.

Партизанские летчики накапливали опыт, совершенствовали свое мастерство.

В начале сентября 1942 года с лесной площадки у деревни Финев Луг, подготовленной Оредежским отрядом, летчик Константин Силин вывез секретарей Лужского и Оредежского подпольных райкомов партии И. Д. Дмитриева и Ф. И. Сазанова. В это же время с аэродрома в Партизанском крае были доставлены связные Псковской подпольной партийной организации В. Ф. Михайлов и В. А. Акатов.

А перед летчиками была поставлена новая задача — увеличить грузоподъемность маленьких самолетов. И они успешно решили ее. Инженер первой эскадрильи Тимофеев улучшил технику сброса грузовых парашютных мешков, высвободил вторую кабину на ПО-2. Самолет мог теперь одновременно брать парашютиста и грузовые мешки. Летчики А. И. Передерий, П. И. Борисов, Н. И. Волков, В. Л. Семенов, М. Ф. Боев стали каждую ночь совершать по два рейса вместо одного. С устройством подвесных кассет для грузов самолеты стали брать по четыре партизана-парашютиста.

Авиаторам третьей эскадрильи было поручено перебросить в тыл врага членов межрайонных партийных центров: Лужского (руководитель Г. А. Рябков), Кингисеппского (Н. А. Николаев), Оредежского (М. П. Тарасов). Велась тщательная подготовка. Для разведки и приема самолетов на лед озера Мочалище были заранее переброшены партизаны с радиостанцией. После их сообщения о готовности к высадке все три группы, по 13 человек в каждой, были перевезены вместе с имуществом, продовольствием, лыжами и вооружением за одну ночь. Летчики М. В. Александров и М. А. Христовых на модернизированных самолетах за два рейса с посадкой на лед озера Самро Осьминского района перебрали членов Гдовского межрайонного партийного

центра. Самолетом «Дуглас» в район деревни Княжицы, что севернее Пскова, были доставлены типография и боеприпасы для Псковского межрайонного подпольного центра.

С наступлением весны 1943 года работа на партизанских аэродромах еще более оживилась.

В начале марта на лед озер Мочалище, Стречно и Осейко были высажены крупные партизанские отряды Г. П. Григорьева, П. В. Новожилова, И. П. Сергеева и А. И. Сотникова. А верхом летного мастерства явилась переброска 11-й Волховской бригады (командир А. П. Лучин, комиссар Ф. И. Сазанов).

Было это так. Шли последние дни марта. Считанные дни оставались до полной весенней распутицы. Заанчивалось формирование бригады.

Когда прибыли первые отряды, взлетная полоса аэродрома уже почернела. Самолеты на лыжах взлетали с трудом. Казалось, задание неосуществимо. Но начальник батальона аэродромного обслуживания нашел выход. Он организовал завоз снега на аэродром и несколько ночей поддерживал взлетную снежную полосу. Местом посадки за линией фронта служили озера Черное и Суровское. Самолеты стартовали с интервалом в десять минут.

К началу апреля снежный аэродром совсем растаял. Пока переставляли самолеты с лыж на колеса, две ночи полетов не было. Летчик В. М. Александров последним сажился на Суровском озере, когда лед уже отходил от берегов и грозил провалом. Не подпуская никого к самолету, Василий Михайлович сам выгружал и относил в сторону мешки.

Всего в тот раз было переброшено 8 отрядов и 4 группы общей численностью около 450 партизан с вооружением и месячным запасом продовольствия.

С бригадами Партизанского края — Второй, Третьей, Четвертой и Седьмой — обеспечивал связь 3-й авиаполк гражданской авиации.

Первые полеты в Серболовский лес осенью 1941 года совершил, с посадкой самолета, летчик А. З. Шелест. По курсу, проложенному Шелестом, стали регулярно летать и другие пилоты.

В период боев за Партизанский край 3-м полком переброшено 40 партизанских групп и отрядов общей численностью около 900 партизан, вывезено 698 раненых.

Летчики полка взаимодействовали с партизанами при налетах на фашистские гарнизоны, находившиеся в деревнях Крутец, Пустошки, Бродки, Плещеевка, Хлеборадово. Пилоты Романов, Баранов, Отрыжко, Комолов, Семенов, Рожнов совершили 80 боевых вылетов, сбросив более 300 авиабомб на цели, указанные партизанами.

Между 3-м и 4-м авиаполками не было четкого разграничения зон боевых действий. Все зависело от того, кому штаб партизанского движения поручал выполнение задания. Нередко тяжелые самолеты 4-го полка летали в Партизанский край, а летчики на легких самолетах добирались до партизанских баз возле Луги и Плюссы.

Однажды 4-й полк получил задание помочь группе Псковского подпольного центра боеприпасами. Подпольщики просили попутно разбомбить некоторые гарнизоны карателей. Выполнить это задание было поручено экипажу командира М. М. Лобанкова. В этот рейс также отправились капитан Г. А. Толярчик и начальник базы Б. А. Красавин, а с ними и кинооператор П. И. Паллей.

Большой самолет снижался над деревнями Гридино и Боровик, где располагались каратели. От бомб загорелись сараи, каратели выбегали на улицу и попадали под огонь бортовых пулеметов самолета. А кинооператор Паллей, не теряя момента, крутил ручку съемочного аппарата.

Выполнив задание, командир повел самолет вдоль железных и шоссейных дорог, обстреливая станции, скопления автотранспорта.

В рапорте Ленинградскому обкому партии командование 3-го авиаполка доносило, что за два года сделано около 1500 самолето-вылетов, доставлено более 300 тонн грузов, в том числе 250 тонн боеприпасов. 4-м авиаполком было совершено более 3000 ночных вылетов, из них около 1000 — с посадкой. По заданию Ленинградского штаба партизанского движения к партизанам регулярно летали начальники отделов и опергрупп. В свою очередь, по вызову в штаб и обратно за линию фронта доставлялись командиры и комиссары бригад, руководители подпольных центров, многие

командиры отрядов, политработники, связные и радисты.

Командир пятой эскадрильи 4-го полка Н. С. Сонин вспоминает, как летчик В. Л. Семенов в сентябре 1943 года посадил самолет вблизи Пскова, взял на борт руководителя Псковского межрайонного партийного центра В. Ф. Михайлова, радистку Маргариту Максимова и благополучно улетел. Обрато в тыл врага В. Ф. Михайлов вернулся на самолете ПО-2 с посадкой на шоссе в расположении Пятой партизанской бригады.

С горячей признательностью вспоминают своих друзей-авиаторов ленинградские партизаны.

Д. Власов,
*в 1941—1943 гг. помощник начальника
опергруппы Ленинградского штаба
партизанского движения*

БОГАТЫРИ

После многих дней пути по бездорожью и топким болотам прифронтальной зоны спецгруппа старшего лейтенанта Алексея Тимофеева, состоявшая из 13 добровольцев-коммунистов города Калинин, вышла в северную часть Великолукского района. Остановились на привал недалеко от опушки леса. Уставшие партизаны быстро забылись в тяжелом сне.

И вдруг сигнал часового заставил всех подняться и взяться за оружие. С запада по ложине шли вооруженные люди. Кто они и с какой целью здесь? Командир группы приказал:

— Рыбаков, пройди вперед с пулеметом и выясни.

Василий перебежками достиг крайнего куста и, подпустив к себе шагов на сто переднего, скомандовал:

— Стой! Один ко мне, остальные на месте.

Идущие залегли, команду не выполнили. Рыбаков понял — медлить нельзя. Могла вспыхнуть перестрелка, и тогда поздно будет разбираться, кого встретили — врагов или своих. Выйдя из-за куста с пулеметом в руках, он крикнул:

— Мы партизаны! Прошу одного ко мне на переговоры!

С земли поднялся мужчина с маузером в руке и быстро приблизился к Рыбакову. Он был одет в бушлат. Ниже среднего роста, лицо худощавое, скуластое, с большими выразительными глазами. Вместо приветствия мужчина произнес:

— Если разговаривать, то оружие лучше держать в чехлах, — и первым вставил маузер в деревянную коловду.

Так состоялось знакомство Рыбакова с первым секретарем Себежского райкома партии Федосеем Алексеевичем Кривоносовым.

Федосей Алексеевич вместе с А. С. Кулешом, Т. Ф. Марго, Е. В. Петровым, Н. Н. Никифоровым, Т. Ф. Боровиком и другими товарищами из партийно-советского актива Себежа шел в советский тыл. Группа действовала более двух месяцев в Себежском районе: совершила несколько диверсий на дорогах, проводила политическую работу среди населения, установила связи и создала несколько подпольных групп. Но и потери были большими. Сложная обстановка и приближение холодов заставили принять решение о выводе основной части группы за линию фронта.

Внезапная встреча двух групп партизан в тылу врага обрадовала всех. Не имевшие связи с Большой землей, себежане с волнением слушали рассказы калининцев о положении на фронтах и жизни в советском тылу. Алексей Тимофеев поведал, как их группу провожал Иван Павлович Бойцов, первый секретарь Калининского обкома партии. Прощаясь с партизанами, он говорил: «Сегодня вы приняли партизанскую присягу. Она обязывает ко многому. Вы одни из первых, кого мы направляем в оккупированные противником западные районы области. Ваши активные боевые действия станут примером для других. Обком партии уверен, что коммунисты Калинина не подведут. Вовлекайте всех советских патриотов во всенародную партизанскую войну. Пусть горит под ногами оккупантов и их подручных наша русская земля!»

В эти минуты волнующей встречи и принял свое неожиданное для многих решение Кривоносов. Когда он узнал, что коммунисты Калинина имеют задачу обосноваться в Идрицком районе и что до этого из всей группы в тех местах бывал только Тимофеев, Федосей Алексеевич взволнованно произнес:

— Мои боевые себежские братья! Я знаю, сколько трудностей пришлось вам испытать. Наше решение о выходе в советский тыл правильное, и его необходимо выполнить. Но сейчас, когда я встретил калининцев, идущих в наши места вести партизанскую войну, я обязан быть с ними. Поэтому возвращаюсь в наши края. Желаю вам благополучно выйти к своим и вновь вернуться на себежскую землю для борьбы с врагом. Я буду вас ждать.

Кривоносов подошел к каждому из товарищей и крепко поцеловал на прощание...

Теперь впереди группы вместе с Рыбаковым шагал Кривонос. Он уверенно вел калининцев по знакомому пути. Надо было пройти более 200 километров. За пятисуточный переход Кривонос многое рассказал о себе.

После окончания Смоленской высшей коммунистической школы в 1933 году он был направлен работать начальником политотдела Себежской МТС. В 1935 году бюро райкома утвердило его редактором районной газеты «Пограничная правда». В январе 1939 года он был избран первым секретарем Себежского райкома ВКП (б).

С начала войны не прошло и двух недель, как под Себежем появились танки противника. 5 июля из местного истребительного батальона была сформирована партизанская группа, комиссаром которой стал Кривонос. И вот он вновь возвращается в свой район.

Переход под Идрицу прошел без осложнений. В 4 километрах от деревни Речка командир Алексей Тимофеев и его заместитель Иван Петров облюбовали место и остановили группу на отдых. Тимофеев и Кривонос ночью побывали в деревушке Курилово.

На другой день партизаны обсуждали план действий на ближайшее время. Решили так: для начала партизаны оборудуют две землянки, а Кривонос и Рыбаков пойдут по Идрицкому и Себежскому районам в разведку. Срок возвращения на базу через десять дней — 18 ноября.

Василий Рыбаков был вооружен пулеметом, имел маузер и три гранаты. У Кривоноса тоже маузер и три гранаты. Кроме того, они взяли восьмикилограммовый заряд тола.

Проходя через деревни, они выясняли, кто из сельского актива остался в тылу, кто и чем может помочь партизанам, где находятся гарнизоны, полицейские участки и волостные управы.

В деревне Жуки партизаны решили зайти в дом к деду Ефиму, которого хорошо знал Кривонос. Ефим Яковлевич Макаренко встретил ночных гостей восторженно.

— О, сам секретарь наших большевиков пожаловал! Я всегда говорил, что Россию никто не одолеет.

— Дед Ефим остался самим собой — это хорошо, — здороваясь с хозяином, заметил Кривонос.

— А этот богатырь — наш? — указывая на Рыбакова, спросил Ефим Яковлевич.

— Наш, раз со мной.

— Да! С такими орлами воевать можно. Давайте к столу, поди голодные.

— Подкрепиться не откажемся, — произнес Рыбаков и поставил в угол пулемет.

Дед Ефим приход партизан считал делом естественным. И когда Рыбаков, коротко рассказав о жизни в советском тылу, сообщил, какие задачи перед ними поставил обком партии, Ефим Яковлевич сказал:

— Считайте мой дом вашим домом, а меня — вашим помощником...

Друзья побывали в деревне Прихабы у Ивана Петровича Петрова, в деревне Ямищи у Ивана Кузьмича Панова и у других надежных товарищей.

В Заситинском сельсовесте Кривонос и Рыбаков вышли к железной дороге. Над насыпью в темной мгле неба они различили П-образную арку. Она была сооружена в свое время из больших брусков белого камня на бывшей границе Советского Союза с буржуазной Латвией.

— А что если тут и свалить эшелон фашистов? — предложил Рыбаков.

Выйдя на насыпь в трехстах метрах от арки, Рыбаков, работая плоским штыком от немецкой винтовки, подаренным ему дедом Ефимом при расставании, стал устанавливать заряд с взрывателем нажимного действия. Кривонос, лежа на полотне за пулеметом, подбадривал друга:

— Не торопись. Делай все как надо.

— Готово! Пошли.

В это время послышался гудок паровоза, а потом показался и состав. С шумом он въехал под арку и, подав гудок, прибавил скорость. И тут же прогремел взрыв. Паровоз вздыбился, как конь, с грохотом и скрежетом, увлекая за собой вагоны и платформы с крытыми автомашинами, рухнул под откос.

Партизаны быстро уходили от места диверсии, но неожиданно увидели колонну гитлеровцев на дороге от деревни Лагуны. Когда они перебежали большак Себеж—Резекне, фашисты заметили их и открыли пуле-

метный огонь, а потом по кустам зачастили взрывы мин. Осколком мины ранило в левую руку Рыбакова, но, теряя кровь, он продолжал бежать. Лишь когда углубились в чащу леса, он сказал о ранении Кривоносову. Тот наскоро перевязал рану, и товарищи продолжали путь.

Они опаздывали на двое суток. Перед утром, проходя деревню Ходюки, зашли в крайнюю хату. Приветливая старушка накормила ранних гостей и сообщила, что пять дней тому назад в лес выезжал отряд карателей и была слышна сильная стрельба.

Это сообщение встревожило партизан. Рыбаков остался на месте, а Кривоносов направился в деревню Пыжики к бывшему председателю колхоза «Сила» Пиману Прокофьевичу Прокофьеву. Он член партии, в финскую кампанию за боевые действия награжден орденом Красной Звезды. Оккупанты об этом не знали и назначили его старостой деревни.

Встретившись с Пиманом в его доме, Кривоносов дал ему задание лично выяснить все, что произошло в лесу за деревней Речка.

...Оккупантам как-то стало известно о месте пребывания калининской спецгруппы Тимофеева. Карательный отряд на рассвете внезапно окружил и атаковал лагерь партизан. Завязался бой. Из первой землянки выскочили Тимофеев, Петров, Власов и, прокладывая огнем путь, прорвались через цепь атакующих гитлеровцев. На предложение офицера о сдаче из второй землянки ответили огнем. Каратели забросали землянку гранатами. Козлов, Карманов, Большаков и другие партизаны погибли...

Потерю боевых товарищей больно переживали Рыбаков и Кривоносов. Они долго советовались и решили временно изменить свою тактику. Кривоносов еще раз побывал у Пимана. После этого для каждого была придумана «легенда», и друзья разошлись, чтобы вести работу среди населения, создавать из надежных людей партизанские группы.

...К крайней избе деревни Пыжики подошел мужчина в поношенном полушубке, обутый в старые сапоги. Он был плечист, выше среднего роста, с мягкими чертами лица и улыбчивыми пронизательными глазами. Сняв с плеча старую кожаную сумку, пришелец вошел в избу.

— Мир дому вашему,— произнес он. — Не надо ли отремонтировать обувь? Будете кормить, другой платы за работу не возьму.

— Сапожник-то настоящий? Или по нужде? — спросил хозяин дома Федор Лаптев.

— Окруженец. Был ранен, но в плен не сдался. Вот и скитаюсь до лучших времен. А какой сапожник, сами определите, когда работу выполню.

— Ну, малец, коли так, располагайся у нас. Я стар и болею часто, будешь мне помогать в хозяйстве. Но знай — у меня сын воюет на фронте за Советскую власть.

— Все понятно.

Сапожник оказался мастером на все руки. Хозяин полюбил его с первых дней за трудолюбие, веселый нрав и общительность. Молва об умельце Григорьиче быстро обошла всю деревню. Соседи приглашали его к себе. Он не отказывался. А вскоре стали приходить люди из других деревень, приносили обувь в ремонт, как в мастерскую. Григорьич всех встречал приветливо.

По вечерам в доме Лаптева часто собирались жители деревни послушать рассказы сапожника.

— Фашисты брешут, что взяли Москву и Ленинград. Они топчутся на месте, а скоро будут и уносить ноги, если сумеют. Весь наш народ поднялся на борьбу с врагом. Немцев бьют не только на фронте, но и в тылу — уже действуют партизанские отряды, наносят урон оккупантам.

Однажды молодой парень Мартын Валлас остался побеседовать с сапожником.

— Григорьич,— начал он,— вы многих не знаете, а так открыто высказываетесь. Ведь сегодня на сходке был сам староста деревни Пиман Прокофьев. Как бы чего плохого не случилось?

— За откровенный разговор спасибо. Я, видно, в тебе не ошибся.

— Что вы обо мне знаете?

— Знаю кое-что о тебе и твоих товарищах — Иване Семенове, Андрее Федорове, Иване Михайлове, Леонтии Деменкове, Иване Смирнове. Знаю, что все вы комсомольцы, что уже сумели раздобыть оружие и хотите испробовать его.

— Вот это дела! — удивился Мартын.

— Без моей команды ничего не делайте. Оружие скоро пригодится. А что касается Пимана Прокофьева — пусть он будет старостой деревни. Так надо.

Прошел месяц. Мартын Валлас уже начал волноваться: неужели о нем забыли? Друзья одолевали вопросами, а он не мог толком ничего разъяснить. И вдруг к ним в дом постучал Григорьич.

— Антонович,— обратился он к старому Валласу, отцу Мартына,— вот пришел выполнить вашу просьбу, обувь подремонтировать.

— Значит, не забыли и нас. Спасибо!

На другой день Григорьич подозвал к себе Мартына:

— Сходи сегодня в деревню Анискино к Федору Миронову, спроси, не надо ли ему обувь починить...

К вечеру в дом Валласов пришел бывший председатель Краснооктябрьского сельсовета соседнего Опочецкого района Миронов. В тот же вечер Мартын получил новое поручение — сходить в Котковскую школу к учителю Григорию Федорову. С каждым Григорьич долго беседовал наедине. Однажды нанес визит и староста деревни Прокофьев. После его ухода Григорьич собрался уходить.

— Оставайтесь,— предлагал старый Валлас. — Неважно, что работа по сапожным делам кончилась. Тут безопасно. Сын всегда на чеку.

— Спасибо. Не могу, мне в других местах побывать надо, а сын ваш пусть проводит меня.

В лесу Григорьич — это был Василий Филиппович Рыбаков — поставил Мартыну Валласу задачи на ближайшее время: с товарищами собрать больше оружия и боеприпасов, все собранное привести в порядок, надежно спрятать и ждать команды; при необходимости оказывать помощь Пиману Прокофьеву.

Встреча с Кривоносовым состоялась в деревне Ямищи у Ивана Панова. Прошло больше месяца, как не виделись друзья. Исхудавшие, заросшие, в сильно поношенной одежде, они ничем не отличались от местных крестьян.

— Ох ты, даже по-опочецки цокаешь! — секретарь райкома партии схватил в объятия Василия Филипповича.

— Надо, дорогой Федосей Алексеевич. Иначе как общаться вот с ними? — указал Рыбаков на хозяина дома.

— Это правильно. Теперь к делу,— усаживаясь за стол, сказал Кривоносов.

Долгой была беседа. Федосей Алексеевич сообщил, что создал подпольные группы в Томсинском сельском Совете и Афанасьевско-Слободском, установил связь с местными партизанами Ивана Николаенко.

После оценки обстановки в Себежском, Идрицком и Опочецком районах договорились о действиях на зимний период. Решили партизан из сельских групп пока в лес не выводить.

Рыбаков почти ежедневно переходил из деревни в деревню, менял места ночлега. Частенько он останавливался в Волкованове, в семье Деменковых. Однажды после ночлега Василий Филиппович и хозяин дома Алексей ушли в лес на встречу с товарищами. В полдень из Себежа прибыли жандармы. Они обыскали дом Деменковых и арестовали Ефросинью, жену Алексея. Она погибла в фашистском застенке.

Большую помощь оказывал партизанам Пиман Прокофьев. Староста деревни «усердно» выполнял приказы оккупантов. От колхозников сельхозартели «Сила» в холодную зиму 1941/42 года фашисты не получили ни одной пары валенок и рукавиц, ни грамма зерна в счет натурального налога.

Пиман заранее договаривался с Григорьичем, когда лучше везти «оброк» в Себеж, в каком лесу и как провести «нападение» на обоз. Весь «оброк» попадал партизанам, а староста Прокофьев, потный, в простреленном полушубке прибегал в Себеж и докладывал коменданту о разгроме его обоза. Так продолжалось долго — до тех пор, пока оккупанты не взяли старосту на подозрение. Но Пиман вовремя ушел к Рыбакову в отряд и храбро сражался с оружием в руках. (После освобождения Себежского района он вновь возглавлял колхоз.)

Выработанная Рыбаковым и Кривоносовым тактика надежно обеспечивала успех. Партизан Мартын Валлас рассказывал об одной диверсии:

— Утром пришел Леонтий Деменков и сказал, что Григорьич приказал явиться в полном вооружении к байдаковскому сараю. Я пришел в назначенное место. Здесь уже был и Григорьич — Василий Филиппович Рыбаков — и с ним более десятка вооруженных людей. Среди них я увидел Федора Миронова, Александра Лаврешина, Максима Кононова и Николая Боровско-

го. Вскоре пришло еще несколько ребят. У всех винтовки, гранаты. Рыбаков был неузнаваем: стройный, гладко выбритый, в добротном полушубке. На боку колющая маузером, на ремне несколько лимонок. Голову украшала командирская ушанка с красной звездой. Он повел нас к деревне Колошино, где находилась волостная управа. Охраняли управу пятеро полицейских. Старшина волости тоже имел оружие. В деревню вошли незаметно. Окружили дом старшины. Лаврешин с двумя бойцами взшел на крыльцо и постучал в дверь.

— Кто там?

— Свои, открывайте!

Вошли в дом, зажгли лампу.

— Где хозяин? — спросил Лаврешин.

— В Опочке, — пугливо ответила хозяйка дома.

— Неправда, дома он.

Перепуганного старшину вытащили из-под кровати.

— А теперь, — сказал Рыбаков, обращаясь к жене старшины, — от имени своего мужа оповести всех полицейских, чтобы явились сюда в полном вооружении. Только без шуток!

Жена все поняла и добросовестно выполнила приказание Рыбакова. Вскоре пятеро полицейских поодиночке явились к старшине. Приходили, ставили в угол винтовки и выкладывали патроны. Некоторые с надеждой, другие с ужасом смотрели на партизан.

Помещение волостной управы заполнили жители деревни. Командир отряда выступил перед ними с краткой речью. На глазах людей все бумаги волостной управы были сожжены в печке. Отсюда крестьяне направлялись к маслосырзаводу. Все, что там находилось: масло, сметана, соль, — было роздано населению.

...Много дерзких операций совершили партизаны на территории Себежского и Опочецкого районов. Они жгли мосты и ставили мины на дорогах, громили волостные управы, уничтожали сенопункты.

Осенью 1942 года был объявлен общий сбор отряда. Партизаны вместе собрались впервые. Рыбаков и Кривонос встречали своих товарищей радостными улыбками, здоровались с каждым за руку.

Построив отряд, Кривонос сказал:

— Товарищи, с Большой земли в наш район прибыла партизанская бригада во главе с Марго, Мы сей-

час тронемся в путь, чтобы влиться в один из ее отрядов. По деревням будем идти строем.

Партизанский отряд, впереди которого шагал затянутый ремнями Василий Филиппович Рыбаков, проследовал по многим деревням Себежского района. Население с восхищением встречало партизан.

В деревню Жуки на конях, с двумя разведчиками, приехал Кривонос. Он зашел в дом к Ефиму Яковлевичу Макаренко и весело произнес:

— Здорово, дед. Выходи на улицу принимать парад нашего партизанского войска!

— Это я могу! Вот только надену свою фуражку. Хоть она и не с этой войны, но все равно в ней я бил германца.

В деревню походной колонной входили партизаны. Все вышли из домов. Партизаны подтянулись, поправили оружие. Дед Ефим, выйдя с Кривоносовым к дороге, словно командующий, принимая парад войск, приложил руку к фуражке:

— Вот это орлы! Смотри, какой молодчина идет впереди. Елки зеленые! Да это же наш Григорьич! Настоящий богатырь!

...Кривонос за время пребывания в тылу врага сильно подорвал свое здоровье. Калининский обком партии в октябре 1942 года отозвал его в советский тыл. На заседании бюро обкома партии он сделал отчет о подпольной работе в Себежском, Опочецком и Идрицком районах, временно оккупированных гитлеровцами. Его деятельность получила высокую оценку. Федосей Алексеевич Кривонос был награжден орденом Красного Знамени.

Партизанский отряд Рыбакова вырос до трехсот человек и продолжал действовать в Братском партизанском крае, на стыке трех республик, до 18 июля 1944 года. В этот день партизаны Четвертой бригады Бойдина, в которую входил отряд, соединились с частями Красной Армии.

Василий Филиппович Рыбаков, выполняя задание обкома партии, находился в тылу врага почти три года. Родина отметила его заслуги орденами Красного Знамени, Красной Звезды и семью медалями.

В. Заболотнов,
в 1942 г. разведчик
Третьей Калининской партизанской бригады

ГЕРМАНОВЦЫ

В сентябре 1941 года штабом Северо-Западного фронта в городе Осташкове из солдат и офицеров Красной Армии и добровольцев из населения Калининской области была сформирована Вторая особая партизанская бригада. Командиром бригады был назначен участник гражданской войны майор Алексей Михайлович Литвиненко, комиссаром — старший политрук Владимир Ильич Терехов, начальником штаба — капитан Александр Павлович Белаш, начальником разведки — старший лейтенант Александр Викторович Герман.

В конце октября Вторая особая вышла в тыл противника в районе Пено — Торопец — Холм и развернула боевые действия. В начале ноября в бригаду влился в полном составе партизанский отряд имени Чкалова (около 100 человек), который шел от Невеля к линии фронта. Отряд имени Чкалова состоял из младших командиров и рядового состава Красной Армии, оказавшихся в тылу противника. За счет этого отряда бригада пополнилась кадрами командиров, уже имеющих некоторый опыт партизанской борьбы.

До половины января 1942 года Вторая особая действовала в Пеновском, Ленинском, Торопецком, Сережинском и Холмском районах Калининской области, установив связь с местными партизанскими отрядами. Бригада организовывала засады и диверсии на шоссе Холм — Осташков, Холм — Торопец, на железной дороге Великие Луки — Бологое. Были разгромлены немецкие гарнизоны в ряде населенных пунктов, в городе Андреаполе группа партизан под командованием Ганева взорвала склад с боеприпасами. Непрерывно велась разведка для нужд фронта.

В январе 1942 года, когда части Красной Армии освободили город Калинин и часть территории

Калининской области, Вторая особая ушла на запад, совершив рейд в глубокий тыл противника по территории Великолукского, Новосокольнического, Пустошкинского, Опочецкого, Красногородского, Себежского и Идрицкого районов. По пути рейда бригада громила немецкие гарнизоны, волостные управы, проводила диверсии на железных дорогах Новосокольники—Себеж, Новосокольники—Дно. Были совершены налеты на железнодорожные станции Насва, Выдумка, Маево. Штаб фронта ежедневно получал из бригады ценные разведанные.

У бригады не было постоянной базы, она все время находилась в движении. Комбриг Литвиненко был хорошо подготовленным, грамотным командиром, имел большой боевой опыт со времен гражданской войны. Исключительная выдержка и хладнокровие в самые сложные моменты — характерные черты майора Литвиненко.

Весной 1942 года бригада по приказу штаба Северо-Западного фронта вышла в советский тыл, перейдя линию фронта в районе станции Насва. В советском тылу бригада была передана Ленинградскому штабу партизанского движения и отведена под город Осташков. Здесь она была преобразована в Третью Ленинградскую партизанскую бригаду, пополнена людьми, вооружением и боеприпасами.

Комбриг Литвиненко, комиссар Терехов, начальник штаба Белаш и некоторые другие командиры были отозваны в распоряжение штаба фронта. Командиром бригады назначили Германа, комиссаром — старшего политука Андрея Ивановича Исаева. Начальником штаба бригады был назначен сначала лейтенант Ганев, а несколько позднее — капитан Иван Васильевич Крылов.

В составе бригады были сформированы три отряда, командирами которых стали Тарасюк, Пахомов и Ганев, комиссарами — Леонов, Костарев и Сергунин. Начальником разведки стал Худяков. Перед выходом в тыл противника в бригаде насчитывалось более 500 человек.

Герман тщательно готовил бригаду к выходу в тыл противника. Все время, проведенное бригадой под Осташковом, было заполнено боевой и политической подготовкой личного состава. Приказом Ленинградского штаба партизанского движения Третьей бригаде был

определен район действий — под городом Порховом. В самом начале августа 1942 года бригада с боем перешла линию фронта севернее города Холм и вышла на территорию Партизанского края. После перехода линии фронта предполагался небольшой отдых перед новым рейдом. Но как раз в это время против Партизанского края были брошены крупные силы немецко-фашистских войск. Развернулись ожесточенные бои Второй партизанской бригады с превосходящими силами противника.

Наша бригада получила указание штаба партизанского движения встать на оборону Партизанского края. В районе деревень Папоротно, Вязовка, Чертово отряды заняли оборону по берегу реки Полюсть и сразу же включились в бои с карателями. В боевых действиях по обороне края наша бригада подчинялась командованию Второй бригады. Линия обороны края была разбита на секторы, один из которых и возглавил Герман. В обороне этого сектора, кроме Третьей бригады, принимал участие полк Второй бригады под командованием Л. В. Цинченко.

Бои по обороне Партизанского края носили ожесточенный характер. Партизаны проявляли мужество и отвагу, упорно защищали край, наносили противнику большой урон. В сводке начальника оперативной группы по руководству партизанским движением при Военном совете Северо-Западного фронта полкового комиссара Асмолова от 24 августа 1942 года об этих боях записано: «Отрядами 3-й бригады под командованием Германа в боях против карательной экспедиции за период с 9-го по 12-е августа убито 570 и ранено 190 фашистов, подбито 5 танков, 2 автомашины, уничтожено 11 пулеметных точек, 12 повозок с боеприпасами и продовольствием».

Несмотря на отвагу и стойкость партизан, каратели теснили бригаду, и ей пришлось отступать.

На каждом новом рубеже бригада вела напряженные бои, одновременно устраивала в тылу противника засады, минируя дороги, совершая налеты на гарнизоны. Об одной из таких боевых операций в отчете командования Второй бригады, подписанном Васильевым и Орловым, говорилось: «22 августа 1942 года силами 3-й партизанской бригады и 2-го партизанского полка совершен налет на гарнизон противника в населенном

пункте Вязовка. В результате уничтожено 2 офицера, 8 солдат, 2 бронемшины, 2 мотоцикла, две 75-мм пушки, 1 станковый пулемет, 2 рации, большое количество боеприпасов».

Уже в боях по обороне Партизанского края Герман проявил себя незаурядным командиром, авторитет комбрига среди партизан рос с каждым днем.

В конце августа по указанию штаба партизанского движения основные силы Третьей бригады под командованием Германа ушли из Партизанского края в назначенный район, под Порхов. Другая часть бригады под командованием начальника разведки Худякова осталась в крае. Она соединилась с основными силами северо-западнее Порхова во второй половине сентября.

Бригада Германа остановилась в лесу на берегу ручья Межник в Новосельском районе между дорогами Псков—Луга, Псков—Порхов и попала в крайне сложную обстановку. Поскольку еще не были установлены связи с населением, сложились очень трудные условия с питанием партизан, не был налажен систематический прием самолетов.

В конце сентября на лагерь напали фашисты. После ожесточенного боя бригада вынуждена была отойти и остановиться в лесах среди болот западнее курорта Хилово. Это место мы прозвали островом «Голодай». Обложенные немецкими и полицейскими отрядами, партизаны голодали, и бригада не могла развернуть активных боевых действий.

Герман решил выводить бригаду в южную часть Порховского района. Но и после выхода положение оставалось сложным. Отсутствие крупных лесных массивов, густота населенных пунктов и множество вражеских гарнизонов в этих местах не позволяли бригаде обосноваться в постоянном лагере. Сама обстановка требовала применения новой тактики партизанской борьбы, иной организации жизни и действий партизанской бригады. Она стала маневрировать в своей зоне, совершая ночью марши по 20—25 километров, останавливалась днем на отдых в деревнях, одновременно совершая боевые операции. Каждый день в штабе бригады на основе данных разведки разрабатывался новый, очередной маршрут. Повседневный наш маневр не давал противнику возможности организовать против бригады действенные контрмеры.

За счет местного населения отряды стали быстро расти. В октябре 1942 года в бригаде Германа насчитывалось около 200 человек, а к маю 1943 года — уже более 2000 партизан.

Бригада непрерывно росла, несмотря на потери в боях и на то, что в 1943 году от нее был отделен целый полк, на базе которого сформировалась Десятая партизанская бригада.

Первые боевые действия бригады начались с разгрома мелких немецко-полицейских гарнизонов и волостных управ. В октябре 1942 года был разгромлен гарнизон в деревне Ясно Порховского района. В момент налета в Ясно проводилось какое-то совещание с полицейскими, собранными со всей округи. Разгромом большой группы полицейских был нанесен ощутимый удар по немецкой машине управления в Порховском районе. Страхась партизанской мести, многие мелкие гарнизоны, полицейские группы, волостные управы, не ожидая наших налетов, перебрались в крупные населенные пункты — в Славковичи, Пожеревицы, Порхов.

В начале сентября 1942 года после напряженных боев с карателями некоторые отряды ушли из Партизанского края в северную часть Псковщины, но попали там в очень сложные условия и вынуждены были передвигаться на юг, в Порховский район. Они вливались в бригаду Германа. Так вошли в состав бригады отряд Седова, молодежный отряд Эйрен-Прайса, группа партизан под командованием Ершова, группа подрывников под командованием Ситдикова. Несколько позднее в бригаду с группой партизан пришел Карицкий.

Выйдя в Порховский район, Герман продолжал искать наиболее совершенные методы ведения боевых действий. Чтобы быстрее охватить своим влиянием наибольшую территорию и полнее изучить обстановку, он рассредоточил силы бригады в разных направлениях.

Группа партизан под командованием Ганева и комиссара Сергунина была направлена к Новоржеву, отряд под командованием Синяшкина — в Славковский район. Штаб бригады с отрядом Седова направился в Сошихинский район.

Но скоро обнаружилось, что рассредоточение партизанских сил нецелесообразно. Сравнительно небольшие по своей численности отряды не могли противостоять

кадровым частям противника. В Ругодевских лесах в схватке с немцами и полицейскими погиб лейтенант Ганев. Штаб бригады в деревне Памжино Сошпихинского района попал в очень тяжелое положение. Он был зажат с двух сторон сильными отрядами противника, вооруженными артиллерией и легкими танками. Бой был очень напряженным, и только находчивость Германа спасла тогда штаб и находившийся при нем отряд Седова от больших потерь. Герман незаметно для противника снял партизан и увел их ложиной в лес километра за два от деревни. А группировки противника, не заметив ухода партизан, столкнулись и в течение нескольких часов вели между собой ожесточенную перестрелку, которая принесла им потери.

Увидев нецелесообразность рассредоточения сил, Герман снова собрал отряды под единое командование, и бригада продолжала маневрировать в полном составе.

Немного забегая вперед, нужно сказать, что, когда силы бригады выросли и были созданы полки, Герман снова вернулся к идее рассредоточения сил. Начиная с весны 1943 года полки часто действовали самостоятельно, поддерживая постоянную связь со штабом бригады с помощью рации и связных. При усложнении обстановки бригада действовала в полном составе.

Одной из основных задач бригады Герман считал нанесение ударов по железным дорогам Псков—Дно и Дно—Сушево, нарушение движения по шоссейным дорогам. В бригаде были созданы диверсионные группы, которые развешивали свои действия на этих дорогах. Росло число пущенных под откос вражеских эшелонов. Особенно отличилась в это время диверсионная группа комсомольца Сергея Загребина, которая пустила под откос за 1942—1943 годы девять вражеских эшелонов, за что Загребин был награжден орденом Ленина.

Штаб бригады разработал план массированного удара по железной дороге Псков — Дно. По этому плану 8 февраля 1943 года бригада одновременно совершила налеты на станцию Подсевы и разъезд Уза. На станции и разъезде были взорваны станционные устройства, взорван мост через Узу.

Эти действия партизан не могли не вызвать острой реакции противника. Началась карательная экспедиция. Уже 13 февраля отряд карателей пытался напасть

на деревню Ровняк Порховского района, где в это время располагался штаб бригады с отрядами. На подступах к деревне каратели были встречены плотным огнем и дерзкой партизанской атакой обращены в бегство.

Сильная карательная экспедиция против партизан была организована фашистами и в середине марта 1943 года. 15 марта с утра крупные силы карателей повели наступление на Ровняк и соседние деревни, где располагалась Третья бригада. С семи часов утра до вечера шел напряженный бой.

Отряд Бурьянова четыре часа вел бой с превосходящими силами противника и отошел на новые рубежи лишь по приказу командира бригады. У деревни Луковищи на отряд Малюты наступало до двухсот солдат. Подпустив их на близкое расстояние, партизаны открыли ураганный огонь, сдерживали противника в течение всего дня.

Ночью бригада ушла на юг, в район озера Сево.

20 марта наша бригада вела бой с карателями у деревни Навережье. К этому времени мы оказались в тесном соприкосновении со Второй и Пятой бригадами. К вечеру того же дня командование трех бригад собралось вместе и совместно разработало план завершения боя с карателями. Ночью общей колонной, растянувшейся на несколько километров, выставляя в сторону гарнизонов сильные заслоны, Третья, Вторая и Пятая бригады ушли на юг, в Ашевский район (Вторая и Пятая бригады через некоторое время направились в свои районы — на север Псковщины).

По донесению командования бригады, в ходе мартовских боев было убито и ранено до полутора тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подбито шесть танков. Несмотря на сложные условия боев с карателями, продолжались действия диверсионных групп, которыми в марте было пущено под откос три эшелона, сожжено на шоссейных дорогах четыре моста, уничтожено четыре склада.

В борьбе с карателями Герман широко применял тактику гибкого маневра. Он вовремя выводил полки из боя, на пути карателей устраивал засады, проводил внезапные ночные налеты на места сосредоточения противника. Были совершены налеты на гарнизоны в деревнях Самсоново, Ключиха, Махновка, Скуратово, Красное Менкино. В результате бригада вышла из боев

с карательной экспедицией с минимальными потерями. Она потеряла 37 человек убитыми, 59 — ранеными, 14 — пропавшими без вести.

Пытаясь сковать свободу действий партизан и не дать им выхода на север, к железной дороге Псков—Дно, противник после мартовских боев усилил гарнизоны в южной части Славковского и северной части Сошихинского районов. Когда наша бригада стала снова передвигаться на север, она наткнулась на новые гарнизоны в деревнях Скуратово, Тинен, Сорокино. Они действительно сковывали действия бригады и крайне затрудняли продвижение к Порхову.

Герман принял решение ликвидировать эти гарнизоны.

15 апреля прямо с марша были произведены налеты на гарнизоны в деревнях Скуратово и Тинси. Оба гарнизона были уничтожены.

Бригада численно росла за счет местного населения и военнослужащих, бежавших из фашистского плена. Летом 1943 года был сформирован 4-й полк (командир — Ефимов, комиссар — Ступаков). К тому времени бригада насчитывала уже более 3000 человек и по своей численности и по вооружению представляла грозную силу.

Лето 1943 года бригада, маневрируя на территории Порховского, Славковского, Сошихинского, Пушкиногорского и Новоржевского районов, провела в непрерывных боях с немецко-фашистскими отрядами, одновременно организуя активные действия диверсионных групп на железных дорогах Псков—Дно, Дно—Сушцево, на шоссейных дорогах, устраивая засады, ведя разведку и обеспечивая штаб фронта ценнейшими данными о противнике.

В донесении от 12 июня 1943 года командование бригады сообщало, что в результате боевых действий за май уничтожено 1600 гитлеровцев, пущено под откос семь эшелонов, взорвано двенадцать шоссейных мостов, подорвано двенадцать автомашин. В донесении в Центральный штаб партизанского движения начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин сообщал: «Полки и отряды 3-й бригады провели в мае — 23 и в июне — 44 боя».

В ходе этих боев погибли командир 1-го полка Ситиков, командир 2-го полка Пахомов, командир моло-

дежного отряда Загороднюк, комиссар отряда Григорьев. Не выдержав физической нагрузки, умер от сердечного приступа командир разведки Пенкин. Вышли из строя по ранению комиссар 2-го полка Седов, командир штабного отряда Бурьянов...

В июне, когда из-за очень коротких ночей прекратились полеты самолетов и мы длительное время не получали боеприпасов и не могли отправить в советский тыл раненых, бригада попала в очень сложное положение. Крупные силы карателей оттеснили бригаду на юг, к берегам Сороти. Партизаны выпущены были тогда выйти южнее Новоржева, к Опочке. Но это был только маневр. Через несколько дней бригада в районе Пушкинских Гор снова перешла на северный берег Сороти и вернулась в свой район.

Через разведку и особый отдел бригады установились прочные связи с подпольными организациями ряда городов и районных центров. Тесная связь с Новоржевом, Пушкинскими Горами, Славковичами, Островом, Порховом, где бригада имела своих людей, позволяла нам получать ценные сведения о противнике, о готовящихся карательных экспедициях. Большую работу провели разведчики в период строительства укрепленной линии фашистов «Пантера», проходящей в районе действий бригады. Данные об этой линии сообщались в штаб фронта. Разведанные о линии «Пантера», полученные от бригады Германа и от других партизанских соединений, были использованы при подготовке наступления частей Советской Армии на территории Псковщины.

В августе 1943 года был получен приказ об активизации «рельсовой войны».

Очень тщательно шла подготовка к первому массированному удару по железнодорожным магистралям. Накапливалась взрывчатка, шло массовое обучение партизан подрывному делу, велась разведка подходов к железным дорогам.

В 20-х числах августа бригада произвела свой первый массированный налет на участки железных дорог Псков—Порхов (силами трех полков) и Дно—Сушево (силами полка).

По детально разработанному плану полки и отряды одновременно вышли на свои участки — немецкие гарнизоны на железнодорожных станциях были

блокированы специально выделенными для этой цели боевыми группами.

На захваченных участках железной дороги партизаны рвали рельсы, мосты, линии связи. Вся операция длилась примерно двадцать минут. Можно представить себе, что творилось в это время на железной дороге! На участке от станции Кебь до города Порхова все грохотало и полыхало. За эти двадцать минут взорвано более трех тысяч рельсов, уничтожена связь на десятки километров, взорвано несколько мостов, в том числе мост через реку Кебь. Железная дорога надолго была выведена из строя.

Бригада без потерь отошла на пункт сбора.

В дальнейшем такие массированные налеты на железные дороги, или, как они назывались у партизан, — «концерты», проводились систематически. Проводились и силами всей бригады, и силами отдельных полков.

На других участках железнодорожных магистралей такие же крупные налеты устраивали другие партизанские соединения. «Рельсовая война» — это очень большой вклад советских партизан в общее дело разгрома немецко-фашистских армий.

В ответ на первый «концерт» фашисты организовали против Третьей партизанской бригады и 1-го особого полка, который действовал рядом с бригадой Германа, крупную карательную экспедицию. Начались тяжелые бои. Бригада и особый полк маневрировали по территории Славковского, Сошихинского, Пушкиногорского и Новоржевского районов. Против партизан были брошены отряды карателей из Порхова, Острова, Опочки, Новоржева, Сущева.

В начале сентября наша бригада остановилась в северной части Новоржевского района, заняв деревни Шариха, Пакли, Станки. Надо было принять самолеты, получить боеприпасы и отправить в советский тыл раненых. Из-за этого бригада задержалась на одном месте на несколько суток. Это дало возможность карателям обложить район расположения бригады плотным кольцом.

В ночь на 6 сентября бригада пошла на прорыв. В тяжелом ночном бою у деревни Житница Новоржевского района Герман сам повел штабной отряд и 2-й полк в атаку и в этом бою героически погиб. Потеря Германа была для бригады тяжелой утратой.

Партизаны не стали хоронить своего комбрига в тылу противника. Его останки были отправлены самолетом в советский тыл (Герман похоронен в городе Валдае).

После гибели Германа Третьей Ленинградской партизанской бригаде было присвоено его имя. Командиром был назначен Иван Васильевич Крылов, начальником штаба бригады стал Г. А. Ярославцев, который до этого командовал полком.

После житницкого боя бригада продолжала горячие схватки с карателями, маневрируя по территории Псковщины.

О напряженной обстановке того времени говорят итоги боевой деятельности бригады за сентябрь 1943 года. За месяц бригадой имени Германа было истреблено свыше 2000 гитлеровцев, пущено под откос 5 эшелонов противника, уничтожено более 20 автомашин, сожжено и взорвано 19 мостов на шоссе, подбит один самолет.

Бригада заняла многие деревни Славковского и Новоржевского районов. Рядом с бригадой имени Германа встали Первая бригада (командир — Степанов, комиссар — Захаров) и Восьмая бригада (командир — Цинченко, комиссар — Павлов). В этих деревнях были созданы органы управления («тройки», уполномоченные). Под охрану партизан стягивалось население из-под Порхова и других мест. Для детей были открыты партизанские школы. До прихода частей Советской Армии эти деревни были сохранены и защищены от гитлеровцев.

Полки и отряды бригады продолжали боевые операции. Так, в декабре был спущен под откос 61 эшелон, уничтожено 29 автомашин, 26 мостов. В открытых боях и из засад уничтожено свыше 700 гитлеровцев.

Заключительные бои бригада имени Германа провела на шоссе Псков—Луга и Псков—Сольцы в период наступления частей Советской Армии Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов.

По приказу Ленинградского штаба партизанского движения бригада в конце января 1944 года вышла на север, в район деревни Талицы Карамышевского района, и оттуда нанесла удар по шоссе Псков—Луга. Бригада оседлала шоссе на участке Цапелъка—Маяково и держала его двое суток. В это же время другие партизанские соединения наносили удары на соседних

участках шоссейных и железных дорог, ведущих к Луге. Боевые действия партизан имели большое значение для успешного развития наступления Советской Армии на Псков.

После боев на Ленинградском шоссе бригада имени Германа оседлала шоссе Псков—Сольцы на территории Карамышевского района. Отступающие части фашистской армии пытались прорваться на Ленинградское шоссе. Но партизаны перерезали пути отступления. Захваченный участок шоссе бригада удерживала до подхода Советской Армии.

После расформирования бригады большинство ее партизан влились в Советскую Армию и продолжали воевать на фронтах Великой Отечественной войны. Часть партизан командного и политического состава была направлена в освобожденные районы Псковщины на партийную, советскую и хозяйственную работу, на восстановление разрушенного хозяйства.

М. Воскресенский,
*в 1942—1943 гг. начальник политотдела
Третьей Ленинградской партизанской бригады*

НАПЕРЕКОР ВРАГУ

Наш комсомольско-молодежный отряд был сформирован в городке Кувшинове Калининской области в основном из бывших учеников одной школы и даже одного класса. Поэтому и отряд называли «Земляки».

В конце ноября 1941 года мы перешли фронт у Осташкова и проникли на лыжах в глубокий тыл противника — в район Пустошки и Идрицы.

Боевого опыта у нас тогда еще не было. Опыт давался дорогой ценой. В пути — близ Великих Лук — пришлось столкнуться с карательным отрядом. В бою мы потеряли шестерых своих товарищей.

С какой радостью встретили мы партизанскую бригаду, которой командовал майор Л. М. Литвиненко! Эта бригада первой на Калининском фронте совершила рейд в глубокий тыл противника. Хорошо запомнились мужественные люди этой бригады: комиссар Терехов, командиры и политработники Белаш, Герман, Мигров, Воскресенский, Кумриди и многие другие. Мы ходили с бригадой на разгром вражеских гарнизонов, ликвидацию волостных управ и полицейских участков. Комбриг Литвиненко и его боевые товарищи преподнесли нам уроки партизанской борьбы с врагом.

В начале 1942 года бойцы нашего отряда пустили под откос вражескую бронедрезину и вагон с офицерами. Тогда же на шоссе Пустошка—Опочка нами был взорван мост через реку Великую. В диверсиях отличались Николай Горячев, Павел Поповцев, Изот Удалов, Василий Ворыхалов, Владимир Баранов.

Партизанское движение принимало все более широкий размах. Фашистское командование вынуждено было снимать с фронта регулярные части, чтобы обеспечить охрану железных дорог, мостов и других объектов.

Партизаны не только сковывали значительные силы неприятеля, но и наносили врагу ощутимый урон: громили гарнизоны, подрывали поезда, уничтожали авто-

машины и живую силу противника. Они распространяли листовки, которые несли людям правду о положении на фронтах.

...Наша разведка доложила, что в селе Прокопово остановилась вражеская войсковая часть. Гитлеровцы прибыли с фронта на отдых. Рассказывали, что они ведут себя самонадеянно. Сообщение разведчиков подтвердили две девушки, пришедшие к нам из этой деревни.

— Я знаю, где у них штаб,— сказала одна из них.

Мы изучили по карте подходы к гарнизону, наметили план нападения. Силы были неравные. Но на нашей стороне ночь и внезапность нападения.

Перед рассветом мы приблизились к селу. Виктор Дудников, Николай Горячев и Василий Ворыхалов бесшумно сняли часовых. Каждый партизан подходил к «своему» дому. Гранаты и оружие наготове.

Замысел наш прост. Мы нападаем на штаб и громим одну половину гарнизона, затем быстро отходим. Другая часть гарнизона, поняв, что в село пришли партизаны, примет своих за партизан в темноте и таким образом завершит начатое нами дело.

Мы с Дмитрием Вереничем, Павлом Поповцевым и Тасей — нашей проводницей — идем вместе. Вот и нужная улица. Она пуста и молчалива.

— Штаб в этом доме,— указала Тася.

Останавливаемся у слабо освещенного окна. Сквозь неплотно занавешенное стекло заглядываем внутрь: видим, висят офицерские френчи, шинели, бинокли, оружие. На полу спят шестеро гитлеровцев. Седьмой перебирает белье на кровати.

— Господин офицер клопов гоняет,— шепчет Павел.

В это время из-за угла дома вышел высокий немец в каске, с винтовкой в руках.

Веренич дал короткую очередь из автомата. Гитлеровец, выронив винтовку, упал. В окно штаба полетела граната. Раздался оглушительный взрыв. Это и послужило сигналом к бою. Взрывы партизанских гранат загрохотали по селу.

Расправившись со штабом, мы двинулись по улице. Встретились Василий Беценко и Толя Нефедов.

— Как дела? — спрашиваем их.

— Гарно зробыли. Хлопцы вже тикають, як условлено,— сказал Василий Беценко.

Все громче слышались крики вражеских солдат, усиливалась стрельба. Мы были уже далеко, когда в гарнизоне разгорелся настоящий бой. Как мы и предполагали, гитлеровцы усердно колотили друг друга...

Поздней осенью сорок третьего года на рубеже Невель—Великие Луки советские войска вели упорные бои. Гитлеровцы стремились подбросить туда свежие резервы. Наша бригада под командованием А. В. Назарова стояла тогда недалеко от Себежа. Мы получили приказ нарушить движение вражеских поездов.

Мы понимали важность задачи и основательно готовились к его выполнению. Раньше для подрыва эшелонов нам приходилось пользоваться магнитными, химическими, электрическими и другими минами. Установка таких мин в зимнее время была сопряжена с большими трудностями. Чтобы заложить фугас в мерзлый грунт, а затем замаскировать его от глаз патруля, требовалось много времени. Охрана же могла появиться в любую минуту.

На этот раз мы решили использовать более надежный, хотя и довольно рискованный способ, названный нами «ловлей поездов на удочку». Деревенский пастух свил нам тонкую, но прочную бечевку длиной метров пятьдесят. Во время приближения поезда один из подрывников тянул бечевку к линии, клал к рельсу взрывчатку, привязывал конец веревки к чеке взрывателя и отходил прочь. Подрывник ждал, когда пройдут платформы с балластом, а затем дергал веревку, и взрыв происходил под паровозом.

На задание двинулись небольшой группой. Вместе со мной пошли Виктор Соколов, Павел Поповцев, Петр Бычков, Эдуард Талин, Дмитрий Кантовский и Василий Беценко. У нас были автоматы и ручной пулемет.

Уже выпал снежок, и мы надели белые маскировочные халаты. Идти предстояло 25 километров. Минув деревни, мы достигли железной дороги в три часа ночи. Расположившись в густом заснеженном кустарнике, стали ждать утра. Днем необходимо было осмотреться и выбрать место для диверсии.

В этом районе железнодорожный путь охранялся сильно. Гитлеровцы вырубили лес на сто метров по обе стороны полотна, устроили завалы и всевозможные ловушки. Подходы заминировали. В определенных местах были сооружены дзоты и пулеметные гнезда.

Каждый километр пути патрулировался, кое-где имелись даже служебные собаки-овчарки. В дневное время к насыпи подойти было невозможно, да и ночью дорога беспрестанно освещалась ракетами, а все места, откуда, по мнению гитлеровцев, могли подойти партизаны, обстреливались.

Когда рассвело, мы увидели перед собой казарму, а возле нее солдат. Это была железнодорожная охрана.

— Ого,— сказал кто-то из ребят. — Вышли прямо к волчьему логову!

Днем мы с Соколовым поползли по кустарнику вдоль линии. Хотелось выбрать такое место, где бы поезд шел под уклон. Известно: чем больше скорость, тем эффективнее результаты крушения.

Днем мимо нас прошло несколько эшелонов. Мы заметили, что наибольшую скорость поезда набирали при выходе из выемки в непосредственной близости от казармы. Если взорвать поезд здесь, то разбитые вагоны загромождают выемку и движение прервется надолго.

Но вот казарма...

Слишком близко она была от того места, где надо закладывать взрывчатку.

Мы долго советовались, прежде чем пришли к единому мнению: рвать путь все-таки здесь — рядом с казармой.

Время тянулось медленно. Нам было видно, как с наступлением сумерек дважды прошел патруль. Примерно через час со стороны Идрицы послышался шум паровоза. Мы не обратили на это внимания, потому что он шел с фронта, а нам нужен был поезд, который идет на фронт. Такой эшелон, скорее всего, повезет танки, орудия, машины и живую силу.

Ждать пришлось долго. Движение будто замерло. От напряжения даже начались галлюцинации: то нам слышался шум поезда, то мы «видели» огни локомотива... К тому же все крепко продрогли.

Гудок у немецких локомотивов был писклявый, довольно противный, но на этот раз мы ему даже обрадовались.

Бычков с пакетом взрывчатки перебежал к рельсам,

Соколов разматывал следом за ним веревку. Остальные заняли позиции для прикрытия подрывников.

Недалеко от нас высоко взвилась осветительная ракета, раздалась автоматные очереди. Это охрана на всякий случай отпугивала партизан.

Поезд между тем был уже рядом. Он мчался на всех парах.

И вот из выемки выскочили три платформы с балластом, за ними показался паровоз. Соколов дернул шнур. Округа наполнилась невообразимым грохотом, скрежетом и лязгом металла.

После того как грохот смолк, несколько секунд царил странная тишина. Выстрелов не было. Враги были ошеломлены случившимся. Зато когда они пришли в себя, над железной дорогой возникла настоящая иллюминация. Воздух прошивали цепочки трассирующих пуль, над линией повисли десятки разноцветных ракет. Но нас там уже не было... Впрочем, далеко отходить мы не собирались, так как у нас был еще один заряд тола и мы рассчитывали взорвать другой эшелон в случае, если фашисты скоро восстановят движение.

Поскольку гитлеровцы могли организовать погоню, мы до утра старательно запутывали свои следы. На рассвете вышли к одинокому хутору. Здесь жил знакомый нам старик. Он всегда помогал партизанам, и мы надеялись укрыться на день в его доме.

Хозяин встретил нас радушно.

Под вечер мы вновь готовились к походу. Помню, Василий Беценко заметил у хозяина за сундуком большой портрет Гитлера.

— Зачем хранишь, отец? — спросил с удивлением Беценко.

— Специально, сынки, держу его. Когда враги подходят к моему дому, я на стену вешаю этого бандюгу. Фашисты видят своего главаря и не грабят мой дом. Когда они уходят, я прячу Гитлера за сундук.

— Отец, отдай мне эту морду, — попросил Павел Поповцев.

— Бери, не жалко, — сказал старик.

Павел прибил картон с портретом Гитлера к палке. Затем он взял в печке уголь и крупно написал на портрете — «Фюрер доволен работой партизан».

— Этот плакат я водружу у железной дороги, пусть фашисты злятся, — пояснил Поповцев.

Часов в десять вечера мы вновь подошли к линии. Гитлеровцы еще не успели расчистить путь. Они работали в поте лица. А мы сидели в кустарнике и мысленно поругивали фашистов за медленные темпы.

Можно только представить бешенство фашистов, когда первый же вновь пущенный к фронту эшелон был взорван в этой же самой выемке! А как только рассвело — они увидели невдалеке от полотна портрет своего бесноватого фюрера с дерзкой надписью партизана!

В. Терещатов,
*в 1941—1942 гг. командир партизанского отряда
бригады имени Дениса Давыдова*

НА ГДОВЩИНЕ

Весь период оккупации — с 17 июля 1941 года и до 2 февраля 1944 года — партийная организация Гдовского района не прекращала своей деятельности. В подполье ушло бюро райкома партии в полном составе: секретари Т. Я. Печатников, М. М. Демин и М. С. Алексеев, председатель исполкома райсовета И. Н. Гаврилов, начальник районного отделения НКГБ В. А. Пашкин, секретарь райкома ВЛКСМ И. Н. Никитин, руководители большинства районных организаций.

Вспомним тревожные дни июля 1941 года.

9 июля пал Псков. 13 июля фашистские танки ворвались в поселок Середка. 118-я стрелковая дивизия Красной Армии, сдерживая напор врага, с боями отходила к Гдову по единственной дороге — через Сороковой бор.

Обстановка в Гдове становилась все более напряженной. С 4 июля началась эвакуация населения, предприятий и учреждений.

По указанию обкома партии представители районного партийно-советского актива были вооружены и сведены в истребительную роту, которая несла сторожевую службу в городе, на мостах, дорогах и была готова к отражению возможных воздушных десантов врага. Командиром истребительной роты райком назначил В. П. Сохина, комиссаром — заведующего военным отделом райкома И. И. Кошелева.

Командир 118-й дивизии генерал-майор Гловацкий информировал руководителей района о нависшей опасности. В действительности же угроза городу пришла не с южной, как ожидалось, а с юго-восточной стороны. По дорогам из Плюссы и Струг Красных, через Ляды и Чернево наносила отсекающий удар мотомеханизированная дивизия противника.

На помощь Гдову и на выручку 118-й дивизии пришли матросы Чудской флотилии и два полка ленинградских ополченцев; сюда же пришли истребительный отряд Середкинского района и сводный отряд красноармейцев. Эти смешанные команды и вышли 14 июля к поселку Чернево для отражения обходного маневра фашистских войск.

В Черневе, у реки Плюссы матросы озерной флотилии вместе с красноармейцами и ополченцами дерзким ударом остановили фашистов. Противник понес ощутимые потери. Наши части захватили пленных, уничтожили шесть танкеток врага. Гитлеровцы открыли яростный артиллерийский огонь. На реке Черме вместе с матросами в бой с захватчиками вступили партизаны. 15 июля фашисты, наведя переправу и страхуя себя плотным минометно-орудийным огнем по холмам и лесным опушкам, возобновили движение по шоссе. Потери защитников Гдова увеличились.

Особенно тяжело было на участке Середкинского истребительного отряда. Одним из первых у деревни Луг погиб секретарь Середкинского райкома партии Василий Иванович Рыбаков. Многие были ранены, в том числе секретари райкома Басклеев и Ульянин. Но бой продолжался, время было выиграно. 118-я дивизия ушла из подготовленного фашистами котла.

Участвовали в этих боях и гдовские коммунисты.

Утром 15 июля 68 человек — большая часть нашей истребительной роты — на трех автомашинах выехали в сторону Чернева. В деревне Мазиха, по обе стороны шоссе партизаны устроили засаду. Ждать пришлось недолго. Со стороны моста показались вражеские мотоциклисты. Когда они приблизились, мы открыли огонь. 4 мотоцикла опрокинулись, другие повернули обратно.

Не успели мы осознать происшедшего, как начался минометный обстрел. А нашим единственным «укрытием» была только изрядно помятая рожь. Пришлось быстро отходить к лесу. И у деревни Щепец остатки истребительной роты превратились в партизанский отряд. Командиром его стал Иван Илларионович Кошелев, а комиссаром — Михаил Федорович Ополченный, помощник районного прокурора. Секретарь райкома комсомола Иван Никитин возглавил разведку. Разведчики первыми открыли свой боевой счет. На дороге Чернево—Гдов они уничтожили все мосты. Комсомоль-

цы-разведчики добыли первое трофейное оружие — три ручных пулемета.

Цементирующей и организующей силой отряда были старые коммунисты Николай Владимирович Всеволодов, Иван Васильевич Власов, Павел Михайлович Михайлов, Александр Федорович Самойлов, Иван Сергеевич Михайлов и другие. Наша старая гвардия в боях и походах показывала образцы мужества, выносливости и отваги.

19 ноября 1941 года в деревне Луговец состоялось заседание, на котором было оформлено руководство Гдовской районной подпольной партийной организации. По всем «формальным» признакам это было бюро районного комитета партии, но, учитывая особенности работы в тылу врага, руководящий орган партийной организации назвали «районный подпольный центр». В него вошли товарищи Т. Я. Печатников, М. М. Демин, М. С. Алексеев, А. Ф. Кравчук, В. С. Зайцев, заведующий райзо К. Ф. Павлов и председатель колхоза «Застрельщик» Я. М. Кошев.

В это время в Гдове и районе уже действовали восемь подпольных партийных, партийно-комсомольских и комсомольских групп, Щепецкая колхозная боевая группа (командир — Е. А. Шкаликов, комиссар — С. М. Зайцев) численностью около двадцати человек, группы самообороны в деревнях Ужево (руководитель — П. Прокофьев) и Кежово (руководитель — И. Агапов). Общая численность партизан в двух отрядах и группах к ноябрю достигала 160 человек. Отряды были сосредоточены в лесах за рекой Плюссой, где возникла и долго сохранялась партизанская зона.

Отряд под командованием В. А. Пашкина (комиссар — Т. Я. Печатников), где находилось руководство подпольной организации, первое время располагался в северной части района и был как бы штабным.

Гитлеровцы объявили все хозяйства совхозов и колхозов своими военными трофеями. Появившиеся вслед за полевыми войсками комендантуры и интендантские команды начали организованный грабёж. Одной из задач партизан в первые недели оккупации было спасение хозяйств колхозов и совхозов от разграбления. Все, что не успели эвакуировать в советский тыл, — зерно, скот, инвентарь — райком рекомендовал распределять между колхозниками или уничтожать.

Хороший урок грабители получили в деревне Подборовье. Председатель колхоза Иванов утром сообщил в отряд, что гитлеровцы приехали на машинах и забивают колхозный скот. Банду грабителей возглавляет какой-то высокий интендантский чиновник.

Группа партизан, возглавляемая комиссаром Ополченным, укрылась в засаде на опушке леса. Гитлеровцы уложили коровьи туши в кузова автомашин и возвращались в Гдов. Впереди на легковой автомашине ехал чиновник. Как только колонна поравнялась с засадой, в машины полетели гранаты, застрочили партизанские пулеметы. Ни один фашистский мародер не ушел от расплат!

Партизанские отряды регулярно обстреливали из засад фашистские автомашины, уничтожали на шоссе-ных дорогах мосты, рвали провода телефонной и телеграфной связи. Для начала, казалось бы, и неплохо, но...

Обстановка была напряженной. Ежедневно эскадрильи самолетов пролетали к Ленинграду со смертоносным грузом. С севера круглосуточно доносился гул артиллерийской канонады. Под Лугой шли ожесточенные бои.

Мы понимали, что с нашей стороны требуются более активные действия.

Тревога возросла еще больше, когда в начале августа оккупанты организовали движение по железной дороге Псков — Веймарн.

Следует напомнить, что железная дорога от Пскова через Гдов строилась в годы первой мировой войны. Но тогда строительство дороги закончилось у деревни Поля в 40 километрах за Гдовом. Перед Отечественной войной ветка была продолжена до станции Веймарн и соединилась с дорогой на Ленинград.

Поскольку главную дорогу на Ленинград из Пскова через Лугу гитлеровцы срочно перешивали на свою узкую колею, они использовали железную дорогу Псков — Гдов — Сланцы — Веймарн, пустив по ней трофейный подвижной состав. Учитывали они, конечно, и то, что дорога удалена от фронта и менее уязвима для ударов советской авиации.

Нужно было во что бы то ни стало вывести эту дорогу из строя. Попытались устроить крушение поезда, вручную разобрать путь, Группа Павлова у станции

Добручи ночью вытащила костыли из-под рельсов. А утром на дороге показалась дрезина. Объездчики заметили повреждение. К огорчению, задуманная диверсия не удалась.

Надо было срочно добывать взрывчатку!

Помог случай. Как-то в деревне Большие Рожки партизаны завели разговор с мальчишками. Толковые и всезнающие ребята сообщили, что видели, как в лесу за деревней саперы разгружали какие-то железные корбки и желтые кирпичики, похожие на мыло.

— Не сочиняете?

— Честное пионерское!

— Покажите!

Взрывчатку, а ее оказалось около двух тонн, и более пятидесяти противотанковых мин мы перенесли в Вейнскую лесную дачу.

Дело оставалось за «малостью» — научиться ставить мины.

В эти дни в отряд Кошелева прибыл Т. Я. Печатников. Основные усилия партизан были направлены на диверсии на железной дороге. Товий Яковлевич заявил, что первую диверсию проведет в учебно-тренировочном порядке сам. И вот ночью 7 сентября на высокой насыпи полотна железной дороги у деревни Замогилье мину установили.

Дождавшись рассвета, партизаны наблюдали с опушки леса за местом, где поставлена мина. По полотну дороги прошли солдаты-обходчики. Мины не обнаружили. Затем шла дрезина с объездчиками. Партизан охватила тревога: вдруг мина сработает. Дрезина не подорвалась — не хватило тяжести.

И вот из-за поворота на большой скорости показался товарный состав...

Взрыв был настолько сильный, что паровоз подкинуло в воздух и перевернуло. Вагоны, наскакивая друг на друга и ломаясь, полетели под откос.

Так начались диверсии на железной дороге. Партизаны приобретали опыт. Применялись мины и нажимного, и натяжного действия. Под откос летели эшелоны с танками, пушками и боеприпасами.

За сентябрь 1941 года гдовские партизаны взорвали 14 эшелонов, полновские партизаны разбили 6 эшелонов, сланцевские — 3 эшелона. Это была ошутимая помощь защитникам Ленинграда,

В конце сентября движение поездов на железной дороге прекратилось. Всю зиму 1941/42 года дорога не работала, и только весной фашистам удалось возобновить движение по перешитой колее.

Гитлеровцы были взбешены результатами диверсий партизан на железной дороге. В середине октября в Заплюсье пришел карательный полк. Наши отряды были тогда сосредоточены у деревни Луговец. К гдовским отрядам присоединился Сланцевский партизанский отряд М. О. Иванова.

Несколько дней в лесу у деревень Луговец, Красное и Новоселье отряды вели упорные бои с карателями. Положение становилось все более трудным. В Гдовский район пришли крупные части охранных войск.

Гитлеровцам не удалось разгромить партизан, но мы лишились многих наших продовольственных баз, а главное — кончились боеприпасы.

Зима в 1941 году наступила рано, в середине октября. Одежда и обувь партизан изнашивались. С каждым днем в отрядах увеличивались потери, росло число раненых. Связи с Большой землей не было. Подпольный райком приказал отряду выходить через линию фронта. И этот трудный переход был совершен.

Руководители партийного подполья остались в районе. Всю зиму они находились в землянке на Ореховом острове. Товарищи вели разъяснительную работу в деревнях, увеличивали число сельских подпольных групп, вели подготовку к созданию новых отрядов.

Условия для деятельности подпольной организации были чрезвычайно тяжелыми. Еще в середине августа в бою на переправе через реку Плюссу у деревни Большой Щепец, прикрывая отход своих товарищей, погиб секретарь райкома комсомола Иван Никитин. Это была тяжелая потеря для подпольной организации. (В апреле 1942 года отважному гдовскому партизану посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.) В течение зимы подполье потеряло более сорока человек актива. В начале апреля 1942 года у деревни Завастье погибли товарищи Демин и Кошев.

В начале июня, когда в район вернулись Гаврилов, Кошелев, Ополченный, Рысев, Семенов, радист Гинзбург, был создан новый партизанский отряд. Командиром отряда стал Гаврилов. Печатников, оставаясь руководителем подпольной организации, являлся одновре-

менно комиссаром отряда. Начался новый период боевых действий гдовских партизан. В смелых операциях врагу наносился ощутимый урон. Но и наш отряд нес потери. При минировании железной дороги 2 августа погиб Товий Яковлевич Печатников. В пустоши Ловынь Лядского района вражеская пуля настигла Кошелева. Это были замечательные коммунисты, мужественные патриоты Родины.

Осенью 1942 года бюро Ленинградского обкома партии образовало 11 межрайонных подпольных партийных центров на оккупированной территории области. В Гдовский межрайонный подпольный партийный центр были назначены: И. Н. Гаврилов — руководитель, М. С. Алексеев — заместитель руководителя, В. П. Смирнов, М. Ф. Ополченный, К. Ф. Павлов, Ф. С. Феоктистов, А. С. Федотов, У. С. Семенова, М. О. Иванов, М. А. Ланев и радист Л. И. Сорокин.

В марте 1943 года члены подпольного центра благополучно высадились с самолета на льду озера Самро и обосновались близ деревни Малая Гоянщина Сланцевского района. Здесь партийный центр находился до сентября 1943 года. Гаврилов, Алексеев, Смирнов, Мохов работали в Гдовском районе, Феоктистов, Федотов, Ланев, Семенова — в Лядском, Иванов, Павлов — в Сланцевском районе. У подпольщиков была портативная типография. М. Ф. Ополченный организовал издание подпольной газеты «Гдовский колхозник». Всего было выпущено 14 номеров газеты.

В июне в Гдовский район пришел с группой подпольщиков руководитель Лужского межрайонного подпольного партийного центра И. Д. Дмитриев. У них вышла из строя рация. И. Д. Дмитриев связался с Ленинградским штабом партизанского движения по нашей радиостанции, и ему было разрешено до особого распоряжения оставаться в Гдовском районе. Наша типография стала выпускать и лужскую подпольную газету.

В конце августа 1943 года в зону деятельности межрайонного партийного центра пришел 3-й партизанский полк Второй Ленинградской партизанской бригады. Командовал полком Иван Герасимович Светлов. С приходом партизанского полка в жизни партийной организации кончился период подполья. Из всех четырех районов стали подходить добровольцы. Это был период,

когда подпольная организация воочию увидела результаты своей работы.

Скоро в полку И. Г. Светлова было около тысячи партизан.

16 октября 1943 года 3-й партизанский полк приказом Ленинградского штаба партизанского движения был преобразован в Девятую партизанскую бригаду. Командиром бригады стал И. Г. Светлов, комиссаром — И. Д. Дмитриев, начальником особого отдела — М. Ф. Ополченный. Бригада вела упорные бои с немецко-фашистскими захватчиками в Сланцевском районе у деревень Выскатка — Рожки — Рыжиково.

Была еще одна важная и необходимая перестройка органов районного руководства. В октябре 1943 года вместо межрайонного подпольного центра были созданы районные оргтрюйки. Гдовскую оргтрюйку возглавил И. Н. Гаврилов, Лядскую — М. С. Алексеев, Сланцевскую — М. О. Иванов.

Все говорило о приближении важных событий на фронте. Гитлеровцы метались и свирепели. Участились набеги карательных отрядов на села и деревни. Фашисты пытались угнать скот, а население выселить в Прибалтийские республики. Специальные команды факельщиков сжигали деревни, пытаясь превратить Гдовщину в мертвую зону. Против партизан гитлеровцы бросали танки и авиацию. Но Девятая партизанская бригада успешно отражала атаки гитлеровцев, не допускала фашистов в лесные лагеря, где укрывалось население.

14 января 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление и, сокрушив вражеское сопротивление, стремительно пошли на юг, очищая землю Ленинградской области.

Партизанские бригады и отряды оседлали железные и шоссейные дороги, помогая наступающей Советской Армии. 4 февраля 196-я стрелковая дивизия генерал-майора П. Ф. Ратова вступила в Гдов, занятый двумя днями ранее партизанами.

В. Павлов,
в 1941 г. политрук
Гдовского партизанского отряда

В БОЯХ И ПОХОДАХ

Политическим ядром и душой Четвертой Калининской бригады являлись коммунисты — командир Василий Лисовский, начальник штаба Иван Васьков, заместитель командира по разведке Василий Баранов, партизаны Николай Козулицин, Кристина Иванова и другие. В то время наша парторганизация насчитывала 18 человек.

-- Местом действия бригады был определен Себежский район.

Получив вооружение и боеприпасы, в конце ноября отряды по железной дороге были доставлены в город Торопец, а оттуда походными колоннами — в деревню Шевино, где в то время располагалась оперативная группа Калининского штаба партизанского движения. Получив дополнительно продовольствие и приняв радистов, бригада направилась к линии фронта.

Прибыв на границу Великолукского и Локнянского районов, где намечался переход в тыл врага, бригада стала готовиться к трудному и опасному походу.

3 декабря в расположение бригады прибыл латышский партизанский отряд в составе 70 человек. Командовал им Виллис Петрович Самсон. Отряд шел для продолжения партизанской борьбы в Латвии. Он должен был вместе с нашей бригадой пройти путь до Себежского района и впредь поддерживать с нею связь.

Ночью 5 декабря, преодолев в районе станции Насва железную дорогу Ленинград — Киев, бригада начала свой путь по тылам врага.

Перед рассветом остановились на дневку в деревне Поддубье Локнянского района. Решили продвигаться только ночью. Но как в зимних условиях незаметно провести по занятой врагом территории почти 300 человек? Фашисты, хотя и с опозданием, обнаружили наш

переход и организовали преследование. Во второй половине дня они бросили на Поддубье роту автоматчиков.

Бой был коротким. Оставив на окраине деревни 20 убитых, гитлеровцы в панике бежали. У нас в этом бою не было даже раненых.

Восемь суток продолжался наш поход по оккупированной территории Локнянского, Кудеверского, Пустошкинского и Опочецкого районов. В каждой деревне, где останавливалась бригада, политработники рассказывали населению о жизни в советском тылу, об окружении и начавшемся разгроме армии Паулюса в Сталинграде, о других событиях на фронтах.

Утром 13 декабря бригада пришла в деревню Адеревы, что в 30 километрах севернее Себежа, и установила связь с Себежским подпольным районным комитетом ВКП(б). К вечеру в Адеревы прибыли секретарь райкома Андрей Семенович Кулеш и командир местного партизанского отряда Владимир Иванович Марго. (На основе Себежского отряда вскоре была создана Пятая Калининская партизанская бригада.)

А между тем фашистское командование уже поручило гарнизонам Себежа, Идрицы и Опочки начать совместную операцию по уничтожению партизан.

Ночь с 13 на 14 декабря была особенно темной. После крепких морозов наступила оттепель, и снег почти растаял. Около одиннадцати часов колонна фашистов, двигавшаяся со стороны Опочки, ворвалась в Адеревы. Начался бой, продолжавшийся до восьми часов утра.

Наши разведчики, обнаружив стык между фашистскими командами, окружавшими Адеревы, в поднявшемся к утру тумане вывели бригаду к деревне Афслобода.

Дорого заплатили захватчики за попытку уничтожить бригаду. Более 200 солдат и офицеров потеряли они в ночном бою.

...Долгих 558 дней и ночей партизаны бригады воевали в тылу врага. Ежедневно на боевые задания уходили отряды и группы подрывников, разведчиков и «охотников». Политработники разносили по деревням переписанные от руки сводки Совинформбюро, а иногда — газеты и листовки, которые мы получали с Большой земли.

Созданная нами разведывательная сеть вела свою работу, добывая ценные сведения о противнике. Анна Семеновна Никитина, мать нашего партизана-разведчика Модеста Сенченко, держала постоянную связь с подпольной группой Себежа, которую возглавил Иван Квич.

Сибиряк Иван Лукин со своей группой подрывников пустил под откос 11 воинских эшелонов противника. 31 июля 1943 года миной замедленного действия, изготовленной Лукиным, в Себеже было взорвано здание школы вместе с находившимися там гитлеровцами.

С 25 февраля по 10 марта 1943 года в Братском партизанском крае, созданном на территории северной части Белоруссии, восточной части Латвии и южной части Себежского района, шли ожесточенные бои с карательной экспедицией гитлеровцев. Полмесяца Четвертая и Пятая Калининские бригады совместно с Освейской партизанской бригадой белорусов и латышской бригадой В. П. Самсона сдерживали натиск врага. Ни самолеты, ни артиллерия, ни тысячные отряды карателей не сломили партизан. Населенные районов трех братских республик, входящих в Братский партизанский край, продолжало жить по законам Советской власти.

За 19 месяцев непрерывных боев и походов партизаны Четвертой Калининской партизанской бригады уничтожили более 2500 фашистских солдат, офицеров и их приспешников — предателей Родины, пустили под откос свыше сорока эшелонов, взорвали около ста железнодорожных и шоссейных мостов.

В. Вакарин,
в 1942—1943 гг. комиссар
Четвертой Калининской партизанской бригады

ПОЛНОВСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Восьмого июля 1941 года я пришел по вызову в Полновский райком партии. В это время в районе уже действовал истребительный батальон, сформированный из партийно-советского и комсомольского актива. Первый секретарь райкома партии П. В. Пушков сказал:

— Фашисты не сегодня-завтра будут здесь. Не исключено, что останешься для работы на оккупированной территории. — И направил меня в распоряжение комиссара истребительного батальона, второго секретаря райкома партии В. А. Разыграева.

Спустя три дня мы получили указание: всем участникам подпольной группы идти в Гдов к первому секретарю райкома партии Т. Я. Печатникову для выработки плана совместных действий.

Но выполнить это указание мы не смогли. Когда по лесам и тропкам добирались до Гдова, здесь уже шли ожесточенные бои с фашистами. Многие из нашей группы ушли в армию, а некоторые вернулись в свой район.

Моя семья оставалась в деревне Васильевщина, и я пошел туда узнать, успела ли жена с детьми эвакуироваться в советский тыл. 16 июля встретил первого секретаря Лядского райкома партии Г. Ф. Большова.

— Что делать дальше? — был мой вопрос.

— Будет тебе, товарищ Моськин, партийное поручение: собрать местных коммунистов и комсомольцев и действовать на территории Язьвенского и Радосельского сельсоветов.

Я начал собирать отряд. В помощь привлек коммунистов: налогового агента Филиппова, председателя ссыло Васильева и еще нескольких товарищей. В лесу встретили троих красноармейцев, пробиравшихся к линии фронта. Мы их сагитировали остаться в партизанском отряде. И стало нас 12 человек.

18 августа 1941 года состоялась наша первая партизанская диверсия. Мы засели в кустах у дороги, дождались появления машины с солдатами и забросали ее гранатами.

В конце августа ко мне прибыл связной от Г. Ф. Большова с наказом срочно явиться к нему. Здесь я был назначен командиром первого отделения Лядского отряда. Вскоре вместе с председателем Лядского райисполкома А. Н. Забелиным я пошел на связь к гдовским партизанам. В лесу возле деревни Вяжище мы встретились с Печатниковым и договорились о совместных действиях.

Зимой 1942 года мы перешли в Полновские леса, где объединились с группой партизан, которую возглавлял Г. Т. Шаламов.

Положение наше было трудным. Не хватало боеприпасов. Однако кое-что удавалось добыть, и фашисты нередко получали от нас «сюрпризы». 22 июня 1942 года было сразу три взрыва на железной дороге. Наш связной — учитель из деревни Спицино Владимир Козлов сообщил о результатах этих взрывов: пущен под откос эшелон с солдатами, боеприпасами и техникой, следовавший из Пскова. Из Гдова на место происшествия пришла аварийная автодрезина, которая также подорвалась на mine. А затем подорвался и паровоз ремонтного поезда.

Наши действия вызвали у фашистов дикую злобу. Каратели охотились за партизанами и подпольщиками. Мы же наращивали свои силы. Проводили в деревнях собрания, говорили народу правду, вселяли в сердца советских людей веру в победу. Нас встречали как дорогих гостей: дарили теплую одежду, продукты.

Фашисты пошли на подлость: арестовали сотни заложников и грозили им смертью, если они не выдадут партизан. Только 7 июля 1942 года было арестовано более трехсот человек. В это число попали семьи Филиппова, Карпова, Иванова и моя жена Анна Федоровна. Этой мерой фашисты хотели сломить сопротивление народа.

Крупную диверсию провела в это время группа Богданова у поселка Ямм. Под откос был пущен большой эшелон, на платформах которого фашисты везли многие тысячи снарядов для обстрела блокированного Ленинграда.

В поселке Ямм был крупный лесокombинат, на котором захватчики с первых дней оккупации начали изготoвлять пиломатериалы для военных целей. У нас зародилось намерение сжечь комбинат. Но как это осуществить при его усиленной охране?

Оккупанты заставили работать прежнего главного механика комбината А. С. Ворошилова. До войны мы поддерживали с ним дружеские связи.

Через связного пригласили Ворошилова в лес «по грибы». Я был уверен, что он не подведет. И не ошибся.

Александр Сергеевич привлек к диверсии комсомольцев Женю Иванова и Сашу Николаева. В ночь на 30 июля завод сгорел дотла.

На вторую зиму оккупации полновские партизаны разделились на две группы. Это было вызвано необходимостью более строгой конспирации. Наша группа специализировалась на диверсиях. Около станции Боровик мы заминировали полотно железной дороги. И сами себе подготовили неожиданный «подарок»: в разбитых вагонах подорванного эшелона оказались груды ящиков с оружием, патронами и гранатами. Взяли столько, сколько могли унести.

В конце мая заминировали рельсы на пятом разъезде близ деревни Язба. И опять крушение, на этот раз — эшелона с продовольствием. В июне партизаны подорвали эшелон возле деревни Глушь...

В боевой жизни у нас было много помощников. Я всегда с радостью называю их имена.

Вспоминаю семью Васильевых из Пенькова — Павла и Наталью, их детей Любу, Мишу, Таню, Володю. С начала войны и до освобождения наших мест они были надежными друзьями партизан.

Павел Васильевич был храбрым солдатом еще в годы первой империалистической войны, кавалером Георгиевского креста. Над ним иногда подшучивали соседи — мол, царю-батюшке служил. А он отвечал: «За землю нашу русскую воевал». Он и в рядах Красной Армии на фронтах гражданской войны сражался до самой победы.

И вот новое испытание. Всей семьей, включая четырнадцатилетнего Вовку, делали Васильевы все, что могли. По сути дела, это была самостоятельная группа подпольщиков. Павел Васильевич давал дочерям и сы-

новьям задания разведать то, что надо было для партизан. Девочки приносили нам много ценных сведений.

Шестнадцатилетний Михаил открыл на дому сапожную мастерскую. К нему приносили в ремонт обувь жители своей деревни и других сел. Миша шил и ремонтировал сапоги и валенки партизанам. Жена Павла Васильевича Наталья Петровна заботилась о нас как мать: сушила сухари, копила творог и переправляла в отряд.

Были у нас надежные друзья и в деревне Калашниково. Здесь группу патриотов возглавляла О. И. Малякова.

Ивана Малякова, председателя Мишиногорского сельпо, фашисты схватили и расстреляли в Пскове. Его жену-учительницу это не запугало. Она выполняла задания знакомых ей до войны коммунистов, передавала партизанам сведения, полученные от связных, а по материалам, получаемым от нас, проводила беседы с колхозным активом. Главными помощниками у нее были два сына-подростка — Нанив и Лев. Узнать, какие войска противника находятся на станции или в районном центре, для наблюдательных ребят особого труда не составляло.

В деревне Гнильск вместе с матерью жила молодая учительница Полина Георгиевна Николаева (ныне Лозина). Девушка активно включилась в подпольную работу, умела отлично конспирироваться. Под камнем у озера, где Полина полоскала белье, был «почтовый ящик». Мы поручали ей ответственные задания. Обаятельная, образованная, Полина Георгиевна была душой молодежи. Она самоотверженно делала свое очень опасное, но нужное для Родины дело. Первая послевоенная комсомольская конференция избрала Полину секретарем Полновского райкома ВЛКСМ.

...В сентябре 1943 года наша полновская группа партизан вошла в 1-й полк Второй Ленинградской бригады имени Н. Г. Васильева. Командовал полком Виктор Обьедков. Вскоре наш полк превратился в самостоятельную Шестую бригаду. Начался новый этап партизанского движения в нашем крае — массового, еще более мощного. А мне вот вспомнились первые, особенно трудные дни и месяцы.

М. Моськин,
*в 1943 г. комиссар отряда
Второй Ленинградской партизанской бригады*

В НОВОМ РАЙОНЕ

Утром 9 мая 1943 года Вторая Ленинградская партизанская бригада имени Н. Г. Васильева вступила на землю Стругокрасненского района. Продолав трехсоткилометровый переход по глубокому тылу противника, бригада остановилась в лесу близ деревни Акатьево.

Далеким уже был август 1941 года, когда Вторая Ленинградская под командованием Н. Г. Васильева перешла линию фронта и начала партизанскую войну в тылу врага. От первой засады на дороге Чихачево — Станки, где были уничтожены двадцать пять фашистских солдат и три офицера, до крупных открытых боев, в которых разгромлены гитлеровские гарнизоны в городе Холме, поселках Яски, Дедовичи, Тюриково — путь был многотрудным и славным. Гитлеровцы четырежды предпринимали против бригады карательные экспедиции, в которых участвовало до 20 тысяч фашистских солдат.

В ходе карательной экспедиции в августе — сентябре 1942 года врагу при поддержке танков, артиллерии и авиации потребовался почти месяц, чтобы пройти несколько километров от деревни Железница до Паревичей и Круглова. Партизаны могли и дальше удерживать позиции, но отошли по приказу, чтобы сохранить силы для дальнейшей борьбы. Этими же соображениями был продиктован и приказ о переходе Второй Ленинградской бригады в новый район.

Путь был тяжелым. Почти ежедневно происходили стычки с карателями. Особенно трудным для нас был бой при переходе железной дороги у станции Подсевы. За всю войну в бригаде не было таких больших потерь, как здесь, — до 200 бойцов и командиров.

Горечь утрат удесятирила наши силы, и мы с ходу сбивали засады, громили по пути гарнизоны захватчиков.

В ночь на 8 мая бригада перешла шоссе Псков — Ленинград у деревни Цапелька. Уже светало, переходить железную дорогу было опасно. Мы остановились в лесу.

Следующей ночью бригада колонной двинулась к переезду. Когда разведчики подошли к железной дороге, как раз проходил эшелон. Тем временем и колонна почти вплотную подошла к линии. Обнаружив нас, охрана открыла пулеметный и минометный огонь. За какие-то мгновения партизаны смяли заслон. Стрелять было нельзя — бились в рукопашную.

Так был завершен переход бригады в новый район действий.

3-й полк в тот же день вступил в бой с отрядом противника. Десять фашистов были уничтожены, другие разбежались. Полк захватил трофеи: два ручных пулемета, миномет, десять верховых лошадей.

На следующий день, 10 мая, противник крупными силами начал наступление на 1-й полк. Повстречав наши боевые заставы, фашисты открыли огонь, но вперед двигаться не смогли и окопались. Каратели явно ждали подкрепления.

Как раз в это время из штаба партизанского движения была получена радиограмма, в которой содержался приказ: в ночь на 15 мая произвести всей бригадой диверсию на участке железной дороги Псков — Луга.

Чтобы выполнить приказ, надо было разгромить противника и тем самым хотя бы на время развязать себе руки.

...Тут я вспомнил героического комбрига, имя которого носила Вторая Ленинградская, — Н. Г. Васильева. Его школу прошли многие партизаны, командиры, коммиссары.

Вспомнились две его записки, адресованные мне в самом начале партизанской деятельности на Псковщине. «Стыдно, боевой командир! Другие отряды на дорогах бьют гитлеровцев, а ты все ведешь разведку!» — писал Н. Г. Васильев мне, в ту пору командиру отряда «Буденовец».

В другой раз он прислал такую записку: «Что же ты, боевой командир, каблуками щелкаешь, вокруг Яссок ходишь, как лиса, а Яссок взять не можешь?»

Такие записки-«вопросы» воспринимались нами, его подчиненными, как приказ. Было, было в этом легендарном комбриге что-то от Чапаева!..

Командование бригады разработало план разгрома противостоящего нам противника. 2-й полк 13 мая в 15 часов снимается с места стоянки и скрытно выходит к деревне Федово, проводит разведку в районе деревни Акатьево, а к 22 часам сосредоточивается на рубеже атаки. 3-й полк скрытно сосредоточивается в районе безымянной высоты у деревни Елешно.

Бой был скоротечным. Одновременного удара с тыла и с фронта противник не выдержал и отступил, оставив на месте боя полсотни трупов.

Расправившись с вражескими отрядами, бригада приступила к выполнению приказа штаба партизанского движения. В результате диверсии были пущены под откос два эшелона с техникой, взорваны два моста и рельсы на более чем километровом участке. Движение по железной дороге было остановлено на двое суток.

...Не прошло и года после памятной встречи с Андреем Александровичем Ждановым в конце августа 1942 года. Тогда в Смольный были вызваны начальник опергруппы штаба Асмолов, комиссар Второй бригады Орлов и я, в ту пору командир полка.

В конце встречи произошел такой разговор:

— Какая вам еще нужна конкретная помощь? — спросил А. А. Жданов.

— Неплохо бы получилось, если бы авиация разбомбила железнодорожный мост через Шелонь, — ответил я.

— Это действительно неплохо бы... Но мост вы взорвете сами, — ответил Андрей Александрович.

Теперь я с улыбкой вспоминал мою тогдашнюю просьбу. Мы научились воевать. Бригада выросла. В мае 1943 года Вторая Ленинградская насчитывала в своих рядах около полутора тысяч партизан.

Таким крупным соединением маневрировать скрытно было уже невозможно. Командование бригады решило полкам дать районы самостоятельных действий, тем более что в каждом полку была радиостанция для связи со штабом бригады и с оперативной группой в Валдае.

Новое расположение полков дало возможность усилить партизанское движение в соседних районах: Плюсском, Стругоокрасненском, Карамышевском, Псковском и Порховском. Это заставило фашистов вести борьбу с партизанами не отдельными карательными отрядами, а снимать с фронта целые полевые дивизии.

12 июня враг начал новую крупную карательную экспедицию против бригады. Она длилась по 24 июля и закончилась безрезультатно. Об этом говорит хотя бы тот факт, что за полтора месяца боев бригада потеряла убитыми и без вести пропавшими лишь 13 человек. Потери фашистов были в десятки раз большими.

В приказе по итогам этих боев говорилось: «Новый район действия бригады является особо важным для противника, потому что здесь проходят важные фронтовые дороги. В ходе последней экспедиции полками бригады из засад и в боях с гарнизонами уничтожено 744 вражеских солдата и офицера, захвачены 192 верховые лошади, два станковых пулемета, 4 автомашины. Разбит вражеский гарнизон в деревне Гвоздно, пущены под откос 3 эшелона с техникой, взорваны два склада с боеприпасами и один с продовольствием, выведено из строя 450 рельсов».

27 июля от начальника Ленинградского штаба партизанского движения Никитина была получена радиограмма. Особо запомнились проникновенные слова: «Родина и советский народ никогда не забудут ваших подвигов!»

Начинался заключительный этап партизанской войны.

Н. Рачков,
*в 1943 г. командир
Второй Ленинградской партизанской
бригады имени Н. Г. Васильева*

СОРОКОВОЙ БОР

В июне 1943 года Вторая Ленинградская партизанская бригада имени Н. Г. Васильева под командованием Н. А. Рачкова и комиссара М. И. Тимохина пришла в Сороковой бор (леса Полновского района). Местный партизанский отряд, командиром которого был я, влился в бригаду. Началась новая страница нашей боевой жизни.

В первом бою в урочище «Чистый мох» бригада уничтожила более пятидесяти солдат и офицеров врага. Были захвачены трофеи: 3 пулемета, 12 винтовок и автоматов, 2 миномета, 2 подводы с минами и пеленгатор. Это было в июне. А в середине следующего месяца партизаны совершили внезапный налет на гарнизон карателей в Гвоздно. В этом бою было уничтожено 150 гитлеровцев.

Оккупанты усиливали движение на железной дороге Псков — Гдов. Надо было помешать этому. 8 августа партизаны одновременно подорвали три моста, четыре стрелки, рельсы на протяжении более полукилометра. Не успели фашисты восстановить движение по железной дороге, как партизаны снова взорвали путь между поселком Ямм и деревней Боровик. А спустя пять дней между станцией Замогилье и шестым разъездом были взорваны два моста. Три крупные диверсии за десять дней не на шутку встревожили оккупантов. Комендант карательных войск разослал волостным старшинам района указание о борьбе с партизанами: «Ввиду того, что напоминания и объявления через печать до сих пор не исполняются населением, приказываю:

— в деревнях немецким военным властям брать заложников;

— заложниками могут быть как мужчины, так и женщины, так как неоднократно были случаи поддержки партизан со стороны женщин;

— заложники будут помещаться в вагоны поезда и в случае катастрофы погибнут в первую очередь.

В случае прекращения преступной деятельности партизан всю тяжесть наказания, предусмотренного законом военного времени, будут нести лица, взятые в качестве заложников...»

Фашисты хотели запугать население арестами, расстрелами, виселицами, концлагерями. Но народ не подчинился оккупантам и продолжал всячески помогать партизанам.

Тогда фашисты начали крупную карательную экспедицию. Вооруженные артиллерией и танками, они заняли лесные деревни, где мы находили себе поддержку.

Тяжелые это были дни. Партизаны питались лесными ягодами, грибами. Продуктов, которые сбрасывали нам иногда с самолетов, хватало только раненым и больным.

27 августа на наш лесной лагерь двинулись сотни карателей. Самолеты сбрасывали бомбы. Завязался бой не на жизнь, а на смерть. Потери фашистов составили более ста двадцати солдат. Наши потери — десять убитых и двенадцать раненых. Смертью храбрых погибли комиссар отряда Михаил Петрович Краснов и медсестра комсомолка Катя Карнаух. Боеприпасы были на исходе. Командование бригады решило выходить из окружения. Партизанка Татьяна Федоровна Николаева из деревни Молоди хорошо знала здешние места и вывела бригаду.

Успехи Советской Армии на фронтах и боевые дела партизан укрепляли веру населения в победу над врагом. Наши отряды пополнялись молодежью. Только в сентябре 1943 года из Полновского района пришло более девятисот человек. Вторая бригада настолько выросла численно, что по приказу Ленинградского штаба партизанского движения была разделена на четыре самостоятельные бригады (Вторую, Шестую, Седьмую и Девятую). Каждой бригаде был определен район действий.

Вторая бригада действовала на территории Полновского, Середкинского, Стругокрасненского, Новосельского и северной части Псковского районов, включая острова Залита и Белова.

В середине октября на станцию Ямм прибыл специальный отряд карателей для борьбы с партизанами. Командир бригадной разведки М. И. Морозов с группой конных разведчиков следил за продвижением гитлеровцев. Возле деревни Горско-Рогово разведчики нарвались на засаду, но успели отойти и принесли сведения о продвижении карателей. Подготовившись, партизаны встретили врага огнем. Захватить деревни Безьва, Марьино, Жеребятино карателям не удалось. Отступая под ударами партизан, фашисты подожгли деревни Горско-Рогово, Заборовку и Старое Загорье.

Готовясь отметить 26-ю годовщину Великого Октября, партизаны Второй бригады ликвидировали волостные управы, разбили фашистские гарнизоны в своей зоне, а 7 ноября нанесли удары на железной дороге между станциями Новоселье — Маслогостицы — Ямм.

По указанию Ленинградского обкома партии были образованы оргтроечки — особые органы Советской власти в тылу врага. Каждая «троечка» создала местный вооруженный отряд численностью сто человек, обеспечила восстановление сельсоветов в тылу врага.

Вооруженные партизанские отряды и группы самообороны в деревнях проводили в жизнь решения оргтроечки, охраняли лесные лагеря и деревни.

Так в зоне Второй Ленинградской бригады имени Н. Г. Васильева был создан новый Партизанский край. В борьбе с фашистами вместе с партизанами участвовало население, часто целыми семьями.

В октябре 1943 года — в канун праздника Великого Октября — в ряды партизан вступило более тысячи полновчан. Партизанский лес — Сороковой бор превратился в военный лагерь. Население снабжало партизан продовольствием, одеждой. Были организованы мастерские по выделке кож, овчин, изготовлению лыж. Женщины шили для партизан маскировочные халаты, вязали носки, перчатки, шили полушубки. Только через Полновскую оргтроечку партизаны получили 250 полушубков, 300 пар валенок, 60 пар сапог, 400 маскировочных халатов, 350 пар лыж, много вязаных вещей.

В ноябре оргтроечка открыла 10 начальных школ: в Мишиной Горе, Блянске, Волошне, Наумовщине, Безве, Спицине, Елешне и других деревнях.

На освобожденной партизанами территории Полновского района в 1943 году приступили к работе райком

КПСС и районный Совет депутатов трудящихся. Полновчане, выражая преданность Отчизне, направили письмо ЦК партии и Советскому правительству. В этом письме они поклялись бороться с гитлеровцами до полного изгнания захватчиков с советской земли.

С нетерпением ожидало население района прихода родной армии-освободительницы. И вот с 4 на 5 февраля 1944 года состоялись встречи с воинами в лесу близ деревни Залахтовье. Из всех окрестных деревень, за 20—25 километров, пришли люди встречать советских бойцов.

Н. Козырев,
*в 1943 г. начальник политотдела
Второй Ленинградской партизанской
бригады имени Н. Г. Васильева*

НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ

В апреле 1943 года в просторной избе в деревне Загорье Пожеревицкого района командиры и политруки Второй Ленинградской партизанской бригады обсудили итоги боев, в которых были разгромлены фашистские гарнизоны в поселках Выбор и Крутцы.

Совещание еще не закончилось, когда в избу вбежал запыхавшийся старший радист Михаил Козодой:

— Радиограмма из штаба!

Командир бригады Николай Александрович Рачков, прочитав ее, объявил, что штаб партизанского движения приказывает бригаде выйти ближе к Ленинграду, в район Струг Красных — Гдова — Ляд, и развернуть боевую деятельность вблизи дорог, чтобы помешать передвижению живой силы и техники врага к фронту.

Стояли теплые весенние дни. Реки вскрылись, а болота разлились, как озера, и стали серьезными препятствиями на нашем почти стокилометровом пути. Однако три отряда во главе со штабом бригады и политотделом в намеченный срок пришли к Радиловскому озеру (юго-западная часть бывшего Павского района). По дороге в эти места отряды бригады были преобразованы в полки.

Марш сопровождался ежедневными боями с карателями. 8 апреля полк В. П. Объедкова отбил 12 атак. А когда патроны были на исходе, партизаны сражались врукопашную.

Полк находился в тяжелом положении, но к концу дня своевременно подошел полк Н. И. Синельникова, и фашисты с большими потерями отступили. За три дня боев — 8, 9 и 10 апреля — противник потерял до 500 солдат и офицеров, но продолжал оказывать упорнейшее сопротивление. Бригада была вынуждена вернуться в прежний район, потому что у нас кончились боеприпасы и продовольствие.

Однако приказ штаба надо было выполнять, поэтому сразу же началась подготовка к новому маршу. Было решено, что полки пойдут разными маршрутами.

Командиром нашего полка был Никифор Иванович Синельников, начальником штаба — Тимофей Антонович Ключник, который пришел к нам в 1941 году из окружения под Демянском.

Накануне 1 мая полк находился в деревне Доброе Поле Славковского района. В восьми окрестных деревнях мы провели с населением беседы о Первомайском празднике. В отрядах были торжественные собрания и концерты художественной самодеятельности. Вышли «боевые листки».

Пополнив продовольственные запасы, отряды выступили в поход (боеприпасы и взрывчатка самолетами с Большой земли были доставлены раньше). Шли ночью. Разведка хорошо исследовала путь: железную дорогу Псков—Дно и реку Кебь перешли без боя. Все встреченные на пути вражеские гарнизоны были нами уничтожены.

7 мая на утренней заре мы услышали паровозный гудок.

— Вот, слышите? — сказал Т. А. Ключник. — Вражеские эшелоны идут к Ленинграду. Наша задача — перекрыть эту дорогу.

Между станциями Новоселье и Лапино передовые группы партизан уже подошли к железнодорожной линии, когда над нами взвилась ракета. Патрульный обход или засада? По команде партизаны ринулись вперед, в короткой рукопашной схватке вражеский отряд был разгромлен. Подрывники взорвали полотно в двух местах.

В первые же дни бригада провела серию диверсий на разных участках железных дорог Псков—Луга и Псков—Гдов.

Фашисты пытались любой ценой уничтожить бригаду. В районе наших действий появились воинские части.

Первый крупный бой с фашистами произошел во второй половине мая. Главный удар принял третий отряд нашего полка, которым командовал Михаил Иванович Андреев (комиссар — Иван Иванович Иванов). Бой продолжался трое суток. Одну из рот отряда возглавлял Трифон Максимович Елкин. В напряженные минуты боя он брал ручной пулемет и шел впереди партизан.

Пулеметчик Иван Анисимович Анисимов, находясь на фланге, уничтожил до двух десятков гитлеровцев. Каратели отступили.

28 мая в полк вернулись группы Шумилина и Филюшина, которые пустили под откос два эшелона с техникой и живой силой противника.

Фашисты опять бросили против полка большие силы. Переправившись через реку Люта у деревни Бараново, отряды укрылись в Шкваренском лесу. В штаб партизанского движения мы сообщили свои координаты и просьбу прислать боеприпасы. А на другой день разведка обнаружила на опушке леса телефонные провода и установила, что каратели заняли Шкварно, Рошелёво, Сафронову Гору и другие деревни и хутора вокруг леса. Стычки с противником стали постоянными. Боеприпасы у нас кончались.

Над лесом кружили вражеские самолеты и сбрасывали листовки с предложением сдаваться. Гитлеровцы предлагали выходить из леса группами по три-четыре человека, без оружия. Мы поняли, что они не знают наших сил и боятся идти в лес.

Комиссар полка Павел Власович Власов на совещании командиров и комиссаров сказал:

— Мы окружены, боеприпасы на исходе. Нужно рисковать — идти на прорыв.

Комиссару никто не возразил. Все понимали, что другого выхода у нас нет.

В группу прорыва взяли 30 партизан, собрав для них последние гранаты, автоматные и пулеметные диски. Группу вел комиссар. К вражеским блиндажам подошли ночью и забросали их гранатами. Полк вырвался из окружения, но в том жестоком бою геройски погиб наш комиссар Павел Власович Власов.

Вскоре на базе нашего полка была создана новая Вторая Ленинградская партизанская бригада имени Н. Г. Васильева. Командиром бригады стал Никифор Иванович Синельников, комиссаром — Василий Иванович Ефремов, начальником штаба — Т. А. Ключник.

Разведка бригады вела постоянное наблюдение за гарнизонами противника. Иногда наши смельчаки заходили в деревни, занятые карателями.

Однажды группа разведчиков проникла в деревню Сиковицы. Каратели как-то пронюхали о партизанах и стали окружать дом, в котором находились разведчики.

Отход товарищей прикрывал Михаил Боровский — бывший комбайнер Дедовичской МТС. Расстреляны два автоматных диска. Кончаются патроны. Думая, что партизан убит, гитлеровцы врываются в дом. Раздается взрыв последней гранаты...

Вспоминается бой 22 июня 1943 года. После ночного марша из деревни Домкино мы остановились на опушке леса у хутора Пустыньки. Уже занималась заря. Мы с комиссаром отряда Иваном Ивановичем Ивановым и полковым разведчиком Василием Егоровым (Толчишкиным) лежали под сосной и тихо разговаривали. Вдруг со стороны дозоров послышались взрывы гранат и пулеметно-автоматная стрельба.

Мы увидели, что от хутора двигалось крупное подразделение врага. Партизаны перешли в контратаку. Враг не выдержал, отошел и укрылся в низине. Здесь фашистов и зажали с трех сторон отряды Захарова, Булушева и Финюшина.

В том бою мне неожиданно довелось быть пулеметчиком и гранатометчиком. Получилось это так. На поле боя я подобрал пулемет незнакомой системы. Оказалось, это скорострельный «Шкас» — авиационный немецкий пулемет. Разобравшись, раз и второй прошелся очередью по убегающим гитлеровцам. Но лента кончилась. Уничтожив двух фашистов, я завладел гранатометом с полсотней гранат к нему. Правда, выстрелить пришлось всего три раза — наши ребята уже добивали остатки карательного отряда. Но трофейный гранатомет впоследствии нам очень пригодился. За этот бой позднее я был награжден орденом Красного Знамени.

К сентябрю 1943 года наша бригада освободила многие деревни Стругокрасненского, Полновского и Новосельского районов. Поняв, что создан новый Партизанский край, фашисты сжигали деревни, еще более усилили грабеж населения. Партизаны оказывали врагу отпор.

Однажды каратели приехали из Струг Красных в деревни Замогилье и Творожково на шести больших автомашиннах. Все шесть автомашин партизаны сожгли, уничтожили около 90 фашистов. На второй день гитлеровцы приехали узнать, почему задержались «заготовители». В западню попали еще 40 фашистов...

Начался заключительный этап битвы под Ленинградом. В это время партизаны уничтожали фашистские гарнизоны и не давали покоя врагу ни на железной

дороге, ни на большаках. Только с 14 января по 20 февраля 1944 года наша бригада сбросила под откос девять вражеских эшелонов, взорвала несколько тысяч рельсов, уничтожила около 2500 солдат и офицеров, освободила от угона в фашистское рабство тысячи советских людей. В начале февраля совместно с воинскими частями Ленинградского фронта бригада участвовала в разгроме 58-й стрелковой и 12-й танковой фашистских дивизий. У деревень Зовка, Ждани фашисты оставили на поле боя свыше 400 автомашин, танков и орудий.

В эти дни было получено указание бригаде в полном составе прибыть в Ленинград.

1 марта мы пришли в город на Неве. Партизаны доставили в подарок ленинградцам 580 мешков муки, 218 коров, 306 лошадей. У Нарвских ворот собрались тысячи ленинградцев встречать Вторую партизанскую бригаду. Многие здесь же находили своих родных и близких. На митинг, посвященный радостной встрече, прибыли представители партийных и советских организаций города. Бригаде было вручено Красное знамя Ленинградского штаба партизанского движения.

В. Некрасов,
*в 1943 г. политрук роты
Второй Ленинградской партизанской бригады*

СТОЙКОСТЬ

Я расскажу лишь об отдельных эпизодах боевой деятельности Одиннадцатой партизанской бригады, которая базировалась на стыке Ленинградского и Волховского фронтов. В зоне действий бригады находились тылы 18-й фашистской армии. Местность эта, богатая лесами и болотами, покрыта густой сетью железных и шоссейных дорог. Стратегическое значение их для гитлеровских войск, стоявших под Ленинградом, было чрезвычайно велико. Для защиты своих коммуникаций фашистское командование в каждом населенном пункте держало постоянные гарнизоны, которые в случае необходимости быстро перебрасывались в нужный район. С бронепоездов гитлеровцы могли обстреливать почти любой квадрат леса.

Несмотря на сложность условий прифронтовой полосы, партизаны действовали активно. Наряду с диверсиями, засадами, разведкой они успешно вели «рельсовую войну», громили крупные гарнизоны врага. Менее чем за год партизаны нашей бригады подорвали около 70 воинских эшелонов с живой силой и техникой противника, 7970 рельсов, разрушили около 75 километров линии связи. Было разгромлено 9 вражеских гарнизонов и 3 железнодорожные станции (Мшинская, Оредеж, Заклинье).

...Январь 1944 года. Приближались дни разгрома фашистских войск под Ленинградом и окончательного снятия блокады. На партийных и комсомольских собраниях шел конкретный разговор об усилении ударов по врагу и об авангардной роли коммунистов и комсомольцев.

Плотность передвижения фашистских войск возрастала с каждым днем. Не дать возможности иноземным захватчикам безнаказанно уйти, отомстить за поруганную родную землю — таковы были задачи бригады.

Ежедневно десятки партизан нашего полка, которым командовал Г. П. Григорьев, уходили на боевые задания, и гремели взрывы на железных и шоссейных дорогах. Под обломками сброшенных под откос вражеских эшелонов и исковерканных автомашин нашли свой бесславный конец сотни захватчиков.

Фашисты неоднократно пытались отыскать и уничтожить наш лагерь, но в лесу их подстерегали партизанские мины и засады. Каратели с потерями отступали. Наконец гитлеровское командование во что бы то ни стало решило разгромить полк Г. П. Григорьева, ставший опасным заслоном на их дорогах. Над районом расположения полка все чаще стали летать вражеские самолеты-разведчики.

Ранним утром 14 января в разных секторах партизанской обороны появились группы карателей. Наткнувшись на огонь передовых заслонов, они с большими потерями отошли. Лагерь был обнаружен. Становилось очевидным, что фашисты начнут крупную операцию по прочесыванию всего лесного массива.

Командир полка принял решение прорвать кольцо окружения. Партизаны сделали несколько отважных бросков, но пробиться через вражеские цепи не удалось. Фашисты заняли выгодные позиции и обрушивали на партизан массированный огонь из тяжелых минометов и крупнокалиберных пулеметов. Силы врага намного превышали численность партизан.

В создавшейся обстановке мы были вынуждены занять круговую оборону и подготовиться к отражению атак неприятеля. Партизаны понимали серьезность своего положения. Они готовились к смертельной схватке спокойно, мужественно. Используя поваленные деревья, бойцы укрепляли свои позиции, для прицельной стрельбы расчищали перед собой кустарник, минировали подходы.

Вскоре со всех сторон по глубокому снегу цепями двинулись сотни фашистов в белых маскировочных халатах. Резкий взрыв первой мины под ногой карателя слился с треском автоматных и пулеметных очередей.

Подпустив фашистов метров на пятьдесят, мы открыли прицельный огонь. Каратели не смогли преодолеть небольшое пространство, отделяющее их от партизан, и, оставляя убитых и раненых, отступили. На протяже-

нии дня враг предпринимал неоднократные атаки на лагерь.

Некоторым гитлеровцам удавалось приблизиться к нашей линии обороны, однако, прошитые в упор партизанскими пулями, они падали перед огневыми позициями. Зону прострела сплошь усеяли вражеские трупы. В редкие минуты затишья слышались стоны раненых. До позднего вечера не прекращалась эта неравная и поистине героическая схватка. Мужество и стойкость советских патриотов позволили выдержать бешеный натиск гитлеровцев.

Наши попытки пробиться из окружения ночью снова не удались. На всех просеках фашисты жгли костры и открывали массированный огонь, заслышав малейший шорох.

На второй день бой разгорелся с новой силой. Каратели спешили разгромить полк. Густой лес укрывал позиции партизан от прицельного огня. Тогда фашисты применили авиацию и тяжелые минометы.

В сплошном свисте и грохоте нельзя было услышать голоса, что затрудняло управление боем. Лес значительно поредел. Ливень разрывных пуль сбивал молодые побеги, а то и начисто срезал верхушки деревьев.

Таяли ряды партизан. Кончились гранаты, на исходе были патроны. Оставшиеся в живых продолжали отражать атаки карателей.

Некоторые партизаны с большой ловкостью хватали не успевшие взорваться гранаты, брошенные фашистами, и тут же посылали их обратно. Нельзя забыть героический подвиг семнадцатилетнего пулеметчика Николая Кудрявцева, уроженца Порховского района. В 15—20 метрах перед нами за вывороченным корнем дерева укрылись несколько фашистов. Оставаясь недосягаемыми, они забрасывали нас гранатами. Несколько партизан были убиты. Тогда Николай быстро поднялся во весь рост и длинной пулеметной очередью почти в упор расстрелял гитлеровцев. Вражеские пули оборвали жизнь бесстрашного советского патриота.

В тот день от пулеметного огня с самолета погиб и командир полка Г. П. Григорьев, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Партизаны полка до последнего дыхания оставались верными клятве народных мстителей. Можно с полным правом сказать: они стояли насмерть!

Потеряв сотни солдат, озверевшие фашисты ворвались в лагерь. В лютой злобе они добивали раненых партизан. Гитлеровцы мстили за страх и ужас, в котором их постоянно держали советские патриоты.

Раненый и оглушенный взрывом гранаты, я без сознания свалился рядом с убитыми товарищами. Когда вернулась память, бой был закончен и в лесу стояла непривычная тишина. Двигаться я не мог. Меня случайно обнаружила медсестра Нина Васильева, которая по заданию командования бригады разыскивала раненых партизан. С ней был мальчик-подросток. Они спасли жизнь еще 17 партизанам, оказав нам первую медицинскую помощь, а 2 февраля передали всех в медсанбат наступающей Красной Армии.

В. Лобицкий,
*в 1944 г. командир роты
Одиннадцатой Ленинградской партизанской бригады*

СЕДЬМАЯ ЛЕНИНГРАДСКАЯ

В сентябре 1941 года из военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения, был образован партизанский отряд «Храбрый» Второй Ленинградской партизанской бригады. Он успешно участвовал во всех крупных операциях бригады — в частности, в разгроме фашистских гарнизонов в городе Холм, поселке Дедовичи и селе Яски.

Осенью 1942 года отряд организованно вышел в советский тыл. После отдыха и пополнения он возвратился в Партизанский край. Здесь, в Серболовских и Ухосинских лесах, тогда шли тяжелые бои с карателями.

В конце декабря 1942 года Вторая бригада вышла в Новоржевский и Славковский районы. Вскоре здесь начались ежедневные и тяжелые бои. Пять суток отряд отбивал атаки карателей. Выполняя боевую задачу, он прорвал кольцо окружения и пошел на соединение с бригадой. Но бригада с боем ушла на север, и соединение не состоялось.

Командование отряда запросило разрешения остаться в Карамышевских лесах. Такое разрешение было получено. До мая 1943 года отряд действовал самостоятельно, подчиняясь непосредственно Ленинградскому штабу партизанского движения.

В районе действий отряда находились стратегически важные магистрали: железные дороги Псков — Ленинград и Псков — Порхов — Дно, шоссейные дороги Псков — Ленинград и Псков — Новгород. И всего в 20 километрах был город Псков.

Командование отряда считало, что большие леса вблизи важных железных и шоссейных дорог дают возможность для успешных боевых действий. Но и фашисты это тоже отлично понимали и принимали меры к тому, чтобы не допустить партизан в этот район. В лесных деревнях — таких, как Замостечье, Ручьи, Гостибицы,

Щучья Гора, Заборовье, Утехи, Окунево, Мараморочка, и других — фашисты поставили полицейские отряды. В более крупных селах размещались карательные отряды и воинские части.

В такой сложной обстановке отряд и приступил к освоению нового района.

В июне 1943 года захватчики сплавливали по реке Кебь лес и вывозили древесину на автомашинах для строительства линии «Пантера». Первой операцией отряда и было уничтожение охраны на лесосплаве. Партизаны устроили «заломы» на реке, разбили несколько автомашин. Заготовка леса прекратилась.

Несмотря на сильную охрану железной дороги, наши минеры в июне 1943 года подорвали два воинских эшелона. Группа подрывников 29 июня пустила под откос еще один эшелон с пушками и боеприпасами.

В августе 1943 года отряд, имевший к тому времени около 300 бойцов, был реорганизован в партизанский полк, который насчитывал около тысячи человек. Командиром его был назначен А. Алексеев, комиссаром — О. Круглов, начальником штаба — А. Кармалев.

...В сентябре в деревни Поддубье и Кузов Порховского района прибыли два отряда власовцев. Для антифашистской агитации среди этих команд были направлены комиссар полка О. Круглов и заместитель начальника особого отдела М. Малахов. В результате оба гарнизона численностью 145 человек с полным вооружением перешли к партизанам.

Командование фашистских войск, боясь, что этому примеру могут последовать и другие гарнизоны, разрушило некоторые команды власовцев и отправило их в Латвию. Численность охранных подразделений на контролируемой нашим полком территории сократилась.

В то же время штаб полка принял решение о разгроме вражеского гарнизона численностью около ста солдат в деревне Большое Загорье на шоссе Псков — Шимск. Эта задача возлагалась на третий и четвертый отряды.

В деревне Замежничье партизаны узнали, что вечером в Загорье прибыло еще около 200 фашистов. Что делать? Усилить группу разгрома уже поздно — отряды полка находились далеко. Отложить операцию тоже нельзя...

Уничтожив внезапным налетом большинство огневых точек противника, партизаны ворвались в деревню. В том ночном бою было уничтожено до 170 фашистов, взорвано три склада с боеприпасами, горючим и продовольствием, захвачены трофеи.

После разгрома этого гарнизона отряды полка получили возможность выходить из леса и располагаться в деревнях. Шоссейная дорога Псков — Шимск на участке Лопатово — Щучья Гора полностью контролировалась партизанами. На большой территории Карамышевского, Новосельского, Порховского районов северовосточнее железной дороги Псков — Порхов власть оккупантов была ликвидирована. Так возник новый партизанский край — теперь возле самого Пскова.

10 октября 1943 года на базе нашего полка была создана Седьмая Ленинградская партизанская бригада. Командиром ее был назначен А. Алексеев, комиссаром — А. Майоров.

Штаб бригады находился в деревне Утехи Карамышевского района. В бригаде было четыре отряда. Мы организовали пункт формирования для приема и обучения вновь поступающего пополнения. Бригада насчитывала 1200 человек. Вскоре из пополнения были созданы еще два отряда.

В конце октября начала работать оргтрояка Карамышевского района. Председателем оргтрояки стал член Псковского партцентра А. Дмитриев, членами — подпольщики В. Яковлев и Н. Кузьмин. Оргтрояка, опираясь на боевую силу бригады, восстановила десять сельских Советов: Старонейский, Задорожский, Пикалинский, Больше-Загорский, Горский, Талицкий, Ручьевский, Лопатинский, Выставский, Мелетовский, а также несколько сельсоветов в соседних Новосельском и Псковском районах. В 134 деревнях были назначены уполномоченные Советской власти.

В каждом сельсовете находились вооруженные группы из 10—15 партизан, которые охраняли население, организовывали снабжение отрядов продуктами и одеждой, занимались разведкой. 20 ноября было проведено собрание партийного актива Карамышевского района. Успешно проходил сбор средств на постройку бомбардировщика «Карамышевский партизан». Жители района внесли в фонд обороны 261 000 рублей деньгами и 43 585 рублей облигациями государственных займов.

Основную свою задачу Седьмая Ленинградская партизанская бригада видела в систематическом проведении диверсий на железных дорогах Псков — Ленинград и Псков — Порхов — Дно. Надо было любой ценой помешать противнику перевозить войска, оружие, технику и боеприпасы к фронту. И бригада неплохо справлялась с этой задачей. За три месяца — октябрь, ноябрь и декабрь 1943 года — было пущено под откос 77 воинских эшелонов, разбито 56 паровозов, 158 вагонов с живой силой, 31 платформа с техникой и 225 вагонов с разными грузами.

В эти дни героический подвиг совершил партизан Владимир Павлович Пахоруков.

Группа Ильина из третьего отряда, в которую входил Пахоруков, взяла обязательство в честь 26-й годовщины Октября сделать Родине боевой подарок. 6 ноября группа вышла к железной дороге. На подходе к полотну партизаны встретили сильное охранение и задание выполнить не могли. На следующий день, снова подойдя к железной дороге, минеры услышали шум приближающегося эшелона. Заложить фугас времени уже не было. Пахоруков побежал вперед и с зарядом взрывчатки бросился под паровоз. Раздался взрыв. Семь платформ с автомашинами и пушками полетели под откос...

Чтобы парализовать движение на железных дорогах, штаб бригады разработал график действий партизанских отрядов и закрепил за ними участки пути. За октябрь и ноябрь было взорвано без малого 5000 рельсов. На протяжении 50 километров железная дорога не работала 20 суток. 10 октября наши минеры взорвали мост через реку Курею.

В бою у деревни Зряковская Гора разведчики захватили в разбитых машинах и доставили в штаб письма фашистских солдат к родственникам и знакомым. Эти письма любопытны, поскольку в них гитлеровцы писали о действиях партизан нашей бригады.

Ефрейтор Роберт К. писал своей невесте: «...Вчера партизаны совершили нападение недалеко от нас. Они взорвали поезд с отпусниками, а потом завязался бой. Можешь представить, что осталось после этого... Стало ни проехать, ни пройти. Их силы исчисляются тысячами. Можешь себе представить, что получится, если они ворвутся в наш лагерь».

Солдат Эрнст В. писал жене: «Сейчас у нас много забот с этими партизанами. Становится все хуже. Постоянно происходят взрывы и стрельба. Наши начали сегодня поджигание деревень, чтобы истребить всех партизан, ибо большей частью это крестьяне. Наши считают, что здесь крайне необходимо принять очень крутые меры».

Фашисты предприняли очередную попытку уничтожить Седьмую партизанскую бригаду. 30 декабря каратели начали наступление одновременно с четырех сторон: на поселок Ручьи — на четвертый отряд, на деревню Добрый Клин, где располагался первый отряд, на деревню Утехи, где оборону держал шестой отряд, и на лесной лагерь седьмого отряда южнее деревни Дворьково. У противника было около 2000 солдат, 15 танков, пушки, минометы и несколько самолетов.

Четвертый отряд не выдержал артиллерийского огня и отступил. Но перед карателями встал второй отряд, который держал оборону в деревне Гостибицы. Три дня шел бой. В этом сражении было убито свыше 200 гитлеровцев и около 200 ранено. Замысел врага был сорван.

В январе 1944 года «рельсовая война» продолжалась. За один месяц было взорвано 2817 рельсов, спущено под откос 12 эшелонов. В ночь на 18 января намечался взрыв железнодорожного моста через реку Пскову в поселке Торошино.

Мы знали, что все подходы к станции Торошино заминированы и прикрыты проволочными заграждениями. Возле моста установлены орудия и пулеметы. В поселке стоял большой гарнизон противника.

Чтобы отвлечь внимание солдат гарнизона, был предпринят налет на казармы в поселке. Эту задачу выполнял пятый отряд.

В результате налета на станцию был взорван мост, уничтожено три дзота, пять пулеметных точек, разбита казарма, взорвана водонапорная башня, вырезано три километра телефонно-телеграфной связи, уничтожено около двухсот фашистов.

4 февраля мы получили радиogramму из штаба партизанского движения. В ней говорилось: «Ваша бригада за героическую помощь наступающим войскам Ленинградского фронта награждена Красным знаменем Красногвардейского РК ВКП(б) и исполкома райсовета.

Награда обязывает вас усилить помощь наступающей Красной Армии. Никитин».

Наши удары по противнику нарастали. Только на шоссейной дороге Псков — Ленинград было уничтожено 50 грузовых и 11 легковых автомашин. Чтобы преградить путь отступающему противнику, на шоссейных дорогах устраивали лесные завалы. Например, 6 февраля на участок дороги Подборовье — Мараморочка вышли более тысячи местных жителей с пилами и топорами. Был сооружен завал длиной до 8 километров, взорваны 2 моста, в открытом бою разбиты 24 автомашины, уничтожены 35 гитлеровцев, 4 офицера захвачены в плен.

27 февраля партизаны встретились с частями 56-й стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Бунькова и вместе с воинами Красной Армии освободили поселок Карамышево.

А. Майоров,
*в 1943—1944 гг. комиссар
Седьмой Ленинградской партизанской бригады*

ПОЛИТОТДЕЛ ЗА РАБОТОЙ

Передо мною журнал политдонесений Седьмой Ленинградской партизанской бригады. Читаю его, и в памяти вновь оживают события тех незабываемых дней.

Вот сообщения комиссара первого отряда Патрушева:

«17 ноября 1943 года в 22 часа на железной дороге Псков — Порхов пущен под откос воинский эшелон. Разбито 8 вагонов и 6 платформ, груженных танками и автомашинами. В диверсии отличились минеры Валентин Зуев, Леонид Ивлев и подрывающий Медведев.

18 ноября в 23 часа на железной дороге Псков — Порхов пущен под откос вражеский эшелон с живой силой противника. Убито и ранено свыше 300 солдат и офицеров. Выведен из строя паровоз. Железная дорога не работала 10 часов. Отличился командир группы Салим Гарнев и подрывник Рым Файнберг.

23 ноября в 21 час на Варшавской железной дороге пущен под откос эшелон противника, груженный военной техникой. Выведен из строя паровоз. Совершили подвиг минеры Леонид Макеев, Николай Корякин и подрывник Николай Ефимов.

Медсестра Анна Маланчева, оказав первую помощь раненому партизану Запарию, не успела его эвакуировать с поля боя, как подошел танк и начал обстрел местности. Замаскировавшись, Маланчева 4 часа находилась с раненым в зоне обстрела и только глубокой ночью, через 12 часов после боя, доставила раненого в отряд.

Партизанам прочитан художественно-документальный журнал «Партизан» № 1. Отзывы положительные. Просят быстрее выпустить следующий номер. Журнал прочитан раненым бригадного госпиталя. Эту работу провел партизан К. Краснов, член редколлегии журнала.

Для личного состава прочитано два доклада: «Советский тыл в Отечественную войну» и «Основные принципы полководческой школы Суворова». С докладами выступил представитель ЦК ВЛКСМ Соколов».

Комиссар второго отряда Иванов в те же дни общал:

«Есть жалобы со стороны девушек, которых посылают работать на кухню. У них большое желание пойти на боевые диверсии.

Жители деревень говорили: «Спасибо, что партизаны не забывают нас. Мы помогали и дальше будем помогать партизанам. Говорите, что надо делать».

Выпущен и прорабатывается отрядный «Боевой листок». Выпущены три «Боевых листка» в ротах. Партизаны отряда ознакомлены с выставкой, отражающей успехи лучших партизан бригады...»

Многогранной и разносторонней была деятельность политического отдела. Десятки, сотни вопросов ставили боевая обстановка и жизнь людей на оккупированной территории. Их надо было немедленно решать. Собрания и митинги, беседы и читки, стенгазеты и рукописные журналы, газеты и листовки — все это было на вооружении политотдела Седьмой Ленинградской партизанской бригады.

О чем рассказывали тогда наши листовки?

«В октябре 1943 года в деревню Подложье ворвалась банда фашистов и, предложив населению в течение 2 часов эвакуироваться на железнодорожную станцию Новоселье, стала поджигать дома. У жителей, пытавшихся захватить с собою самое необходимое, фашисты вырывали вещи и бросали в огонь. Некоторые пробовали протестовать, но были избиты плетью. Ровно через два часа жители были приготовлены к маршу. Старшим колонны гитлеровцы назначили 70-летнего инвалида Андрея Тихоновича Тихонова. Тихонов около километра провел колонну по указанному фашистами маршруту, а затем, пользуясь отсутствием конвоя, свернул с дороги и привел своих однодеревенцев в лес, в партизанский лагерь».

«30 октября каратели жестоко расправились с жителями деревни Сетино, помогавшими партизанам. Фаши-

сты расстреляли Анну Розову с двумя детьми, Тимофея Лебедева вместе с женой и дочерью, Евгения Осипова с тремя малолетними детьми, Егора Семенова живым бросили в огонь. Всего в этой деревне каратели зверски погубили 15 человек...»

Работа с населением носила различные формы: проводились собрания, индивидуальные беседы, митинги. Большинство партизан в той или иной мере являлись пропагандистами. Они всегда имели при себе сводки Совинформбюро, газеты, листовки и при встрече с населением читали и раздавали их.

Главным подспорьем в нашей пропагандистской работе были газеты и журналы, получаемые с Большой земли. Кроме того, в каждом отряде выпускалась своя стенная газета, в которой рассказывалось об отличившихся в боях партизанах, а также критиковались недостатки и ошибки. Два раза в месяц командиры отрядов докладывали комиссару и политотделу о боевых делах, о морально-политическом состоянии людей в отряде. Как и на Большой земле, в тылу врага работа проводилась под лозунгом «Все — для фронта, все — для победы!»

Не могу не сказать об организации советских школ на временно оккупированной территории. Таких школ осенью 1943 года в зоне нашей бригады было создано десять. Надо же было учить детей! И занятия шли. Правда, чаще всего учителя проводили уроки без учебников и тетрадей, карандашей и ручек. Но в школах звучало наше русское, советское слово. Детям говорилось правда о войне, о борьбе с фашистскими захватчиками. Это были поистине уроки патриотизма и мужества.

Как правило, в школах создавалось две группы (два класса): первая — для ребят, не умевших читать или плохо читавших, вторая — для учившихся ранее во втором и третьем классах.

Была разработана и примерная программа занятий в школах.

Первая группа. Родной язык: научить читать и писать. Арифметика: действия в пределах до 100, таблица умножения. Рассказы о Великой Отечественной войне. Пение: разучивание советских песен.

Вторая группа. Родной язык: совершенствование в чтении и рассказывание о прочитанном, элементы грамматики. Арифметика: действия с целыми числами. Рассказы о Великой Отечественной войне. Пение: разучивание советских песен.

В день было три-четыре урока. В школах создавались пионерские отряды, изучалось военное и санитарное дело.

Массово-политическая работа среди населения давала хорошие результаты. Молодежь, да и пожилые люди, группами и семьями шли в партизаны.

В Седьмой бригаде был создан специальный отряд, в котором все вновь прибывшие проходили обучение: несли караульную службу, изучали материальную часть стрелкового оружия. По мере обучения, их постепенно привлекали к устройству завалов на шоссе на дорогах, разрушению телефонно-телеграфной связи и т. д. После этого пополнение поступало в отряды. Перед тем как вступить в боевой отряд, партизаны принимали клятву. Каждый раз это был важный, торжественный акт в жизни бригады.

В Седьмой партизанской бригаде сражались люди 22 национальностей. Я часто вспоминаю Аширбая Коенкозова, киргиза. Коммунист, разведчик панфиловской дивизии, он, выполняя одно из заданий по захвату «языка», был ранен, попал к партизанам и остался в отряде Алексева. В минуты отдыха Аширбай любил читать товарищам письмо трудящихся Киргизии ленинградским партизанам, в котором, в частности, говорилось:

«Дорогие братья и сестры! Примите от трудящихся Киргизии наш скромный подарок. Пусть наши теплые вещи служат символом братского единения киргизского народа с вами... Мы помним о вас, мы внимательно следим за вашими боевыми подвигами и окажем вам любую помощь. Работая на предприятиях, в совхозах и колхозах с утроенной энергией, мы даем фронту и стране вооружение и продовольствие. Мы обещаем вам, что будем трудиться еще больше и лучше и тем приближим желанный час победы».

Особой заботой политотдела было усиление авангардной роли коммунистов и комсомольцев. Коммунисты и комсомольцы политически воспитывали, закаливали и сплачивали партизан.

Партизаны Ленинградской области хорошо помнят невысокого, подвижного, с иссеченным порохом лицом, острым и пронзительным взглядом коммуниста Василия Павловича Плохого. В бою он всегда был впереди. Став Героем Советского Союза, пройдя путь от рядового партизана до командира отряда, он остался человеком простым и скромным, настоящим другом. Партийным словом и личной храбростью вдохновляли партизан Елена Комлева, Полина Святкина, Зинаида Ермоленко, Иван Леоненко, Аширбай Коенкозов, Андрей Фатеев и многие другие коммунисты бригады.

И. Соловьев,
*в 1943—1944 гг. начальник политотдела
Седьмой Ленинградской партизанской бригады*

НЕДАЛЕКО ОТ ТОРОШИНА

Первый отряд Седьмой Ленинградской партизанской бригады уже находился на «зимних квартирах» — в землянках, в лесу близ деревни Старый Клин Карамышевского района. После очередного похода партизаны отдыхали, приводили в порядок обувь и одежду, чистили оружие.

В нашу группу подрывников входило шесть партизан. На вооружении были: ручной пулемет, три автомата и два карабина.

Командир группы Николай Гаврилович Шлепаков читал вслух газету «На страже Родины». Всех интересовали сообщения об итогах летней кампании 1943 года, о блестящих победах Красной Армии под Курском и Орлом, на полях левобережной Украины. Настроение у партизан было приподнятое. Только начали общий разговор о прочитанном, как явился связной от командира отряда:

— Шлепакову срочно явиться в штаб.

Мы принялись за осмотр оружия. По пустякам командир отряда никого и никогда не вызывал.

Мы, да и все партизаны отряда, любили Николая Гавриловича Шлепакова за смекалку и отвагу. Нам, своим друзьям, он часто напоминал: «Партизан, особенно подрывник, ошибаться не должен. На исправление ошибок у нас времени нет. Надо все обдумать заранее и действовать только наверняка».

Вернувшись, Николай Гаврилович рассказал, что нашей группе поручено выйти на железнодорожную магистраль Псков — Луга севернее станции Торощино и подорвать идущий к фронту эшелон.

Ровно через час группа в полной готовности стояла

перед командиром отряда. Василий Павлович Плохой проверил наше снаряжение, каждого спросил о здоровье, осмотрел обувь и одежду, поинтересовался, какие продукты получили в поход. Заходить в деревни он нам категорически запретил.

К железной дороге подошли на рассвете, замаскировались и начали наблюдение. Фашисты по обеим сторонам дороги вырубали лес и устроили сплошные завалы, чтобы затруднить подход к линии.

За день мы установили, по какому графику идут поезда, как организована охранная служба, где и когда сменяются часовые.

После заката солнца поужинали, подготовили взрывчатку и длинный натяжной шнур из парашютных строп. Каждый получил определенное задание. Александру Шересткину поручалось заложить взрывчатку под рельсы, а взрыватель, как всегда, поставит сам командир. Братья Иван и Александр Владимировы заняли позиции на флангах, чтобы обеспечить охранение. Файнбергу поручалось обеспечить безопасность по фронту, а нам с Митиным, пулеметчикам, вести наблюдение за тылом.

По полотну, стуча коваными сапогами, прошли двое патрульных. Пора! Работа Шересткина на насыпи заняла около пятнадцати минут. Николай Гаврилович вставил взрыватель и, отходя от линии, аккуратно замаскировал шнур.

Через некоторое время, гроыхая пустыми вагонами, проследовал эшелон от Луги. Мы терпеливо ждали.

Когда стало светать, послышался шум поезда от станции Торошино. И как только первая пара колес миновала заряд, командир сильно дернул шнур. Заскрежетало железо, клубы дыма окутали место взрыва. Платформы с танками лезли друг на друга, на свалившийся под откос паровоз.

Через полчаса, может и раньше, должны прибыть аварийная команда и охрана. Так оно и случилось. Вскоре от станции Торошино подошла мотодрезина с вагоном и платформой.

Гитлеровцы выпрыгивали из вагона, офицер что-то громко выкрикивал и размахивал пистолетом. Фашист

распоряжался, не подозревая, что вся его команда находится под прицелом пулемета, трех автоматов и двух карабинов.

Шлепаков подал команду: «Огонь!»

...На базу мы возвращались другим маршрутом. Поздно вечером, пересекая шоссе Псков — Луга, заметили в кювете голубоватый кабель. Вырезали метров с полсотни и хотели подождать ремонтников. Но командир сказал, что боеприпасов осталось мало и задерживаться нельзя. Разрешил только заминировать концы провода...

*А. Гончаренко,
в 1943 г. пулеметчик
первого отряда Седьмой Ленинградской
партизанской бригады*

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

В декабре 1942 года Калининский обком ВКП(б) утвердил подпольную партийную группу Пушкиногорского района в составе девяти человек. В бюро группы вошел будущий первый секретарь райкома П. М. Кириманов, вторым секретарем утвердили меня, председателем райисполкома — А. В. Колосова.

В тыл врага наша группа ушла с бригадой П. В. Рындина. Путь наш был долгим. Бригада прошла с боями по северной части Белоруссии, затем воевала в Пустошкинском, Кудеверском и Новоржевском районах. И только в конце марта 1943 года партийная группа приступила к работе в Пушкиногорском районе.

Из бригад С. М. Максименко и Г. Ф. Бабакова нам в помощь выделили 22 партизана. Это были наши земляки-пушкиногорцы. Вскоре из Калинина самолетом прибыл Трофим Гурьевич Давыдкин — командир будущей бригады. На должность начальника штаба обком рекомендовал Л. И. Зотина.

С формирования новой бригады и начала свою работу наша партийная группа. К концу апреля в бригаде было более 200 партизан.

Бригада приступила к боевым действиям. Одновременным выступлением была нарушена телефонная связь почти всех волостных управ с комендатурой, а также линия связи Новгород — Пушкинские Горы. На станции Вошагино партизаны разгромили гарнизон и захватили хлебный склад. Больше ста тонн зерна было роздано населению. В одну ночь сгорели деревянные мосты на реках Шесть, Великая и Сороть. В деревне Поляны партизанская засада разбила вражескую автомашину и уничтожила 10 солдат.

Партийная группа развернула политическую работу среди населения. Была установлена связь с оставленными на оккупированной территории активистами

района. В Пушкинские Горы и в Новоржев направлялись верные люди.

В середине апреля гитлеровцы усилили гарнизоны в Новоржеве, Духнове, Кудеверн, Бежаницах, Локне и во всех крупных деревнях на шоссежных дорогах. Против партизанских бригад М. П. Карликова, С. М. Максименко, Н. В. Шиповалова, Г. Ф. Бабакова фашисты начали широкое наступление, в котором, по нашим сведениям, участвовало около 25 тысяч солдат охранных и полевых войск.

Вытеснив партизан из Кудеверского и соседних районов, враги обрушились и на бригаду Т. Г. Давыдкина.

Партийная группа приняла решение выходить в Краснопгородский район и по границе с Латвией идти в себежские леса на соединение с южной группой калининских партизан.

Положение наше в то время, нужно прямо сказать, было тяжелым. В боях погиб начальник штаба бригады Л. И. Зотин. Командир бригады Т. Г. Давыдкин, дважды раненный, выбыл из строя. Член бюро подпольного райкома, председатель исполкома райсовета А. В. Колосов, будучи в разведке, вступил в неравный бой с фашистами и погиб. Секретарь подпольного райкома П. М. Киманов остался в Пушкиногорском районе для продолжения подпольной работы.

На базе вышедшей из окружения группы партизан было решено создать новую, Пятнадцатую Калининскую бригаду. Командиром ее штаб назначил Д. А. Халтурина, имевшего большой опыт борьбы в тылу врага. Начальником штаба стал старший лейтенант С. Лукьянов. Комиссаром бригады штаб назначил меня. В бригаде было два отряда (командиры Ботов и Муравьев).

Сформировав штаб, мы начали комплектование бригады. Группы под командованием Г. Бакусова и В. Николаева сделали несколько рейдов в Пушкиногорский район и вывели к нам партизан, оставленных в деревнях Пушкиногорской бригадой. Одновременно эти группы вели разведку на строительстве укреплений по реке Великой, которые впоследствии получили название линии «Пантера». В начале ноября к бригаде присоединился отряд Карнаушенко, в котором комиссаром оказался

первый секретарь Пушкиногорского райкома партии П. М. Кимапов. Бригада в то время насчитывала до 300 партизан и приступила к активным боевым действиям.

С приближением фронта к этим местам фашисты усилили натиск на партизан.

18 января 1944 года наша бригада вступила в бой с карательными войсками противника. Отряд Карнаушенко занял подвальные углубления в сожженной деревне Тряпичино и замаскировался. Сюда же прибыл комбриг Халтурин с отрядом Муравьева. Когда на проселке появилась неприятельская колонна, партизаны открыли дружный огонь.

В полдень в бой вступила оказавшаяся по соседству Четвертая Ленинградская партизанская бригада. Противник начал наступление со стороны деревень Покровское и Мозули. Вместе с ленинградцами мы отразили все атаки.

...В конце февраля с востока отчетливо стала доноситься артиллерийская канонада. Красная Армия наступала, и территория для партизанского маневра в тылу врага сокращалась. Противник укреплял свои гарнизоны, уплотняя боевые порядки. Обстановка становилась все более сложной. Фашисты сжигали деревни, грабили и уничтожали людей.

Почти ежедневно наши отряды выходили на диверсии, устраивали засады. В короткий срок подрывники Пятнадцатой бригады пустили под откос более 10 эшелонов с живой силой и техникой врага. В зависимости от обстановки отряды бригады собирались вместе для нанесения удара или рассредоточивались и действовали мелкими группами.

В бригаде были созданы четыре первичные партийные организации, они росли за счет лучших, отличившихся в боях партизан. В партию были приняты товарищи Цветков — командир взвода, Чукин — начальник штаба отряда, Ботов — командир отряда, Золотарева — начальник медслужбы, многие партизаны и партизанки. Шесть первичных комсомольских организаций объединили 108 членов ВЛКСМ. В январе 1944 года было создано бюро подпольного райкома ВЛКСМ. Секретарем его стала Татьяна Прохорова.

Советские войска вступали на территорию Пушкиногорского района, и штабу фронта были необходимы сведения о противнике, особенно об укреплениях по реке Великой. Разведывательная деятельность бригады в тылу врага имела большое значение для нашей армии. Ценные сведения о расположении войск противника и укреплениях на линии «Пантера» передавались в штаб фронта по радио. 11 июня 1944 года бригада установила прямую связь с войсками 2-го Прибалтийского фронта. В бригаду прибыли автоматчики-гвардейцы полка имени Александра Матросова. Вместе с Красной Армией партизаны участвовали в боях за освобождение Опочки и Красногородского.

М. Воробьев,
в 1943—1944 гг. комиссар
Пятнадцатой Калининской партизанской бригады

БОИ С КАРАТЕЛЯМИ

Четырнадцатого января 1944 года войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов перешли в наступление. К концу февраля были освобождены от фашистских оккупантов почти вся Ленинградская область, Новосокольнический, Локнянский, Холмский, Бежаницкий, Ашевский, Новоржевский, Пустошкинский, а также частично Пушкиногорский и Кудеверский районы Калининской области.

Калининские партизанские бригады действовали к тому времени на сравнительно небольшой территории Себежского, Идрицкого, Красногородского, Опочецкого и частично Кудеверского районов. Фашисты хотели во что бы то ни стало уничтожить партизан и с этой целью предпринимали все новые карательные экспедиции.

10 февраля против партизан, действовавших в Себежском районе, вышли три охранных батальона и карательный полицейский отряд.

Наша Пятая партизанская бригада в то время занимала оборону у деревень Бутыньки — Афанасьева Слобода — Козаново. По этому треугольнику каратели открыли сильный артиллерийский огонь. В связи с недостатком боеприпасов бригада была вынуждена уклониться от боя и маневрировать.

Ночью 12 февраля мы пришли в маленькую лесную деревню Осиновичи. Размещались не только в жилых домах, но и в банях, сараях, — все же теплее, чем под открытым небом.

В ночь на 14 февраля нам сбросили с двух самолетов на парашютах шесть ящиков патронов. Это была существенная поддержка. Мы перешли в деревню Мишин Остров и находились там некоторое время, совершая боевые вылазки. Взвод Лавренюка из отряда имени Никонова в деревне Пустыньки разгромил команду гитлеровцев, занимавшихся грабежом. Отряд Леонова, на-

ходясь в засаде у деревни Городищи на шоссе Себеж — Опочка, подорвал и сжег пятитонную автомашину.

Приближалась 26-я годовщина Советской Армии. По заданию партийной организации коммунисты проводили собрания с населением. 20 февраля вечером я с коммунистом Лялиным был на таком собрании в деревне Бубны. Присутствовавшие внимательно слушали доклад и задавали много вопросов. И все они сводились к одному: «Скоро ли Красная Армия освободит нас?»

10 марта разведка донесла, что к нашей деревне движется примерно сто фашистов из Остриловского гарнизона. Комбриг приказал отряду Степанова выйти навстречу карателям.

Командир отряда решил дать бой у болота. Половину партизан он направил навстречу врагу, а других послал с заданием выйти в тыл карателям и отрезать им дорогу к отступлению.

Гитлеровцы открыли бешеный огонь. Партизаны, отстреливаясь, медленно отходили. Фашисты усилили натиск, уверившись, что с ними ведет бой небольшая группа партизан. Но вот в небо взвилась зеленая ракета — сигнал того, что партизаны зашли в тыл врагу. Отряд Степанова, получив подкрепление, перешел в контратаку. Не выдержав натиска, гитлеровцы кинулись было обратно, но попали под огонь нашей засады. Теперь каратели бежали куда глаза глядят. Фашистский отряд был почти полностью уничтожен, а шестеро гитлеровцев взяты в плен (через день они были отправлены на самолете в советский тыл и стали ценными «языками» для нашей военной разведки).

15 марта началась новая экспедиция карателей против нашей бригады.

В деревне Горюшино на посту были партизаны Александр Моисеенко и Григорий Герасимов. Заметив вражескую колонну, Саша послал Григория в отряд, а сам стал наблюдать. Когда враги подошли близко, он открыл огонь. Фашисты залегли.

Скоро каратели поняли, что стреляет всего один автомат. Гитлеровцы стали приближаться короткими перебежками. Моисеенко пытался сменить позицию, но был ранен в живот. Превозмогая боль, он в упор расстреливал набежавших фашистов. Но вот и последний диск кончается. «Только бы не ошибиться, оставить патрон для себя».

Когда Герасимов вернулся с подкреплением, партизаны нашли своего товарища мертвым. А вокруг валялись трупы четырнадцати фашистов...

В лагере урочища Лоховня была объявлена тревога. Наши отряды заняли оборону. А фашисты остановились в сожженной раньше деревне Козырево, разбили палатки, развернули радиостанцию и стали рыть окопы.

Два наших отряда залегли на опушке леса на расстоянии 300 метров от врага. Вскоре каратели заметили партизан и начали минометный обстрел.

Перестрелка длилась долго. Положение наше было невыгодным. Враги, несомненно, связались по радио с другими подразделениями и ждут подкрепления. К тому же они находились на возвышенности и уже успели окопаться. Что делать?

Командир бригады Владимир Иванович Марго, посоветовавшись с командирами отрядов, решил атаковать и выбить карателей из деревни. Два взвода отряда Леонова и один взвод отряда Степанова пошли в атаку. Остальные поддержали атакующих огнем. Фашисты стали отходить.

В том бою партизаны захватили 2 миномета, 4 пулемета, 10 тысяч патронов и радиостанцию. В сумке убитого офицера была обнаружена топографическая карта, на которой условными знаками был обозначен план карательной операции против партизан. Командование бригады, изучив трофейную карту, разработало свой контрплан.

Наиболее крупной карательной экспедицией против партизан была апрельская, или пасхальная, как ее называли гитлеровцы. До 27 тысяч пехотинцев при поддержке авиации, танков и артиллерии с 5 апреля 1944 года начали боевые действия против бригад Лисовского, Плешкова, Буторина и Козлова в южной части Себежского и Идрицкого районов. Наступая с четырех сторон, карателям удалось окружить район расположения партизанских бригад. Пришлось заминировать землянки и покинуть лагерь.

6 апреля партизаны вступили в бой с противником, но все попытки вырваться из окружения были неудачными. К 9 апреля положение партизан стало критическим. Окружение уплотнялось, и гитлеровцы начали артиллерийский обстрел. Одновременно самолеты бомбили и обстреливали партизан с воздуха. Положение

осложнялось еще и тем, что в лесах под защитой партизан находилось много тысяч местных жителей — женщин, стариков, детей.

На экстренном совещании командиров и комиссаров бригад было решено с наступлением темноты ударными группами прорвать окружение. Продвигаясь по намеченному маршруту, партизаны натолкнулись на вражескую засаду у озера Окуневец. Завязался бой. Противник оказал сильное сопротивление, но ударные группы сбили немецкую оборону и, сметая на своем пути засады, расширили прорыв. Несколько последующих дней бригады порознь маневрировали в лесах.

С 16 апреля гитлеровцы начали карательную экспедицию против бригад Гаврилова, Бойдина, Марго, Карликова, Вараксова, Бабакова в северной части Себежского и Идрицкого районов, в Опочецком и Красногородском районах. При поддержке танков, артиллерии и самолетов фашисты разъединили партизан на несколько групп. В наиболее трудном положении оказались бригады Бойдина и Марго, находившиеся в то время примерно в 25 километрах севернее Себежа.

16 апреля в полдень над урочищем Лоховня, где находилась наша бригада, появились семь бомбардировщиков. Сбросив бомбы, самолеты возвращались на аэродром в Идрицу и снова прилетали для бомбежки. Несколько бомб попали в лагерь гражданского населения.

В три часа дня в штаб бригады поступило донесение, что в нашу сторону движется крупная часть противника с артиллерией. Передовые колонны находятся уже на расстоянии 10—15 километров. Была объявлена тревога. Комбриг приказал командирам отрядов организованно покинуть лагерь и двигаться на север, но из леса не выходить, пока не стемнеет, потому что вражеские самолеты все время были в воздухе. Лишний груз мы закопали, а землянки заминировали.

Когда стемнело, мы вышли из леса. Пока разведка искала место переправы через реку Веть, колонна находилась на привале. Вокруг без конца вспыхивали разноцветные ракеты. Было понятно, что мы находимся в окружении. Разведчики вернулись часа через два и доложили, что мосты снесены половищем и перейти реку можно только вброд. Подходящее место для переправы есть недалеко от деревни Мишин Остров: за рекой — мелкий кустарник, соединяющийся с большим сосновым

лесом. Туда и направилась наша колонна, насчитывающая около тысячи человек.

Отряды, переправившиеся первыми, вскоре натолкнулись на вражескую засаду. Над переправой вспыхнуло сразу несколько ракет. Стало светло как днем. Теперь фашисты вели прицельный огонь.

Из деревни Дуброво, расположенной на высоте недалеко от переправы, ударили минометы. Колонна остановилась. И вдруг, перекрывая шум боя, раздалась команда: «Товарищи, вперед! Только вперед!» Это крикнул комиссар бригады Андрей Семенович Кулеш.

На противоположный берег выходили все новые и новые группы партизан и сразу же открывали огонь. Каратели не выдержали натиска. Оставив убитых и раненых, они побежали в деревню Мишин Остров. Наша переправа продолжалась. Временный лагерь решено было обосновать на островах большого топкого болота. Наши медики хлопотали около раненых. Все проверяли свои вещмешки и вытряхивали хлебные крошки, которые превратились в тесто. В первую очередь кормили больных и раненых.

Ночью вражеские самолеты не летали, и комбриг разрешил разжечь небольшие костры, чтобы просушить мокрую одежду. Помню, с каким наслаждением мы пили кипяток, заваренный ветками малины. Стало сразу теплее.

Утром, выбравшись из болота, мы снова увидели группу карателей. На шести подводах они двигались прямо на нас. По кустам мы обошли обоз и устроили засаду. Бой был коротким: большая часть карателей была перебита, 12 полицаяев сдались в плен. Они рассказывали, что комендант послал их в соседнюю деревню заготовливать продукты. А партизан, он говорил, «бояться не надо — они все рассеяны и уничтожены».

На коротком совещании командиров решено было возвращаться на свою базу...

Страшный погром увидели мы в лагере. Все землянки были взорваны, кругом виднелись глубокие воронки. Многие деревья были выворочены с корнями. Подремонтировав лагерь, мы стали готовиться к новым боям.

*Л. Слободской,
в 1944 г. начальник штаба
Пятой Калининской партизанской бригады*

ПАРТИЗАНСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

Ночь была по-осеннему темной, но моя проводница Зина и в этой кромешной мгле уверенно находила дорогу.

С Зиной Никитиной мы познакомились всего несколько часов назад, когда партизанский связной Михаил Васильев передал мне приказ Псковской оргтройки уйти из Пскова в лес к партизанам, где был нужен врач.

И вот мы в пути. В руках у меня большой портфель, набитый взятыми из немецкой больницы медикаментами. Одет я в зимнее тяжелое пальто — в город возвращаться не собираюсь, а впереди зима. Спина моя давно уже взмокла, а Зина торопит, до места надо дойти за темно.

Партизанский дозор остановил нас на опушке Засецкой дачи. Вскоре я уже стоял перед командиром отряда Василием Ивановичем Гараниным.

Поздоровавшись, он коротко объяснил:

— Пока поживешь у нас в отряде, а там будет видно. Богорад! — позвал Гаранин кого-то из темноты. К нам подошел пожилой мужчина. — Возьмешь доктора на жительство к себе в шалаш. И береги его. Медицина нам сейчас особенно нужна.

Утром у меня появился первый пациент. В шалаш, опираясь на палку, вошел мальчик лет двенадцати и попросил осмотреть его ногу. Рана была не тяжелая, но запущенная. Обезболить было нечем, и обрабатывать пришлось без анестезии. Мальчик мужественно перенес всю процедуру, не застонал даже тогда, когда я залил рану йодом.

Маленький партизан быстро поправлялся и вскоре уже ходил без палки.

Недели через две Василий Иванович вызвал меня:

— Ну как, привык у нас, по городу не скучаешь? — спросил он шутливо.

— Чего ж не привыкнуть, живу, как на курорте, от безделья толстеть начал.

— «Курорт» твой кончился. Сейчас поедem туда, где ждет тебя настоящее дело.

Дорогой он сказал, что везет меня в Десятую партизанскую бригаду, где нужны врачи.

На место приехали под вечер. Начальник медслужбы бригады Георгий Филиппович Захаров объяснил мне обстановку. Несколько дней назад бригада вела большой бой с карателями в поселке Матуриха. В санчасти сейчас много раненых, некоторые в тяжелом состоянии. Все они нуждаются в срочной хирургической помощи.

Раненые были рассредоточены в деревне по избам, и мы с партизанской медсестрой — фельдшером Анной Тимофеевной Бережановой начали работать.

Раны были сложные, в том числе переломы костей, а для обработки их Анна Тимофеевна имела в запасе только риваноль. На счастье у нее оказалось много хлорамина. Я очень обрадовался этому: хороший антисептик. Но вот обезболивающих средств никаких не было. Обработку ран приходилось делать без наркоза. Сердце обливалось кровью, когда я видел, как терпеливо и мужественно переносили наши люди страдания.

Не хватало бинтов, белой гигроскопической ваты. Вату серую (ее как раз было много) мы обезжировали в кипящем щелоке, а на бинты использовали все, что могло пригодиться для перевязок.

Несмотря на такие трудные условия, наши раненые быстро поправлялись и снова вставали в строй. Иногда мы даже сами этому удивлялись.

Были и ампутации. Однажды доставили партизана, которому нужно было немедленно ампутировать левую руку. Я не хирург, но спасти человека надо. Помню, еще подумал: «Зря, что ли, меня Ленинградская военно-медицинская академия пять лет учила?» Нашли лучковую пилу, острый нож. Анна Тимофеевна их прокипяттила, продезинфицировала, и все обошлось благополучно. Через несколько дней пришлось делать ампутацию правой ноги раненому колхознику.

Больных в те дни, можно сказать, не было, а вот на зубную боль кое-кто жаловался: стояла зима, а люди все время находились на холоде. Не обошла эта беда и комбрига Константина Тимофеевича Богомолова. Посмотрел я больного и решил зуб удалить. А инструмент

один — клювовидные шипцы... Как и подобает партизану, операцию эту комбриг перенес молча.

В начале января 1944 года в Павах мы приняли присланные самолетами с Большой земли около ста мест груза, в том числе и медикаменты. Прилетел и врач — хирург Андросов. К тому времени у нас в бригаде было уже пять врачей и восемь отрядных фельдшеров. Они четко несли медицинскую службу. Мы не только лечили от ран, была налажена и санитарная служба: партизаны регулярно мылись в бане, меняли белье.

Однажды меня вызвали к комбригу.

— Нам надо организовать настоящий госпиталь. Вы, товарищ Шабалин, назначаетесь его начальником. Госпиталь нужно развернуть в лесу за Ситинским озером. — И комбриг показал мне лесной массив на карте. — Развернуть госпиталь за три дня! Бригада уходит на задание. Всех раненых забирайте с собой, и чтобы через пятнадцать минут вас в Павах не было!

— Приказ ясен? — спросил присутствовавший при разговоре комиссар Матвей Иванович Тимохин.

— Да.

— Тогда действуйте!

— А где взять пилы и топоры, лес на строительство? — робко спросил я, еще недостаточно разбираясь в тонкостях партизанской жизни.

— А вот это уже ваша забота, — ответил новый комбриг Тимофей Антонович Новиков.

— Какая у госпиталя будет охрана?

— Вас будет охранять восьмой отряд Каримова.

Я побежал в санчасть и с помощью своего связного быстро поднял на ноги всех медицинских работников. Ездовые развернулись, как по тревоге, и вскоре мы были уже в пути. А раненых много — человек семьдесят.

Приехали в маленькую деревню Ситинку и остановились. Где же разместить людей?

Смотрю — что такое? Неподалеку стоит огромная пустующая колхозная конюшня. Это, пожалуй, то, что нам и надо.

— Повозочного Алексеева ко мне!

Я знал, что Алексейев — опытный плотник. По вызову явился сутулый пожилой человек с буденовскими усами.

— Выручай, голубчик, — говорю я ему совсем не командирским тоном. — Видишь конюшню? Надо ее пере-

делать под госпиталь. Сроку нам отведено всего три дня. Так что забирай всех повозочных с их лошадьми и санями и командуй! Ты с этой минуты начальник строительства госпиталя.

Скоро конюшня была превращена в три больших барака для размещения раненых, а рядом появились операционная, обтянутая внутри парашютным шелком, баня, два изолятора, санчасть и пищеблок.

Не случайно на развертывание госпиталя нам был дан такой короткий срок. Через три дня начали поступать раненые из Десятой бригады, вступившей в бой.

Старшина Кузнецов организовал для раненых хорошее питание, даже молоко в госпиталь доставлялось ежедневно. Правда, выдачу соли приходилось ограничивать.

Ранним утром 23 февраля 1944 года к нам пришла разведка Советской Армии. Радость партизан была неописуема. Всех своих раненых — 173 партизана — мы сдали армейскому эвакогоспиталю в деревне Воробино в удовлетворительном состоянии.

М. Шабалин,
в 1944 г. врач

Десятой Ленинградской партизанской бригады

ЗА ЗЕМЛЮ ПСКОВСКУЮ

В мае 1943 года в Хотованском лесу Сошихинского района от Первого отдельного партизанского полка отошел и получил разрешение действовать самостоятельно батальон под командованием С. М. Андреева.

На призыв «К оружию!» местное население активно пошло в отряды. В боях у деревень Левково, Усадиче, Гуси партизанское пополнение получило хорошую закладку. Ленинградский штаб партизанского движения 15 октября издал приказ о создании на базе батальона Восьмой Ленинградской партизанской бригады. Командиром ее назначался Л. В. Цинченко, комиссаром — В. В. Павлов, начальником штаба — П. Н. Новиков, заместителем командира по разведке — М. В. Куделькин. К тому времени бригада насчитывала без малого тысячу партизан.

Оперативная группа Ленинградского штаба партизанского движения помогла нам оружием и боеприпасами. С 15 по 26 октября мы получили 465 автоматов, винтовок и пулеметов. Бригада разместилась в деревнях Сапроны, Берег, Гошихино, Ровное. Партизаны сразу же начали строить здесь дзоты, блиндажи, окопы, траншеи. Во всех отрядах мы усилили караульную и охранную службу, начали строевую и боевую учебу. В сельских Советах Сошихинского района приступили к созданию оргтроек — органов Советской власти на оккупированной территории.

26 октября нам стало известно, что по дороге Порхов — Остров фашисты угоняют отобранных от крестьян коров и овец. У деревни Никольское партизаны, уничтожив охрану, отбили 870 голов скота и раздали его населению Сошихинского и Славковского районов. На другой день гитлеровцы пытались атаковать позиции партизан. В десятичасовом бою бригада уничтожила до

двухсот солдат противника и обратила в бегство остатки отряда карателей.

6 ноября был отдан приказ о разгроме гарнизонов в деревнях Маршавицы и Ломы. На Маршавицы шел седьмой отряд под командованием Л. Е. Раздужева, удар по Ломам наносил пятый отряд Д. К. Солодухи.

В том бою было уничтожено свыше 200 солдат и офицеров противника, разбиты три склада с боеприпасами и продовольствием, четыре автомашины, захвачено 10 пулеметов, батальонный миномет, больше сотни винтовок, около 60 автоматов. В бою проявили образцы мужества командир роты Данилович, командир пулеметного взвода Захаров, пулеметчики Бигдан и Белобрикин, автоматчик Андреев, начальник штаба пятого отряда Логонский и другие.

Бражеские гарнизоны были разгромлены, и противник уже не пытался их восстанавить.

В ноябре — декабре бригада продолжала расти и расширять боевые действия на шоссейных и железных дорогах Псков — Остров, Псков — Порхов.

Мы обратили внимание на то, что у некоторых командиров появилась тенденция сдерживать рост отрядов из-за недостатка оружия. На совещании в штабе подобные настроения были осуждены.

Командование бригады обратилось к населению с просьбой помочь в сборе оружия и боеприпасов для партизан. И сразу же мы получили свыше 200 винтовок и автоматов, подобранных на местах боев. Иногда нам приносили (чаще всего — деревенские мальчишки) винтовочные стволы, ржавые пулеметы. Это оружие ремонтировалось в наших мастерских.

В декабре повысилась эффективность действий бригады. Например, если с 20 сентября по 1 декабря, за два с половиной месяца, было уничтожено около 900 гитлеровских солдат и офицеров, то за один декабрь, при остром недостатке боеприпасов, уничтожено 389 фашистов. Если за два месяца было спущено под откос шесть воинских эшелонов, то за декабрь — восемь.

С переходом в наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов еще более активизировалась боевая деятельность бригады. Было решено надежно оседлать железную дорогу Псков — Остров и регулярно устраивать засады на шоссейных дорогах. С этой целью мы создали 30 диверсионных групп. Только за январь

ими было уничтожено около 800 солдат и офицеров, пушено под откос 11 эшелонов с техникой и живой силой противника. Постоянно уничтожалась телеграфно-телефонная связь на дорогах Псков — Остров, Остров — Резекне, Остров — Опочка, Порхов — Остров, Псков — Порхов. Так, 15 января группа партизан на шоссе на дороге Порхов — Остров уничтожила 148 столбов на линии телефонной связи и взорвала 7 мостов. После диверсии противник на время полностью отказался от использования этой дороги.

1-му полку под командованием Л. Е. Раздueva была поставлена задача разгромить в ночь на 23 января гарнизон на станции Брянчаниново. Когда полк уже вышел на исходную позицию, разведка сообщила, что кроме 240 солдат гарнизона на станции находится тяжелый артдивизион — до 300 солдат с пушками и обозом в ожидании погрузки в эшелон и отправки на Ленинградский фронт. В связи с непредвиденными обстоятельствами командир полка мог отложить операцию, но он принял решение штурмовать станцию.

Партизанский полк начал жестокий бой с регулярными частями гитлеровцев. Отчаянное сопротивление врага было сломлено. Партизаны уничтожили свыше 200 фашистов, взорвали 5 орудий, 50 повозок со снарядами, паровоз и 7 платформ, все станционные постройки.

В эти же дни были разгромлены гарнизоны станции Дуловка и Большие Орлы. В ночном бою гарнизон станции Большие Орлы партизаны уничтожили полностью. Более восьмидесяти фашистов осталось лежать на улицах поселка. В Дуловке были взорваны все хозяйство станции и железнодорожный мост. Железная дорога на участке Псков — Остров была полностью парализована.

К концу февраля наша бригада насчитывала 3900 человек. На ее вооружении, кроме винтовок и пистолетов, было 156 пулеметов (в том числе 11 станковых), 452 автомата, 10 минометов, 10 противотанковых ружей. За февраль партизаны уничтожили 2414 солдат и офицеров, пустили под откос 25 эшелонов противника.

В штаб бригады ежедневно поступало по несколько донесений о боевых успехах отрядов. Близу поселка Стремутка уничтожены 30 солдат и офицеров конвоя, которые сопровождали большую группу местных жителей на строительные работы... Засада партизан

4-го полка на большаке Псков — Остров уничтожила шесть грузовых автомашин...

Отряды систематически уничтожали вражеские укрепления на участке Псков — Остров. Они снимали проволочные заграждения, затапливали водой и сжигали дзоты и бункера на линии «Пантера». Отряд под командованием Григорьева за одну ночь уничтожил пять километров проволочных заграждений.

Когда после долгого перерыва противник возобновил движение по большаку Псков — Остров, Второй полк оседлал эту дорогу у деревни Егорьевщина. У места засады вражеская колонна была пропущена несколько вперед и затем расстреляна фланговым пулеметным, автоматным и ружейным огнем. В том бою противник потерял только убитыми около сотни солдат, полностью оставил обоз с военным имуществом.

25 февраля стало известно, что противник начал движение по большаку Навережье — Сигорицы. К деревне Сонино вышли два партизанских отряда под командованием Смирнова и Мельника. В результате двухдневного боя на шоссе партизаны истребили 252 солдата и офицера, захватили 2 пушки, миномет и 12 пулеметов, 55 повозок с различным военным имуществом, штабные документы.

Ударной группе 311-й немецкой пехотной дивизии командование поставило задачу пройти по большаку Сигорицы — Остров, расчистить путь для других отступающих частей. Группе было придано 7 танков.

Наша первая засада обстреляла противника у Сигориц, вторая, пропустив танки, встретила врага у деревни Назимово. К 14 часам 28 февраля противник подошел к деревне Ровное, где располагался наш Первый полк. В результате боя за Ровное и Подмогилье враг недосчитался более 600 солдат и офицеров.

К вечеру того же дня мы встретились с 44-й Чудовской дивизией Красной Армии.

С 15 октября 1943 года по 28 февраля 1944 года партизаны Восьмой бригады уничтожили около 4400 солдат и офицеров, разгромили 10 вражеских гарнизонов в селах и 3 железнодорожные станции. Бригада активно участвовала в «рельсовой войне»: пустила под откос 48 паровозов, 83 вагонов с живой силой и 15 платформ с техникой. Захвачены в плен 103 солдата и офицера. Трофеями партизан стали 11 пушек, 5 минометов,

54 пулемета, около 600 винтовок, более 3000 лошадей и коров.

Была у партизан и другая важная задача. В зоне своих действий бригада несла полную ответственность за судьбу населения.

Еще в начале 1943 года мы начали избирать военных уполномоченных. Было избрано свыше 70 военных уполномоченных в деревнях Славковского, Сошихинского, частично Островского и Псковского районов. Работа по подбору военных уполномоченных, а также созданию оргтроек в сельских Советах была возложена на комиссаров отрядов и полков. Для инструктажа созывались специальные совещания у комиссара бригады.

Основными задачами военных уполномоченных и оргтроек было обеспечение охраны населения, сбережение колхозного сельхозинвентаря, конского поголовья и крупного рогатого скота. Для этого в деревнях за пределами расположения бригады создавались группы разведчиков и охранников. Населению были указаны места, куда следует уходить при появлении врага. По вопросам охраны населения и сбора средств в фонд Красной Армии, а также подготовки к севу были проведены две межрайонные конференции оргтроек совместно с военными уполномоченными. Тысячи жителей Сошихинского, Славковского, Островского районов были спасены партизанами от угона в рабство и уничтожения.

Л. Цинченко,
в 1943 г. командир
Восьмой Ленинградской партизанской бригады

НЕПКОРЕННЫЕ

Темной январской ночью 1943 года тяжелый самолет «Дуглас» перелетел линию фронта и углубился на оккупированную территорию. В районе дедовичских лесов, невдалеке от Сусельницкого озера, штурман произнес лишь одно слово:

— Пора!

Летчик развернул машину. Из люков на землю были сброшены большие тяжелые баулы с оружием, одеждой, боеприпасами и продуктами. Следом один за другим попрыгали в черное пространство партизаны с парашютами за спиной.

Возглавлял группу воздушных десантников Александр Георгиевич Поруценко, назначенный бюро Ленинградского обкома партии руководителем Дедовичского межрайонного партийного подпольного центра.

— Базу создадим в Серболовском лесу, там, где раньше была Вторая партизанская бригада,— сказал своим помощникам Поруценко.— Фашисты пишут, что партизаны в этом районе давно уничтожены.

Связной, посланный в деревни Кипинского сельсовета, вернулся на рассвете с командиром местного партизанского отряда Матвеем Степановичем Аникиным, оставленным здесь для связи с подпольными группами.

— По указанию начальника Ленинградского штаба партизанского движения создается особый отряд в «сто сабель»,— сказал Поруценко.— Ты назначаешься командиром отряда. Сто человек, Матвей Степанович, считай, у тебя уже есть. Получишь пулеметы, автоматическое оружие, патроны, гранаты, одежду.

С этого и начал свою деятельность Дедовичский подпольный партийный центр.

Немедленно были посланы связные в Станковский и Сосновский сельсоветы, где находились оставленные в тылу врага с осени 1942 года партизаны-связные Иван

Егоров, Дмитрий Богданов и другие. В новый отряд Аникина вошли местные жители, красноармейцы, отрезанные от своих частей и оставшиеся на оккупированной земле, бежавшие из Порховского концлагеря военнопленные.

Осенью 1942 года фашисты, решив покончить с партизанами, ввели в бой против Второй партизанской бригады крупные войсковые соединения. Каратели применяли артиллерию, танки. Над лесом проносились бомбардировщики и сбрасывали на предполагаемые скопления партизан бомбы. «Мессершмитты» на бреющем полете расстреливали из пулеметов жителей деревень. Гитлеровцам казалось, что Партизанский край лживидирован. Но фашисты просчитались.

Успешные удары партизан по гитлеровским гарнизонам, диверсии на железной дороге, совершенные отрядом Аникина, вызвали среди оккупантов переполох.

Вслед за отрядом Аникина, насчитывавшим, как и обещал Поруценко, сто бойцов, были созданы партизанские отряды Степана Лобановского, Ивана Медведева, Сергея Серанова, Ивана Смирнова. Они совершали смелые боевые налеты на фашистские гарнизоны, станции, колонны автомашин, вели открытые бои с карателями.

Подпольный центр развернул пропагандистскую и агитационную деятельность среди населения. Листовки со сводками Совинформбюро о наступлении советских войск на всех фронтах и с призывами вступать в партизанские отряды находили все более широкий отклик. Люди уходили в леса.

Руководители подпольных групп Евдокия Иванова, Николай Жуйкин, Лина Цвенская переправляли к партизанам сотни добровольцев. Много ценных сведений о передвижении войск противника, сосредоточении вражеских частей, количестве танков и орудий, о местонахождении аэродромов, складов с боеприпасами и горючим передавали радисты подпольного центра в штаб партизанского движения.

...В землянку штаба вошла радистка.

— Вам, из Ленинграда,— протянула она Поруценко маленький листок.

Этой радиogramмой руководитель подпольного партийного центра вместе с Александром Васильевичем Юрцевым отзывались в Ленинградский штаб партизанского движения.

Когда наступила ночь, через линию фронта перелетел легкий самолет. Совершив посадку на партизанском аэродроме, самолет взял двух пассажиров и вновь взмыл в черноту неба.

В Ленинградском обкоме партии и штабе партизанского движения Поруценко и Юрцев были приняты товарищами Ждановым и Никитиным. В их докладе говорилось о положении в тылу противника, формировании и действиях растущих отрядов межрайонного партийно-подпольного центра.

Через несколько дней Поруценко и Юрцев вернулись на свою базу в тылу врага.

В землянке были собраны все командиры и комиссары партизанских отрядов. Александр Георгиевич зачитал приказ начальника Ленинградского штаба партизанского движения Никитина, в котором отмечалось, что Дедовичский межрайонный партийный подпольный центр провел большую работу по организации партизанских отрядов из местного населения (общей численностью свыше 500 человек), что на базе этих отрядов создается Тринадцатая Ленинградская партизанская бригада. «Командиром бригады назначается Александр Васильевич Юрцев. Комиссаром бригады утвержден Александр Георгиевич Поруценко»,— говорилось в приказе.

— Итак, товарищи командиры и комиссары,— произнес комбриг Юрцев,— отныне вы партизаны Тринадцатой Ленинградской партизанской бригады. Сообщите об этом во всех отрядах.

В тот же день были сформированы новые партизанские отряды. Медведев, Аникин, Серанов, Смирнов, Ефимов, Хайруллин были назначены их командирами. Комиссарами отрядов стали Лоханов, Грибинюк, Логинов, Черных, Суворов, Богданов. Уполномоченным комиссара бригады по связи с подпольщиками был утвержден Иван Анисимов. Василий Осокин возглавил штаб бригады. Работу по печатной пропаганде и агитации среди населения командование поручило партизану-журналисту Константину Обжигалину.

В бригадную разведку вошли 50 самых выносливых и опытных партизан. Командиром разведчиков был назначен Степан Лобановский.

Внимательно обсудили кандидатуры командиров рот, начальников штабов. Участники многих сражений, пользующиеся большим авторитетом у партизан коммунисты

Петров, Соболев, Козубаев, Строминцов, Чернышев, Михайлов, Степанов, Филиппов, Алексеев, Кречет, Остапенко и другие были назначены политруками рот новых отрядов, а Анатолий Шебаршин утвержден политруком бригадной разведки.

Очень важную партизанскую службу — санитарную часть — возглавил врач Мясников. Был создан отдел материально-технического обеспечения, руководство которым поручили Ивану Ивановичу Половине.

В течение одного дня новая партизанская бригада была полностью сформирована.

Незаурядным хозяйственником оказался Иван Половина. Подобрал людей, он за короткое время построил землянки, тайные хранилища оружия и продовольствия. По его проекту была построена подземная пекарня с хитроумным дымоходом.

Разведчики Лобановского взяли под наблюдение военные объекты противника: засекалось время смены караулов на мостах, у складов, в гарнизонах. Изыскивались наиболее удобные места для засад.

Партизанские отряды вскоре провели успешные боевые действия у поселков Дедовичи, Паревичи, Алексино. Роты и группы произвели внезапные налеты на гарнизоны и охрану в Плотовце, Леманцах, Зуеве, Судоме, Баткове, Минине, Ясках, Клинце и в других местах.

Бригада быстро росла. Вскоре в ее составе насчитывалось свыше тысячи партизан. Строились новые землянки в Серболовском лесу.

...Однажды нами было получено секретное донесение от руководителей подпольной группы. В штабную землянку немедленно вызвали заместителя комбрига по материально-техническому обеспечению Ивана Половину. Он получил приказ собрать всех свободных от боевых дел людей и в нескольких километрах от партизанской базы в глухом лесу срочно построить 200 шалашей и несколько землянок.

— Даем одни сутки на все строительство. Понял, Иван? — спросил Юрцев.

— Больно малый срок... — начал Иван Иванович.

— Так надо! Завтра к этому часу доложить, что приказ выполнен.

На санях и лыжах в намеченный участок леса двинулось около 200 человек. За сутки городок был построен. Сюда привезли продукты, одежду, оружие.

Для какой же цели так срочно, в зимнюю стужу, был построен этот большой партизанский лесной поселок?

Все станет ясным, если прочесть один из пунктов краткого отчета о действиях Тринадцатой Ленинградской партизанской бригады товарищу Никитину.

«В ночь на 13 января 1944 года партизанскими отрядами 1, 6, 14, 24 произведен налет на гарнизон противника в деревне Крючково, охранявший лагерь населения, предназначенного для угона в Германию. Гарнизон противника разгромлен, уничтожено 125 солдат. Сожжено 4 барака, 4 склада с продовольствием, склад с боеприпасами и вооружением, склад с обмундированием, столовая, конюшня. Освобождено мирного населения до 3000 человек».

Вот эти женщины и дети, вызволенные из неволи, и были спрятаны в поселке, который предусмотрительно построили партизаны в глухом лесу.

Немало ярких страниц в историю партизанского движения на Псковщине вписала бригада. С подходом частей нашей армии ее отряды участвовали в освобождении районных центров Дедовичи и Пожеревицы, полустанка Судомы. Вот, например, как были освобождены Пожеревицы.

...Суматоха и необычная настороженность ощущались повсюду. Фашисты не скрывали своей тревоги. Сегодня по условленному сигналу они уже в третий раз бежали к месту сбора. Поснившие от холода гитлеровцы выстроились в четыре шеренги на окраине районного центра Пожеревицы. Батальон войск «СС», входивший в состав Пожеревицкого гарнизона, стоял на ледяном ветру. И не знали фашисты, что за каждым их шагом в поселке наблюдают в бинокли зоркие глаза.

На шоссе стояла большая колонна грузовых автомашин с прицепами, загруженными до верха бортов военным имуществом. Гарнизон в составе четырехсот солдат и офицеров готовился к эвакуации из Пожеревиц. Батальон войск «СС» вместе с частями отступающей гитлеровской армии должен был задержать здесь дальнейшее продвижение советских войск. Фашисты готовились к длительной обороне.

Бои шли еще далеко от Пожеревиц. Поэтому подготовленные гитлеровцами окопы еще не были заняты, солдаты жили в казармах.

Вечером, когда колонна грузовиков приготовилась двинуться на запад, партизаны начали атаку. Улицы поселка прошивали пулеметные и автоматные очереди. Зазвенели оконные стекла, погасло электричество, загремели взрывы гранат.

Фашисты открыли беспорядочный огонь. Стрельба — то активная, то затихающая — продолжалась почти всю длинную зимнюю ночь.

Рассвет тоже не принес фашистам утешения. Прорбитая разрывными пулями радиостанция молчала. Телефоны бездействовали. Гитлеровцы предприняли несколько попыток объединиться для организованной обороны, но плотный огонь прижимал их к земле. И только на рассвете следующего дня оставшимся в живых эсэсовцам удалось выйти из окружения. И не предполагали фашисты, что их гарнизон держал в осаде не парашютный десант советских войск, а группа партизан численностью не более ста человек...

— Прорвались-таки! — произнес разведчик Тимофей Ефимов, рассматривая следы на снегу.

— А если узнают, сколько нас, могут вернуться, — сказал Лобановскому командир 28-го отряда Аникин.

— Это вполне возможно, — согласился командир разведки. — А поэтому пусть Кайченко со своим отрядом займет оборону, а тем временем ты с ребятами поищи «языка»... Да вот и «язык».

Вдоль домов, прижимаясь к стенам, шли два фашистских солдата. Вслед за ними шагал с автоматом в руках комиссар 28-го отряда Суворов.

— Забирайте, командиры, «продукцию». Можно сказать, прямо из холодильника. Лежали на снегу под воротами... Там еще пятерых ведут наши ребята. На чердаке прятались.

— А что с ними делать? — спросил Кайченко. — Куда нам их?

— Как куда? — удивился Лобановский. — «Языки!» Для Красной Армии. Будем держать Пожеревицы до прихода наших войск.

В это время на окраине Пожеревиц раздались автоматные очереди и одинокие пистолетные выстрелы. Это командир роты Поповский с группой партизан обнаружил с десятков фашистских солдат, спрятавшихся в коровнике.

Как и предполагал Аникин, вышедшие из окружения эсэсовцы, разобравшись в ситуации, бросились в атаку, стремясь вновь овладеть Пожеревицами.

Но фашисты никого не застали врасплох. Группа партизан во главе с начальником штаба отряда Андреем Черных зашла во фланг врагу и внесла большое смятение в ряды наступавших.

А в это время политрук Степанов бежал к Аникину, размахивая шапкой:

— Наши идут! Гляди! Наши!

В Пожеревицах встретились партизаны с воинами 23-й стрелковой дивизии 2-го Прибалтийского фронта.

Это было 26 февраля 1944 года.

Из сообщения о боевых действиях Тринадцатой партизанской бригады в отдел пропаганды ЦК ВКП(б): «Крупное соединение ленинградских партизан под командованием тов. Юрцева и тов. Поруценко в 13.00 26 февраля 1944 года с боями овладело районным центром Ленинградской области Пожеревицы и железнодорожной станцией Судома, которые удерживало до прихода Красной Армии. Другая часть этого же соединения вместе с передовыми частями Красной Армии 25 февраля 1944 года участвовала во взятии районного центра Ленинградской области и железнодорожной станции Дедовичи. Партизанами захвачены трофеи и документы.

М. Никитин, начальник Ленинградского штаба партизанского движения.

Майор В. Антоненко, ст. помощник начальника оперативного отдела штаба».

За отвагу в боях и проявленный героизм сотни партизан бригады были награждены орденами и медалями.

За создание крупного партизанского соединения в тылу врага, активные боевые действия и личное участие в боях, за проявленное мужество и отвагу командир бригады Александр Васильевич Юрцев и комиссар бригады Александр Георгиевич Поруценко награждены орденами Богдана Хмельницкого I степени.

*Г. Акмолинский,
в 1943—1944 гг. начальник политотдела
Тринадцатой Ленинградской партизанской бригады*

ПАРТИЗАНСКИЕ БУДНИ

«Концерт»

В ноябре 1943 года на базе 3-го полка Третьей бригады имени Германа была создана Десятая Ленинградская партизанская бригада. Первое задание бригаде было — вывести из строя железную дорогу на участке Новоселье — Молоди.

В путь мы тронулись поздно вечером. Шли по трое, по четверо, обвешанные оружием, взрывчаткой, гранатами. Сзади — повозки. Лошади от натуги фыркали и тяжело шлепали копытами по лужам и густой осенней грязи, перемешанной со снегом. Мимо колонны то и дело проезжали всадники.

В таком большом походе мы были впервые. Мы — это Сергей Карпов, Иван Анкудинов и другие мои односельчане и сверстники. Сергей высок ростом, немного горбится от груза, идет крупными шагами, отчего голова его ритмично покачивается на фоне сумеречного неба. Иван невысок, плотен, широкоплеч. Он улыбается и норовит вернуть в разговор прибаутку, на которые большой мастер. Наш командир отделения Лисицын покривает:

— Не растягиваться! Шире шаг!

В темноте миновали родную деревню Засеки. Для нас эта местность хорошо знакома. Здесь прошли детские годы, юность. Деревня цела, но мертва. Ни огонька, ни дыма, ни собачьего лая. Только черные глаза окон, провожая нас, рассматривают ленту партизанской колонны.

Колонна поворачивает в лес, мы ныряем в немую темноту. Только слышен сзади перестук колес. Пройдя с километр, остановились на отдых. К нам подошел мальчик с автоматом на груди. Это был наш друг Гаврик Поляков. Он связной у командира роты Медведева. Ему лет тринадцать-четырнадцать.

Увидев его первый раз, я поразился: ну зачем таких мальчишек берут в отряд? Его, видимо, и не взяли бы, да больно уж трудная у мальчика судьба: все родные погибли. Отряд стал ему семьей, родным домом. У Гаврика нет переднего зуба, отчего говорит он с присвистом и немножко картавит. Маленький, скорый на выполнение любой команды, на редкость исполнительный и добродушный, он всем нам понравился с первой встречи.

В голове отряда замечаю фигуру знакомого мужчины.

— Сергей, смотри-ка. Никкак твой отец?

— Он! Как попал сюда? — недоумевал друг.

Вернулся Сергей довольный: переговорил с отцом и кое-что узнал о доме.

— Его попросили провести отряд к Красному мосту, где мы будем переходить железную дорогу, — разъяснил он.

Мы снова молчим и рассматриваем знакомые места. Справа лес, куда ходили за ягодами, в тех кустах мальчишками рвали орехи, а здесь копали картошку и бегали в горах.

Следующая деревня — Речки. Вместо домов — груды развалин.

— Гады, сожгли и эту деревню! — услышал я злой выдох Сергея.

За деревней — мост. Он разрушен. Перепрыгиваем с камня на камень по руслу реки и взбираемся на широкую поляну, окаймленную кустами. За ними плотно железной дороги.

— Не разговаривать! Не курить! Соблюдать дистанцию! — передаются по цепи приказы.

Мы видим, как дядя Вася, отец Сергея, осторожно проходит вдоль кустов к насыпи.

Перебежками и ползком рассыпаемся вдоль полотна. Оно поднялось ровной темной полосой. Снизу насыпь кажется еще выше. Бруствер, поросший кустами, надежно укрывает нас, а ветер, щелкая обмерзшими ветками, заглушает шорохи.

Начало операции — по зеленой ракете. Знаем, в полкилометре казарма, впереди вверху — охрана моста. Там пулеметное гнездо. Присмотревшись, видим, как два немца медленно идут по шпалам. Ветер треплет их шинели, мелькает огонек сигареты. Трудно представить, что здесь, где шумит река и ветер с присвистом играет

кустами, на несколько километров цепью лежат люди. Вижу справа под широким кустом соседа, а слева, у кучи хвороста,— другого. Все изготовились к броску. Сотни людей впилась глазами в насыпь и оценивающе прощупывают каждый метр дороги.

Патрули прошли две-три сотни метров и повернули обратно. Слышны обрывки фраз. Остановились, слились в одну тень, по-видимому, переговорили о чем-то...

«Неужели заметили?» — мелькает мысль. Нет! Пошли дальше. Не знают эти два солдата, что они у нас на мушке.

Мое задание простое: попытаться зажечь будку-казарму, подорвать столб, разбить изоляторы, оборвать провода и, взобравшись на насыпь, взорвать шесть рельсов. Всего шесть. Потому что у меня всего семь кусков тола. Больше нет. Всем досталось по семь желтых, размером с кусок хозяйственного мыла, «гостинцев».

Пощупал в вещмешке эти куски с дырочками сбоку, заодно проверил капсулы, которые лежали за отворотом зимней шапки,— все было на месте.

«А как же сигарки? — подумалось мне. — Целы ли?» Лисицын советовал поджигать бикфордов шнур не спичкой, а огнем сигарки. Спички на ветру да при сырой погоде могут подвести.

У меня заранее приготовлено несколько «козых ножек» из сухого толченого мха. Когда пробовал — горели хорошо и долго. Лежат они под шапкой на голове. Там же и коробка спичек. Чувствую, как спички тихонько шуршат на макушке, и это успокаивает.

Сзади легкий шорох. Это Гаврик тенью промелькнул к Лисицыну. Сергей ворочается рядом. Мы продрогли. Одежда вся мокрая. По телу волнами пробегает дрожь. После каждой такой «волны» вроде бы теплее.

Как ни ждешь ракету, она все-таки фыркает неожиданно. Зеленый фонарь рвет темноту ночи. Заискрились огоньки и стремительно помчались на нас. Защелкали кусты, и сочные звуки всплесков запрыгали вокруг. Справа тотчас же длинными трассами полетели светлячки, кусты наполнились фырканием и резкими хлопками взрывов.

Разворачиваюсь и пускаю очередь зажигательными в темную массу казармы. Но она не вспыхивает, не загорается. Выпустил обойму — бесполезно, не горит. «Черт с ней!» И вместе со всеми подкатываюсь к насы-

пи. Слышу, что клетот пулемета смолк — сбили его автоматными очередями.

Вот и столб. Над головой широкий пучок проводов. Привязываю к столбу тесемкой тол и сую капсюль шнура в отверстие, хватаю шапку, вынимаю «козью ножку», спички и чиркаю о коробок. Ага! Вспышка. Сергей распахивает пальто, бережно прикрывая огонек, а я делаю затяжку. С тихим треском разгорелся кончик цигарки. Ткнул ею в конец шнура, оттуда выскочила голубая струйка дыма с иголочкой огня и, зашипев, полезла внутрь.

— Отбегай! — крикнул Сергей.

Всплеск огня — и щепки разлетелись по сторонам. Рядом рванули соседний столб, и мой, зазвенев, полетел под откос. Провода с визгом свиваются в спирали и исчезают в темноте.

— Быстро наверх! — кричит Лисицын.

Мы на четвереньках карабкаемся по откосу, но он мокрый, скользкий, холодный. Не удержавшись, сползаю вниз. Хорошо, что цигарку держал в зубах, будь в руке — погасил бы. Справа и слева ползут на насыпь ребята. Сергей выскочил первым и подал сверху холодную мокрую руку.

Вижу, как Чемирилов стремительно перескочил дорогу и, пригнувшись, побежал к дзоту. Взмах руки — и граната нырнула в амбразуру. Из щели брызнул свет и повалил густой белесый дым. Теперь на полкилометра до казармы никаких вражеских огневых точек не осталось. Молодец Чемирилов!

Мы — крайние на правом фланге. За нами никого нет. Только рельсы убегают в темноту. Зато слева идет жаркий бой. Факелами вспыхнули казармы. Они горят ярко и беспокойно. Пулеметные и автоматные очереди вперемешку с эхом бушуют в воздухе. Мы различаем в этом гуле редкий лай немецкого пулемета. Его очереди прерываются частой, как треск разрываемой парусины, строчкой наших автоматов. Насколько хватает глаз, полотно дороги усыпано фигурами партизан.

Пока Чемирилов готовит взрыв дороги, мы бросаемся к стыкам рельсов, кладем по куску тола с заранее вставленным бикфордовым шнуром и поджигаем его. Стремительная шипящая струйка голубого дыма с резким запахом серы вьется по земле. Мы отскакиваем влево, в сторону невзорванных рельсов, криком

предупреждая остальных, и повторяем операцию вновь. Не успеешь иной раз наклониться для нового заряда, как оранжевая вспышка размером с футбольный мяч ослепит глаза. С визгом рельсы летят под откос.

У некоторых ребят погасли сигарки, и мы изменили тактику: Чемирилов стал поджигать заряды, разложенные ребятами, под одной ниткой рельсов. Поляков взял вторую. Третью — я, а четвертую — кто-то еще.

Очень любопытно прикоснуться огоньком до шнура и услышать шипение. Было немножко и страшно: все время почему-то казалось, что огонек убегает внутрь быстрее, чем нужно. И только слова Лисицына, сказанные при обучении, успокаивали. Он уверял, что длина шнура рассчитана почти на минуту горения.

Азарт боя, радость удачи и мальчишеское вдохновение охватило нас. Все ярче и ярче разгоравшиеся заряды освещали окрестность. С высоты насыпи мы видим соседнюю деревню, кромку леса, широкое ровное поле.

— Спуститься вниз и цепью переходить поле! — приказал Лисицын.

«И это все? Так быстро?» — удивился я.

И вдруг со стороны Струг Красных поле перерезал яркий прожекторный луч. Захлебнулись в говоре автоматы, ударила пушка, взметнулись султаны земли. Луч, как нож, резал темноту. Если он замирал — туда роем летели огоньки трассирующих пуль. Как мы узнали впоследствии, немецкий бронепоезд все-таки проскочил в зону действий партизан. Бронированная махина обрушилась на хвост нашей бригады. Правда, обозы были уже переправлены и основные силы перешли дорогу, но заградительному отряду пришлось туго, так как никаких средств борьбы с бронепоездом у партизан не было.

Через полчаса отряды собрались в походную колонну.

— Приготовиться к маршу!..

В открытом бою

Январское солнце медленно, как бы нехотя, выходило из-за горизонта. Оно окинуло сонным взглядом снежные просторы полей и опустевшую в этот час улицу деревни Большое Юрково.

Когда совсем рассвело, над деревней появился легкий разведывательный самолет, прозванный за длинные шасси «лапотником». Самолет крутился на небольшой высоте. Летчик, пытаясь лучше рассмотреть расположение партизанских окопов, высовывался почти до пояса, переваливаясь то на одну, то на другую сторону кабины. Вряд ли он что-либо увидел — наши окопы были прикрыты соломой, и за ночь их замело снегом.

Зная приказ «Не выходить из домов и не стрелять!», мы находились в избах, а обоз упрятали под крыши дворов. Назойливый и юркий самолетишко то снижался, проносясь вдоль улицы, то уходил ввысь, показывая кресты на плоскостях.

Группа партизан из роты Медведева, провожая взглядом вертлявого фрица, шутя упрашивала бронбойщика Чемирилова:

— Угости ты его!.. Да не стреляй, а стволом его, стволом ткни!

Вскоре Чемирилову разрешили «побеседовать» с летчиком с помощью длинноствольного противотанкового ружья. Фашисту не понравился «громкий разговор», и он сразу же убрался. Позднее подпольщики города Дно передали, что самолет был подбит и с трудом дотянул до аэродрома.

Так начался день 4 января 1944 года.

В то время наша бригада, имевшая в своем составе почти две с половиной тысячи партизан, действовала в районе Дновского узла шоссейных и железных дорог. Действия ее были успешны: разгромлен гарнизон в деревне Тресно, разбит железнодорожный полустанок Роща, взорваны мосты на шоссе Дно — Порхов, освобождены от угона в рабство тысячи граждан Солецкого, Порховского, Дновского районов.

Гитлеровцы организовали против бригады карательную экспедицию под названием «Солнцеворот». Из Дно и Пскова были брошены сильные пехотные части, артиллерия и самолеты. Ожесточенные бои шли за деревни Юрково, Сухарево, Костыжицы.

...Напряжение росло. То в одном, то в другом месте расположения отрядов вспыхивала перестрелка, взвивались сигнальные ракеты, ухали взрывы. Из деревни Юрково, как и из других окрестных деревень, население ушло в лес. По улице пробегали связные, из окна было видно, как по шоссе от Дно, нахлестывая лошадей,

промчались к центру села три всадника. Это наша разведка.

— Колонна фашистов вышла из деревни Скугры,— входя в избу, сказал командир отделения Лисицын и добавил:— Сейчас мы займем позиции, и я еще раз предупреждаю: не спешите, берегите патроны и не высовывайтесь зря из окопов! Если есть белый платок, набросьте на голову — не так будет заметна на снегу ваша шапка. И не забывайте после обстрела, налета или атаки посмотреть на соседние окопы: может, кто ранен. Если все в порядке — покачайте винтовкой. Ясно?

— Ясно, товарищ командир!

У нас в отделении большинство — молодые партизаны. Мы, конечно, волнуемся, хотя и не показываем виду. Все знают, что сегодня будет открытый бой. Раньше мы обычно устраивали налеты, засады и чаще — ночью, а сегодня нужно среди белого дня держать оборону.

Лисицын понимает наше состояние и старается подбодрить:

— В обороне легче, чем в наступлении,— сидишь себе в укрытии и ждешь. Только не торопись и точнее стреляй. Окоп — это маленькая крепость! — Командир поднял указательный палец в знак особой важности сообщения.

Мы осматриваем окопы, снимаем с них солому, относим ее подальше, чтобы не демаскировала, а затем один за другим прыгаем на дно своих солдатских «крепостей».

Понемногу обживаемся, прилаживая оружие, гранаты, приготавливаемся к стрельбе. Почва песчаная, и при каждом движении песок стекает вниз. Окоп вообще-то неглубок, и неплохо бы его подрывать, но сейчас уже поздно. Справа окопы поднимаются по склону на вершину холма и исчезают на другой его стороне, вкруговую опоясывая деревню. На самой вершине расположился Коля Прокофьев со своими друзьями Колей Голиковым и Лешей Ивановым — у них ручной пулемет.

Когда сидишь в отдельном окопе, вряд ли чувствуешь себя героем. Есть перед боем и тревога, и беспоконство, и страх, и внутреннее напряжение. А самое неприятное — одиночество. В траншеях его нет. Хорошо, что наши окопы просматриваются сбоку и видны соседи. Это успокаивает.

Мои соседи слева — братья Ивановы — перебрасываются шутками и сигналият друг другу. Справа Лисицын — как всегда, спокоен. Сейчас он сосредоточенно просматривает передний край.

Неожиданно у кустов, в километре от нас, остановились высокие крытые грузовики. Из них горохом посыпались солдаты. Они небольшими группами расползлись по поляне, вдоль кустов, вправо и влево.

В оптическом прицеле своей снайперской винтовки вижу грязные фигуры, медленно ползущие по чистому снегу. Все притихло. Притаилось.

Малое Юрково, что метрах в ста перед нами, — деревушка в несколько дворов. В ней оставлена головная застава — рота Богданова, но никакого движения там сейчас не видно.

Цепи гитлеровцев замерли — изготовились к атаке. И в этот момент в небе показались самолеты. Тотчас с переднего края противника в нашу сторону взметнулись разноцветные ракеты, и самолеты с визгом пронеслись над нашими головами. Взмывая в небо, они падали затем на крыло и один за другим выстраивались в карусель. На малой высоте самолеты как бы заискрились. Я не сразу понял, что это заработали их бортовые пулеметы.

Снежные фонтанчики исполосовали поле перед окопами. Мне показалось, что самолет падает прямо на меня. Кабина выросла так, что стал виден летчик. Но ревушая машина взметнулась ввысь. Вслед за ней стала падать вторая, и снежные смерчи запрыгали еще ближе. Фашисты крутились над головами, заставляя нас теснее прижиматься к родимой земле.

С высоты сорвался долгий пронзительный визг, перешедший в свист и закончившийся глухим ударом. Земля качнулась, и мощная взрывная волна пронеслась за околицу. Со стен окопа струйками потек песок. Снова истошный визг и удар. Над деревней взвился смерч из соломы, жердей, песка, бревен и досок. Все это (как при замедленной съемке кино) сначала растекалось в вышине, а затем, остановившись на миг, кувыркаясь, стало падать вниз — на вспыхнувший огонь. Густой черный дым заметался над деревней. Потянуло гарью и серой.

Бомба попала в хлев рядом с домом, где располагался штаб отряда. На счастье, там никого не было, кроме разведчика Васильева, сидевшего у окна. Волной

его выбросило на дорогу, и он (по его словам) не успел даже испугаться.

При каждом заходе самолетов вжимаюсь в стенки окопа. Запоздало жалею, что не отрыл его на положенную глубину. Присесть пониже не удастся. Небо превратилось в круглое, но все еще большое окошко.

Под шум бомбежки немецкая пехота поднялась в атаку. С холма видно, как гитлеровцы ползут по глубокому снегу.

Все выглянули из окопов и начали приспособлять оружие для стрельбы. Ивановы уже поочередно бухают из винтовок. Лисицын молчит — у него автомат, и стрелять ему пока нет смысла. А нам можно — достанем.

Когда сидел под огнем самолетов, казалось, что в живых, кроме меня, никого и не осталось — уж больно зло ревели и терзали землю стервятники. Теперь вижу — поднялись товарищи! И такая радость меня охватила, что начал сам с собой разговаривать: «И ничего ты, фашист, с нами не сделал! Не помогла тебе и авиация! Сунься теперь! Вот пристроим винтовочку поудобнее да заглянем в окошечко прицела... Ага, вот ты, голубчик. Ты в деревню спешншь — в Юрково, значит, в Малое?»

Вожу фашиста в крест прицела и жму на спуск... Перевожу окуляр навстречу новой цели. «Надо же, и этот торопится — сам на мушку пристроился! Вот вам «новый порядок»!».

Огонь с нашей стороны усиливается. Вражеские цепи залегли. Из-за кустов показывается бронетранспортер. Он открывает пулеметный огонь и приближается к деревне — наделает бед.

Сзади оглушительно бахает бронебойка Чемирилова. Транспортёр останавливается, с него сваливаются гитлеровцы и прячутся в снег. Чемирилов бьет еще раз, и пятнистая машина чадит густым дымом.

Шквал огня во второй раз останавливает цепи карателей. Кое-кто из них отползает обратно, кого-то тащат, но большинство остается на местах.

По цепочке передается команда: «Николаю Прокофьеву с пулеметом срочно на помощь к Богданову — командир роты приказал». Командиром роты был Новиков, однофамилец нашего комбрига Тимофея Антиповича.

Все с тревогой и волнением наблюдают, как, ныряя в снег, ребята проскакивают полянку и ловко лавируют

меж горящих построек. Вот они появляются у крайней избы, похожей на большой костер, вот падают на прогалину, сливаясь с прошлогодней травой, и открывают огонь.

В этот момент сверху опять сваливаются самолеты. Они сначала обрушиваются на богдановцев, затем принимаются за нас. Опять вспыхивают постройки, опять ухнет земля.

Богданов со своими отходит. Пулемет Прокофьева надежно прикрывает их. Нам из окопов хорошо видны фигуры отходящих партизан. Идут медленно. Некоторых несут.

Второй заход самолетов я перенес легче. Только однажды охватило холодом: после очередного приседания на дно окопа пытаюсь открыть затвор, а он не открывается. Бью ладонью по рукоятке и со скрипом отвожу затвор понемножку назад. В паз попал песок. А фашистская цепь рвется к деревне... Утопив спусковой крючок, выбиваю затвор. Но протереть нечем. Машинально облизываю его маслянистую холодную поверхность и, продув паз, загоняю на место. Повторил пару раз эту процедуру и чувствую — затвор пошел легко.

Обеспечив отход группы Богданова, Прокофьев со своими помощниками отползает к нам.

Гитлеровцы, заметив ослабление огня, вновь пошли вперед. Некоторые уже проскочили за дома и прикрылись постройками. Удивительно, что пулеметчики не торопясь поднялись на холм и их никого не зацепило.

Фашисты заняли опустевшее и пылавшее Малое Юрково. Выстрелы стали все реже и наконец стихли. Зато шум пожара возрос за спиной — гудит пламя, трещат бревна, падают кровли.

Лисицын, вижу, машет рукой, привлекая внимание. Показывает — мол, перерыв на обед. Котомка изрядно подмокла и напесочилась, но сухари и сушеное мясо не потеряли вкуса. Только толовая горчинка все еще держится с недавнего «концерта» на железной дороге.

Оглянувшись, вижу, как от деревни бежит Гаврик, наш Гаврош, связной командира роты.

— На-ка, держи патрончики! — и опускает в окоп синеватый оцинкованный ящик, а сам смотрит с улыбкой, озорно и приветливо. Нагребаю несколько горстей холодных и липких патронов.

— Ну как тут у тебя?

— А что у меня! Сижу, спрячусь от самолетов, а теперь вот обедаю. А как там дела?

— Атаки отбили. Потерь немного. Будем держаться до ночи.

— Командиры все целы?

— Все. Ну пока! Побегу дальше. — И наш Гаврош прошмыгнул к следующему окопу.

Затишье тянется долго. Понимая, что напрямую в село не прорваться, каратели понемногу накапливаются на правом фланге, где кусты ближе всего подходят к деревне.

После того боя Николай Прокофьев рассказывал:

«Мы сразу догадались, что они затевают новую атаку. Приготовились. Я перед атакой всегда волнуюсь, хотя и пулемет проверен, и с дисками все в порядке. Говорю Леше Иванову: «Ты понаблюдай за ними, а я пока посижу в окопе. Вон до того кустика дойдут — скажи».

Я сел на дно, уперся локтями в колени и закрыл глаза. Сижу. Слышу все. Вот они развернулись в цепь, дали ракету... Идут по кустам...

Всегда трудно удерживать себя, хочется скорее открыть огонь. Но бить надо наверняка, с лучшей дистанции.

Слышу — вот они вышли из кустов на поляну... Еще немного...

— Николай, пожалуй, пора! — торопит меня Алексей.

Я поставил пулемет и не торопясь повел длинную очередь вдоль кучной цепи фашистов. Кто упал, кто развернулся и пытался бежать. Ни один не ушел. Так на поле перед кустами и лежали... Ну, конечно же, не я один... Там такая пальба поднялась»...

Наш фланг на этот раз молчал. Атака шла за холмом, но мы видели, как слаженно работают пулеметчики. Диск, казалось, сам прыгал на «дегтярь», и из раструба сразу же вылетали язычки пламени.

Николай Прокофьев продолжает свой рассказ:

«Только это я немного успокоился, а Голиков отщелкал патронами, набивая диски, как опять прибежал связной: «Давай скорее к Новикову!» Мы хватаем свою «машину» и к командиру роты. Он ждал нас у каменной клетки: «Немцы прорвались к деревне! За мной!» — и бросился в край села. А все горит, жарко. Выскочили

за деревню и с ходу падаем на накатанную дорогу. Впереди, совсем рядом, густо идут фашисты. Завожу короткими очередями, но не сдерживаюсь и запускаю на полный ход, а сам думаю: «Надо же, как близко подошли!»

«Прокофьев, прострочи-ка в эту сторону», — просит Новиков. И я разворачиваюсь в ту сторону поля, куда показывает командир роты. Оказывается, немцы начали атаку и с другого конца деревни. Они поставили пулемет на повозку и, поливая наших огнем, пытались проскочить, чтобы зацепиться хотя бы за первый дом. В общем, мы вовремя подоспели»...

Как ни тянулось время, но вот солнце зацепилось за горизонт. По мере того, как гас дневной свет, все ярче разливался по окрестностям багрянец пожара. Пламя стало выше, белее и искристее.

Ночь... Партизаны так говорили: «Если земля и леса укрывают нас в пространстве, то ночь — во времени».

Получив отпор со всех сторон, каратели новых атак не предпринимали, только изредка беспокоили пулеметным огнем.

От окопа к окопу проскакивает связной командира роты:

— Отходить по одному, собираемся у церкви.

Вспоминаю наставление Лисицына: «Если начал отходить — не беги долго. Сделай бросок и ложись. Посмотри, откуда стреляют — бей туда, отвлекай, дай отойти товарищам». Поднимаюсь после Ивановых, но, сделав шаг-другой, падаю от боли в ногах — их свело от долгого неудобного сидения. После следующей перебежки просматриваю Малое Юрково и вижу, что из-под угла бани искрит пулемет в сторону хдлма. «Так вот ты где! Хочешь прижать наших ребят». В оптическом прицеле искорки засверкали ярче и ближе. Мои трасирующие пули ныряют под угол баньки.

Мне казалось, что, заметив наш отход, каратели по пятам начнут преследование. К великому моему удивлению, деревня была полна партизан. Они собрались группами, разговаривали, смеялись, выкрикивали команды, а главное — не торопились. Рота наша тоже собралась не сразу, и мы, прислонившись к стенке каменной клетки, успокаиваем тяжелое дыхание. Лисицын проверяет личный состав, а мимо нас проскакивают

всадники, повозки. И все это делается как-то весело и даже красиво, хотя сквозь пламя иногда проносятся стайки тراسсирующих пуль.

— Где Медведев? Кто видел Медведева? — это голос связного.

— Здесь я!

— Выходить и ждать за деревней у сараев!

И мы идем по улице. Она ярко освещена пожарами. Печет так, что закрываем лица варежками. Снег мокрый и рыхлый.

Отряд остановился у сараев. Мимо нас проходили, проезжали, не спеша и без паники, сотни людей. Никогда не видел столько вооруженных партизан и никогда не представлял, что нас так много. И только тогда понял, почему все так спокойны, почему каратели не бросаются вслед за нами: не так-то просто нас сломить!

Деревня горела все ярче и торопливее. Обгоревшие бревна построек, как ребра скелета, просвечивались насквозь, а потом обваливались, взметая тучи искр.

Горловина темных кустов проглотила ленту партизанской колонны. Густо, тяжелыми хлопьями повалил снег. Это и неплохо. Во всяком случае, поможет тем, кто отходит последним.

Желая повидать друзей, убедиться, что все живы, иду вдоль колонны. И, к великому удивлению, вижу в ней... немцев. Еще удивительнее, что никаких конвоиров с ними нет. Спрашиваю их по-немецки:

— Вы как сюда попали?

— Мы военнопленные... Мы не немцы, мы голландцы из рабочей команды. Мы ненавидим фашистов и не хотим к ним,— заговорили они наперебой, как будто я предлагал им вернуться к гитлеровцам. Жестикулируя, путая свои слова с немецкими, они рассказывали, как их притесняли фашисты. Одежда на них была, прямо скажем, не по сезону. Выглядели они беспомощно и жалко.

— Камрад,— обратился молодой голландец,— помогите мне, пожалуйста, не могу я больше идти,— он пошевелил голым пальцем ноги.

Догоняю знакомого ездового и прошу:

— Знаешь, возьми еще одного человека — совсем босой!

— Ты же видишь, как я перегружен?

— Один человек не изменит положения, возьми!
— Ладно, пусть идет.
Останавливаюсь, ожидаю пленных.
— Пойдем побыстрее, там есть место на санях,—
говорю голландцу.

Он сел, закутав ноги шинеленкой.

...Колонна извивалась по холмам и перелескам. Метель снежным хвостом накрывала наши следы. К утру бригада заняла новые позиции у поселка Павы.

В засаде

Январским вечером 1944 года отряд партизан выехал за околицу стругокрасненской деревни Раменье и направился к шоссе Ленинград — Псков. Лошади бежали резво. На передних санях ехал командир роты Александр Медведев. Рядом с ним сидели связной Гаврик, командир взвода Мязин и пулеметчик Горев. Обоз замыкал взвод из роты Новикова. Пулеметчиком там был Прокофьев.

В наших санях, свернувшись калачиком, лежала медсестра Нина. Подсунув сумку с красным крестом под голову, она дремала под монотонный скрип полозьев. Рядом с нею, вытянув ноги и упершись спиной в передок дровней, сидел плечистый парень с крупными чертами лица — наш пулеметчик Миша Степанов. Он плоховато слышал, отчего бывал тих и медлителен. Его «дегтярь», смотревший раструбом в небо, ритмично покачивался на ухабах. Сзади сидели трое: командир Матвей Лисицын и мы с Богомоловым — бойцы его отделения.

Матвей невысок, кряжист и плотен — из тех, кто «ладно скроен и крепко шит». Они с Мязиным большие друзья — побратимы: вместе служили на границе, а потом пережили отступление, ранение и плен. Вместе бежали из псковского концлагеря в Крестах.

Очень холодно. При вдохе обжигает горло, и мы дышим через варежку. Мороз потихоньку влезает под пальто, забирается в сапоги. Сани встряхивает, качает из стороны в сторону на поворотах. Лисицын в этих случаях наваливается на меня. Когда мы, казалось, окончательно замерзли, услышали голоса ездových:

— Тпру-у-у! Приехали!

На поляне в густом лесу разворачиваем лошадей и загоняем их под деревья. Строимся в колонну. Кто приплясывает, кто похлопывает себя по бокам. Подталкиваем друг друга плечами — согреваемся.

До шоссе еще несколько километров. По узкой глубокой тропе цепочкой петляем по лесу. Сюда мы идем уже в третий раз. Вскоре движение замедляется, и меня подзывает Лисицын.

— Будешь связным у Мязина.

«Связным так связным,— подумалось,— жаль только, что не придется пострелять из снайперской винтовки».

Впереди шоссе. Справа — деревня Николаево, слева — Лудони.

Мязин останавливается под деревом. Здесь и Нина. Она в шапке, коротенькой шубке и белых валенках. При лунном свете она выглядит Снегурочкой. И странно видеть — в лесу, зимой, за полночь — девочку, разрывавшую снег и приготавливавшую незатейливый окопчик. Помогаю ей и присаживаюсь рядом.

Мы знаем — гитлеровцы ночью по шоссе не ездят, отучили партизаны,— поэтому тихо беседуем. Война — войной, а молодость — молодостью. Мне нравится эта девушка, хотя она и не догадывается об этом.

— Знаешь, Нин, не приведи и помилуй попасть к такой медичке, которая касторку от йода не отличает,— шепчу ей и получаю в ответ сильный толчок в спину. Падаю головой в сугроб, а она пытается еще насыпать мне снегу за воротник.

До рассвета еще далеко, и Мязин не останавливает нашу игру. А мне радостно от соседства с девушкой.

— Ты в Юркове пришла к нам?

— Да. Сходила в штаб, упростила.

— А как отец и мать, не отговаривали?

— Отец промолчал, а мама, конечно, плакала, просила не уходить. Не могла же я дома сидеть и ждать, когда нагрянут фашисты. Еще в Германию угонят!

Она помолчала, вспоминая родителей, и добавила:

— Тут наших девочек много. И ребята наши в отряде. Уж лучше смерть со своими на родине, чем... Иди, тебя командир зовет.

— Сбегай к Лисицыну и узнай, как у него дела. Да пусть проверит маскировку. И напомни о сигнале, по которому начнем обстрел. Понял? — сказал командир.

Шоссейная дорога белой лентой рассекает лес. Под елями в тени, кто лежа, кто сидя, расположились ребята.

Лисицына вначале я и не заметил, пока Миша Степанов, что сидел, опершись на ручной пулемет, не показал на дерево, стоявшее у дороги. Лисицын был краток:

— К бою готовы. Все, иди!

Лес стоял безмолвный и нарядный в снежном убранстве. Ни звука, ни движения, ни огонька. Ничто не выдавало партизанской засады. Как будто никого тут и не было.

Доложив, попросил Мязина:

— Разрешите залечь у дороги — надо же снайперскую винтовку попробовать в засаде.

— Ладно, — подумав, сказал взводный. — Только не забудь о сигнале.

Подмигиваю Нине и бегу к опушке. Ногою отрываю в снегу ячейку.

Кажется, неплохо. Можно наблюдать за шоссе и справа, и слева. Вот только елочка впереди мешает обзору. Осторожно, чтобы не сбросить снег, обламываю ее нижние лапки, рукавицей заглушая треск сучков. Теперь все в порядке — сектор обстрела широкій. Всеї колонны не увижу, но и на этом участке мне целей хватит...

Вдруг донесся далекий и неясный шум. Он пробежал по лесу, как легкий ветер. Шум усиливался. Вдавливаю себя в снег и замираю. Обычно впереди колонны идет или танк, или бронетранспортер. Вспоминаю наказ — все первые машины пропустить и ждать взрыва фугаса, что заложен дальше по дороге. Начинать только по сигналу. Только по сигналу!

А лес все шире наполняется ревом и лязганьем.

Нетерпение и напряжение отогнали холод.

Вот медленно проплыл бронетранспортер. Смотрю поверх своей оптики и не шевелюсь — эта машина не моя. Спиной к спине, с пулеметами и автоматами наизготовку, сидели солдаты в следующей машине. Вот прошли громоздкие тупорылые грузовики под брезентом, проплыла спина легковушки. Машины спокойно проходят одна за другой, оставляя в чистом воздухе запах бензина и снежную пыль.

В крест прицела вошла кабина грузовика, и в это время впереди прогрехотал взрыв. Это сигнал!

Мне не пришлось даже перемещать прицел — прямо в окуляр с ужасом глядел шофер. Нажимаю на спуск, и фашист, дернувшись, пополз по баранке руля. Щелчок затвора — и перевожу прицел на соседа. Но что это? Его уже нет. И дверь закрыта. Нырнул, значит, вниз. Возьмем пониже... Прошиваю левую часть кабины. Опять щелкаю затвором, пускаю три пули вдоль кузова, где наверняка лежат фашисты, и втыкаю новую обойму.

Неожиданно «мой» грузовик окутывается черным дымом, и только теперь слышу, как весь лес грохочет длинными очередями пулеметов и автоматов, взрывами гранат. Перекидываю взгляд на соседнюю машину и ловлю на прицел выскакивающих фашистов. Моя елочка встряхнулась и разделась. Летят брызги коры и мелкие щепки. Включился миномет. Визг мин приближается сверху к затылку. «А-а-а-х! А-а-а-х!» — отзывается лес. Зашипела ракета. Вскрываю и бегу в ельник, к Мязину. В отдалении от дороги поросль реже. Вижу, как справа и слева качаются и ныряют в снегу фигуры отходящих партизан. Мины ритмично взвизгивают и трещают, но не вызывают страха — фашисты ведут неприцельный, «психический» огонь, да и лес заботливо укрывает нас.

Бойцы стекаются к просеке. Возбужденные и разгоряченные лица друзей. Все ли живы? Вот Лисицын и Мязин. Замечаю Степанова, Гаврика, Прокофьева. Слышно тяжелое дыхание, скрип снега да приглушенный кашель уставших людей. Лес постепенно затихает.

На перекрестке просек Мязин останавливает меня:

— Останься здесь. У тебя оптика — понаблюдай, не пересекут ли фашисты просеку. Лошади, знаешь, где стоят?

— Знаю.

— Минут через десять догонишь. — И Мязин побежал к взводу.

В окуляр просматриваю уходящую вдаль ленту просеки — все безмолвно и неподвижно.

Со стороны нашей стоянки вышли двое, идут в обратном направлении.

— Не видел, не проходил Кузнецов? — спрашивают меня. — Медведев приказал найти его в любом случае. Наверное, ранен...

...Партизанские тропы всегда полны неожиданностей. Оказалось, и этот бой еще не кончен. Команда гитлеровцев сумела незаметно подойти к стоянке наших лошадей.

Некоторые подробности боя, вспыхнувшего на лесной поляне, рассказал мне Гавриил Нилович Поляков:

«Когда мы подошли к лошадям, Медведев послал вперед Мязина со взводом. Я сел в сани и стал набивать патронами автоматные рожки. Мязин ушел недалеко, и вдруг с той стороны раздалась стрельба. Лошади рванулись, некоторые упали, сраженные очередями. Я вскочил и побежал под защиту деревьев, но тут же вспомнил, что автоматные рожки остались на санях, и повернул обратно. Сани стояли на месте, но лошадь была убита. Я схватил рожки и опять бросился в лес».

Бой на просеке был коротким, но жарким.

Догоняя взвод, я увидел Богомолова. Он держался руками за голову. Сквозь пальцы сочилась кровь. Бросился к нему:

— Ранен?

— Ничего не вижу, помоги.

Подхватываю его на плечо и тащу в глубь леса. Там встречаю группу партизан вместе с командиром роты.

— Раненых на лошадь, подобрать погибших! — командует Медведев.

Погибших было шестеро, в том числе Нина и пулеметчик Степанов...

М. Иванов,
*в 1943—1944 гг. рядовой
Десятой Ленинградской партизанской бригады*

БОЕВОЙ ПУТЬ БРИГАДЫ

Шестая бригада формировалась в начале октября 1943 года на территории Лосицкого и Волковского сельсоветов, ныне Плюсского района. Она была создана на базе 1-го полка Второй партизанской бригады имени Н. Г. Васильева. Численный состав бригады на 10 октября — 578 человек. Вооружение: винтовок и карабинов — 399, автоматов — 231, ручных пулеметов — 4, пистолетов — 63.

Командиром бригады назначили меня. В начале Великой Отечественной войны я был в должности командира пулеметной роты 46-го полка 185-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 года в Поддорском районе судьба привела меня в местный партизанский отряд «За власть Советов». Командовал вначале группой, вскоре ротой, а потом — отрядом.

Комиссаром бригады стал двадцатитрехлетний поллитрук Виталий Дмитриевич Зайцев. До войны он работал токарем. В партизанах — с августа 1941 года. Начальником штаба стал младший лейтенант Б. Ф. Крицков.

Поначалу бригада состояла из трех отрядов. Первым командовал младший техник-лейтенант Иван Лозин, гибкий тактик и толковый организатор боя. Комиссаром у него был Борис Сластников — бывший кавалерист, человек поистине бесстрашный.

Второй отряд был поначалу самым крупным (209 человек). В разное время им командовали Кайченко, Печуров, а потом — старший лейтенант Зарубин.

Третий отряд, сформированный на станции Хвойная, был в мае 1943 года заброшен в тыл врага. Командовал им Иван Родин, до войны электромеханик одного из ленинградских заводов.

Были у нас в бригаде и другие небольшие отряды: эстонский, или, как мы его называли, спецотряд (ко-

мандир — Артте, а затем — Вальтман) и отряд штабной разведки (командир лейтенант Смирнов). В ноябре в Шестую бригаду влился отряд старшего сержанта Виктора Блюкова. Позднее к нам пришла группа осетин до 90 человек.

С декабря 1943 года бригада была хозяйном в Лядском, Осьминском районах и в западной части Плюсского. Тогда-то мы сформировали еще три партизанских отряда — пятый, шестой и седьмой.

Коммунистов в бригаде было 91, комсомольцев — 154. Хотя коммунистов было сравнительно немного, но 5 первичных партийных организаций являлись надежной опорой командования бригады.

В нашей бригаде плечом к плечу сражались русские, украинцы, белорусы, грузины, эстонцы, латыши, карелы, осетины...

В середине октября 1943 года нами была получена радиограмма от Михаила Никитича Никитина. Начальник Ленинградского штаба партизанского движения требовал бросить все силы на Варшавскую железную дорогу, действовать не диверсионными группами, а целыми отрядами и полным составом бригады, парализовать движение на участке Луга — Псков, не дать захватчикам убежать, увезти технику и наше добро.

Тогда мы приняли решение разгромить вражеский гарнизон в районном центре Плюсса.

Замысел был дерзким и рискованным. Бригада находилась в стадии формирования. Фактически это был партизанский полк, а по армейским понятиям — рейдовый батальон с легким стрелковым оружием. Гарнизон же Плюсса имел хорошо оборудованные позиции, на вооружении у врага были тяжелые минометы, артиллерийская батарея, десятки пулеметов. Все подходы к поселку были пристреляны. Огневой мощи противника мы могли противопоставить главным образом дерзость и внезапность.

Незадолго до этого в бригаду пришла группа бежавших из плюсского лагеря военнопленных. Они рассказали нам о гарнизоне и его вооружении, нанесли на схему расположение огневых точек, места караульных постов. Посланная в поселок штабная разведка подтвердила все эти данные. Кроме того, разведчики видели на станции эшелоны, поданные для погрузки сена, скота и для отправки советских граждан в Германию.

Местные жители сообщили разведчикам, что в Плюссу уже согнано до тысячи мужчин и женщин из всего района.

Из агентурных сведений нам было известно, что немецкий комендант бахвалился: «Партизанские банды не посмеют сунуться в Плюссу. За два года еще никто не осмеливался!»

Командование бригады решило навязать врагу внезапный ночной бой. План, разработанный штабом бригады, был предельно прост: две диверсионные группы уходят на фланги, за входные семафоры станции, подрывают там рельсы и несут дозорную службу до конца боя. Отряды скрытно разворачиваются перед поселком и ждут сигнала к атаке (очередь трассирующих пуль). Исходным местом было избрано топкое болото — Соколий мох, откуда фашисты никак не могли ждать партизан. Чтобы в темноте ночи не поразить своих, партизаны надели белые повязки.

В поселок прорылись незаметно. Бой завязался вначале у здания военной комендатуры, а затем охватил всю станцию. Нападение было настолько внезапным, настолько ошеломляюще стремительным, что врага охватила паника. В осенней ночи пылали подожженная комендатура, вокзал, стога сена.

Трудно было на левом фланге, у железнодорожного моста через реку Плюссу. Там действовал первый отряд. Его командир Иван Лозин с группой партизан успел смять охрану, забросать гранатами дзот и занять мост. Но в это время с восточной окраины поселка прямой наводкой ударили пушки и минометы. Прицельный огонь отсек основную часть отряда от моста.

Группа политрука Жигарева, несшая взрывчатку, не могла пройти сквозь огонь к мосту. На нем уже погибли бывший ленинградский инженер-водник Сергей Соколов, партизанка Нина Маньковская и комсомолец Егор Семенов. Был ранен адъютант командира отряда Дмитрий Лямин. Сам Лозин в трижды простреленной тужурке оставался на мосту, ожидая тол. Комиссар отряда Борис Сластников несколько раз поднимал людей на бросок к мосту, но шквальный огонь прижимал партизан к земле.

Упорство, настойчивость и отвага партизан взяли верх — заряды с толом были доставлены и заложены под опоры. Отряд Лозина отошел. Раздался взрыв.

О результатах этой операции было сообщено в Ленинград: «Шестая бригада численностью 470 человек в ночь на 18 октября совершила налет на железнодорожную станцию и райцентр Плюсса. В результате взорвано 300 рельсов, две водокачки, семафор, две стрелки, уничтожено два эшелона в составе двух паровозов и 19 вагонов, 75 автомашин, два склада с боеприпасами и один склад с продовольствием, сожжены все станционные и подсобные постройки, две железнодорожные будки и 320 тонн сена. Поврежден железнодорожный мост через реку Плюсса. В бою убито и ранено 136 солдат и офицеров противника». (По уточненным позднее данным, потери противника составили убитыми и ранеными свыше 300 солдат и офицеров.)

Одним из важнейших результатов боя за Плюссу явилось освобождение тысячи советских граждан, согнанных для отправки в Германию.

За бой в Плюссе бригада награждена знаменем Ленинградского штаба партизанского движения, ее командиры, комиссары и многие партизаны были представлены к правительственным наградам.

Вторым крупным и очень ответственным для Шестой бригады был бой на берегах речки Черной 19 ноября. Там, в деревнях Волково и Козлово, находились наши тылы: бригадный госпиталь, склады оружия и продовольствия. Туда же в канун боя пришла большая часть отрядов для пополнения.

В первой половине дня в штаб бригады доложили, что со стороны озера Черное по дороге на Козлово колонной идет вражеский полк. Разведка уточнила: шел батальон — до 600 солдат с тяжелыми минометами и противотанковыми пушками. У каждого фашиста был пулемет или автомат. В голове колонны — два полица-проводника. Гитлеровцы шли по дороге через лес вдоль берега речки Черной.

Куда и с какой целью они шли? Громить партизан или, быть может, передвигались к Большому Захонью — на Лядское шоссе?

Не зная намерений противника, нам трудно было принять верное решение. Да и времени оставалось мало. Рискованно ввязываться в дневной открытый бой с регулярной войсковой частью неприятеля. Патронов у нас было крайне мало. К тому же третий отряд находился в 5 километрах, в деревне Быково.

Рельеф местности и обстановка показывали, что отряды следует расположить подковообразно, с выдвинутыми вперед флангами. В засаду на фланги были посланы пулеметные расчеты, усиленные боевой охраной второго отряда. С ними ушли комиссар Зайцев и заместитель комбрига по разведке Болсунов. В центре, на склоне холма перед Козловским полем, разместился первый отряд, укрывшийся в окопах и ходах сообщения, сооруженных красноармейцами еще в 1941 году. Четвертый отряд, недавно влившийся в нашу бригаду, занял оборону в тылу бригады у деревни Волково. Больных и раненых отвезли в безопасное место — за холмы между деревней Козлово и берегом реки.

...Ждем. Падает редкий первый снежок. Нервы как струны, до предела натянуты. Я передаю по цепи: «Не стрелять! Подпустить врага как можно ближе». По замыслу первый отряд должен открыть огонь одиночными выстрелами, чтобы создать видимость слабого заслона. Всю мощь перекрестного огня обрушить тогда, когда колонна неприятеля войдет в «ловушку».

В полдень батальон фашистов вышел из леса на Козловское поле. Он стал разворачиваться фронтом, чтобы обойти холм и взять деревню в клещи. Но, попав под наш перекрестный огонь, фашисты растерялись. Боясь окружения, солдаты стали пятиться, беспорядочно стреляя. Напрасно офицеры пытались поднять солдат в атаку — гитлеровские вояки побежали к лесу.

Гнали мы карателей 8 километров, били до вечерних сумерек. Они бежали туда, откуда пришли, — к деревне Зачеренье, но там, на берегу озера Черное, их добились партизаны Второй бригады под командованием Никифора Ивановича Синельникова.

Возвращаясь на базу, мы до темноты считали убитых вражеских солдат и офицеров. На Козловском поле и на опушке их было свыше трехсот.

Этот бой показал, что мы можем вести дневные фронтальные бои с регулярными частями врага.

К числу крупных операций нужно отнести и разгром вражеских гарнизонов в селах Любочажье и Черенск 23 декабря. Поселки эти стояли южнее райцентра Осмино. В их добротных избах разместились на отдых два подразделения врага, изрядно потрепанные под Ленинградом. На разгром этих подразделений мы послали

отряд Виктора Михайловича Блюкова, усиленный ротами шестого отряда. Наши бойцы в маскхалатах тихо вошли в деревни, сняли часовых и стали бросать гранаты в избы, где «изволили почивать» оккупанты. Нескольким домам запылало, освещая ночные улицы.

Бой длился три часа. Партизаны уничтожили 4 склада, 12 автомашин, подавили расчеты станковых пулеметов. На заснеженных улицах валялось до 180 убитых захватчиков.

С той поры на территории, контролируемой Шестой бригадой, фашисты сосредоточивались в основном только в райцентрах: Плюссе, Лядах, Осьмине и под Лугой. А на селе хозяевами положения стали партизаны. Это позволило нам более чем в ста деревнях восстановить сельские Советы и колхозы. Значительную часть жителей Осьминского, Лядского и Плюского районов мы спасли от угона в Германию. Были спасены 92 ребенка в возрасте от двух до четырнадцати лет из Нежадовского детдома.

Боевая деятельность бригады не прекращалась ни на один день. В непрерывном движении были наши группы, совершавшие диверсии на железной дороге Плюсса — Луга: взрывали мосты, минировали полотно, уничтожали связь. Устраивая засады на шоссе Плюсса — Гдов и Луга — Гдов, партизаны истребляли живую силу противника.

Заключительный этап деятельности бригады был крайне напряженным.

13 января 1944 года поздно вечером мы получили из Ленинградского штаба партизанского движения приказ: все силы бригады бросить на участок Луга — Сиверская, парализовать перевозки врага по железной и шоссейной дорогам. К выполнению приступить 15 января, ежедневно докладывая о результатах в штаб партизанского движения.

По категорическому тону приказа и по обстановке, сложившейся на Северо-Западе, мы догадывались, что не сегодня-завтра над Невой грянет гром — Ленинградский фронт перейдет в решительное наступление. Догадывались и несказанно радовались.

15 января партизанами была нарушена телеграфно-телефонная связь между станциями Луга и Толмачево. На другой день совершили налет одновременно на станции Мшинскую и Серебрянку.

С 15 по 20 января отряды нашей бригады взорвали около 400 рельсов, 2 железнодорожных моста, 11 эшелонов, больше десятка автомашин, оружейный склад и склад горючего. При разгроме двух станций и четырех гарнизонов было выведено из строя свыше 1300 фашистов. Нами были захвачены 2 пушки, 12 пулеметов, более сотни карабинов, 18 подвод с разным военным имуществом и другие трофеи.

В ночь с 20 на 21 января бригада оседлала железную дорогу южнее и севернее станции Мшинской. Жесточайший бой на насыпи длился целые сутки. Тем временем подрывники развинчивали рельсы и сбрасывали их под откос (взрывчатки не было), спиливали телеграфные столбы.

Бригаде дан новый приказ: взять станцию Плюссу и закрепиться в ней до прихода частей Красной Армии.

Совершив стремительный маневр, бригада в ночь на 3 февраля 1944 года вновь ворвалась в Плюссу. Бой продолжался семь часов. Для наступающих войск Ленинградского фронта эта операция была очень важной.

Последние две недели наша бригада непосредственно взаимодействовала с частями Красной Армии. 5 февраля 1944 года мы установили прямую связь с 46-й стрелковой дивизией, наступавшей вдоль Варшавской железной дороги. Командир дивизии полковник С. Н. Борщов выразил благодарность бригаде за опустошительный налет на Плюссу и просил оседлать большаки Островно — Вяжищи — Нежадово, для чего рекомендовал установить контакт и с 224-й дивизией, наступавшей западнее железной дороги. Штаб этой дивизии, в свою очередь, поставил перед нами задачу соединиться с ее 185-м стрелковым полком.

Долгожданная встреча с братьями-армейцами должна была состояться 7 февраля у деревни Островно. Но 185-й полк попал близ села Волошово в окружение. На выручку ему пошел второй партизанский отряд. Здесь и произошло соединение.

Разведка донесла, что по большаку на Лышницы движется колонна неприятеля. Мы встретили противника дружным автоматным и минометным огнем. Фашисты повернули вспять. Но за этой колонной по дорогам и бездорожью темной тучей двигались отступавшие фашисты с минометами, артиллерией и танками, общим числом более дивизии.

Обстановка была не только неожиданной, но и на первый взгляд странной. Враги бегут, но куда? Навстречу наступающим войскам Ленинградского фронта!

Однако ничего странного не было. 18-я гитлеровская армия группы «Север», сжимаемая войсками Ленинградского и Волховского фронтов, сбилась в кучу вокруг Плюссы. Но станционное хозяйство было разрушено, а путь на Псков перерезали рейдовые батальоны фронта и партизаны Второй, Третьей и Седьмой бригад. Гитлеровцам не удалось пробиться на Струги Красные — Новоселье. Поэтому часть из них двинулась по шоссе на Ляды, а другие, круто повернув на северо-запад, пустились по большаку на Лышницы, чтобы ускользнуть в северную часть Эстонии.

9 февраля фашисты обрушились на отряд Блюкова, стоявший в Больших и Малых Лышницах. Бой был тяжелым, только убитыми отряд Блюкова потерял 23 человека. Гитлеровцы подожгли 120 домов в Лышницах и стали теснить партизан.

Деревню Вяжищи оборонял шестой отряд. Его возглавил комиссар отряда Василий Андреев. Бой длился с семи часов утра до полудня. Из полтораста партизан, участвовавших в этом бою, погибло тридцать два, свыше двадцати было ранено. Искляки патроны. А фашисты числом до полка яростно наседали. Посланные на выручку две роты из отряда Владимира Дмитриева открыли с фланга пулеметный огонь по неприятелю, спасли остатки отряда и отошли к деревне Островно.

В тот же день разгорелся бой за Островно. Был он кровопролитным. Для врага большак через Островно — дорога из окружения, для нас Островно — вопрос жизни или смерти. В селе наши склады, переполненный ранеными госпиталь.

Напряжение боя нарастало. Дело дошло до рукопашной. На выручку нам подоспел 185-й полк. И здесь фашисты не прошли. Приказ армейского командования был выполнен. При этом истреблено около 400 гитлеровцев, уничтожены бронемашина, 14 грузовиков, минометные расчеты. Мы захватили также 2 орудия и 10 пулеметов, более сотни автоматов и карабинов.

За проявленное мужество 80 партизан были представлены к правительственным наградам.

Утром 11 февраля батальоны двинулись на деревни Вяжищи и Нежадово.

Пять суток шли бои за деревни Островно, Вяжищи, Нежадово и Лышницы. Врага вышибли, большак удержали, и по нему же партизаны двинулись в третий раз на Плюссу.

На освобождение станции Плюсса ушло трое суток. 16 февраля отряды с боями овладели подступами к станции. На другой день бригада начала бой на станции. И лишь 18 февраля поздно вечером мы вместе с армейцами освободили Плюссу, нанеся врагу большой урон.

Здесь бригада и закончила свой поход.

В. Объедков,
*в 1943—1944 гг. командир
Шестой Ленинградской партизанской бригады*

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

До позднего вечера держались партизаны на опушке Белодедова леса. В воздухе непрерывно кружил немецкий самолет, вел разведку, сбрасывал мелкие бомбы и изредка строчил из пулемета. Перед заходом солнца фашисты предприняли с Верхнемостского направления сильную атаку, но, встреченные частым ружейно-пулеметным огнем, откатились обратно.

Догорали две старинные русские деревни — Малые и Большие Пустыньки. От недавних добротных построек остались груды горячих углей да печные трубы. Озверевшие каратели в бессильной злобе сожгли даже бани, риги.

В наступивших сумерках отряд быстрым маршем двигался через мелкий сосняк, по болоту к Бабинной березе.

Посреди обширного топкого болота возвышался сказочный островок размером меньше гектара. Кругом топь, а на островке сыпучий мелкий песок, желтый-желтый, точно вымытый. Растут здесь небольшие сосенки, осинки, березки, а посреди на возвышенном месте — старая береза гигантских размеров. Только три взрослых человека, взявшись друг с другом за руки, едва могли обхватить ее массивный ствол. За несколько километров была видна ее густая крона. А название свое береза получила еще во времена крепостного права. На ее суку, по преданию, повесилась крепостная девушка, разлученная деспотом-помещиком со своим любимым.

С северо-западной стороны к островку подходит уже наполовину запыленная неглубокая канава. От Бабинной березы до Мысовского леса по берегам канавы растут высокий березняк и сосны. Кругом болото. Глухое место. Ближняя деревушка — за шесть километров, гарнизон в Верхнем Мосту — за двенадцать.

Партизаны выбирают на сухое место, отряхивают налипшую болотную грязь и в темноте отыскивают глазами силуэт богатырской березы. Незабываемый остров! Сколько сердец обогрел он своим гостеприимством, сколько тысяч людей, изнуренных ходьбой по болоту, отдыхало на сухом мягком песке!

На ночь роты заняли круговую оборону, выставили усиленные посты на все тропы и начали делать шалаши для ночлега. Политруки рот проводили беседы во взводах, читали сводки Совинформбюро.

Этот крохотный островок люблю я с детства. Вот только гадюки, которые любят летом принять на песке солнечную ванну, пугали меня, бывало.

Когда реденький шалашик был готов, Виктор Малков наломал молодых веток, подстелил их и лег.

— Витя, здесь гадюк много,— предупредил я.

Он рассмеялся:

— Партизан, брат, такой человек, что ни один змей его не берет. На триста метров чует, сразу в другую сторону ползет.

Первое напряжение и голод не давали уснуть. Мы ворочались с боку на бок.

— Неплохо было бы буханочку на двоих,— первым заговорил Малков,— а то талия стала, как у борзой собаки.

— Да... Я тоже вошел в спортивную форму. Позвоночник легко через живот прощупывается.

Я лежал на спине и смотрел через отверстие в крыше шалаша на далекие яркие звезды. Виктор, опершись на левую руку, полусидел. И вдруг кругом — осветительные ракеты, взрывы гранат, автоматная трескотня. Казалось, загорелся весь наш маленький островок. Многие со сна вскочили как очумелые. Часть новеньких, необстрелянных партизан — 12 человек, которые присоединились к нам по пути к Бабиной березе,— бросились бежать куда глаза глядят. Внезапное нападение на сонный лагерь вызвало растерянность даже среди бывалых партизан.

Виктор первым открыл огонь. Ошарашенные длинными очередями нашего пулемета, фашисты ослабили натиск с южной стороны. Сначала нестройно, потом все дружнее начали отвечать наши. Командир отряда Николай Чуднов готовил к контратаке группу автоматчиков. Гитлеровцы залегли. Над головой щелкали разрыв-

ные пули. От березы, высоко забираясь к небу, взлетела красная ракета. Наши бросились в контратаку.

— Ура-а-а... Бей фрицев... В гроб их матушку...

Гитлеровцы отступили. Мы понесли потери. Погибли двое часовых, которые стояли на тропке, ведущей от канавы. У обоих — сквозные ножевые ранения в грудь. Только благодаря тому, что часовой возле Бабиной березы слышал слабый крик и поднял тревогу, фашисты не вырезали сонных партизан. Дневать здесь было нельзя. Отряд направился в Мысовский лес.

...Посланные во все концы отрядные разведчики докладывали одно и то же: «На опушке немцы».

Наш отряд оказался в кольце. Те отряды (бригада из боя выходила поотрядно), которые ушли по направлению к Славковичам, сумели оторваться от карателей. Партизан не так пугало само окружение, как нехватка боеприпасов. Патронов оставалось совсем мало. На пулемет один-два диска, на винтовку десять патронов, неполные диски у автоматчиков. С таким запасом нельзя рассчитывать на длительный бой. Нужно затаиться на время в глухом уголке, дать понять карателям, что они окружили пустой лес. Посреди леса, в непроходимой чаще, отряд занял круговую оборону.

Погода испортилась. С полудня зарядил крупный дождь, да такой холодный, будто на дворе не июль, а конец октября. Промокли до нитки. От холода зуб на зуб не попадает. Костров развести нельзя. Немцы изредка, через равные промежутки времени стреляют по лесу из пушек, прочесывают некоторые участки. Снаряды рвутся в разных местах. Один шальный грохнул совсем близко от нашего лагеря.

Холодно. Укрыться нечем — в отряде 76 человек, а плащ-палаток восемь, да и те не спасают от ливня. Поступила команда: соблюдая тишину, приступить к постройке шалашей. Плащ-палатки ото всех отобрали, и старшина разнес их часовым.

Работали бесшумно. Отойди на сто метров — и не услышишь ни единого звука. Особенно мне нравился шалаш Алексея Лушкина. Сделан он был так искусно, что хоть лей из ведра воду на крышу — капли не попадет внутрь. Работал он старательно и с такой любовью, что, глядя на него, самый закоренелый лентяй загорелся бы желанием работать. Уже почти все партизаны, за исключением часовых, были в шалашиках, а Лешка все

ходил кругом и подправлял, время от времени произнося: «Лапку... Еще одну... Давай еще...». Затем он остановился, прищурился, посмотрел внимательно на свое произведение и тепло произнес: «Игрушка».

Я хотел юркнуть под крышу, но возглас «Куда?» остановил меня.

— А постель забыл?

— Какую?

Он утер широкой ладонью мокрое лицо, рассмеялся:

— Конечно, не домашнюю... Нашу, партизанскую.

Лушкин подвел меня к мелкому ельнику, нарезал финским ножом молодого лапника, велел мне отряхнуть его хорошенько от воды и отнести в шалаш. И сам принес большой ворох. Хорошая получилась постель: мягкая, пахучая, теплая. Прежде чем забраться внутрь партизанского «дворца», Леша снял телогрейку. Мы ее хорошо отжали от воды, а потом и мою. Забрались в шалаш. Сразу на душе легче стало.

— Ну вот мы и дома. Много я таких домов понастроил на Псковщине, видно, и это не последний, Алеша,— произнес он, усаживаясь поудобнее.

Лушкин пододвинул к себе заметно похудевший мешочек и извлек из него вместительный резиновый мешочек. Бывалый человек Лушкин. Оказывается, в этом непромокаемом мешке у него хранились: соль в коробке, махорка в кисете и три пакета фронтовых спичек, сверток бумаги.

— Практичный ты человек, Лушкин,— не утерпел я.

— Эх, Алеша, жизнь всему научит. С 1939 года не едал материнских пирогов. Сколько человек живет — столько и учится. А война, брат, канительная штука...

Потрогал я свой кисет в кармане, а там каша, все раскисло. Лушкин неторопливо оторвал полоску газетной бумаги, всыпал щепотку махры и закурил. Пускает колечки дыма, глаза у хитреца улыбаются... Я покашливаю.

— А ты чего не дымишь? Табачишко-то ведь есть?— Не глядя говорит, а в голосе ирония.

— Не хочу...

Лешка захохотал:

— На, закуривай.

Прижались спинами друг к другу, курим ядреный самосад и перекидываемся словами.

— Так, говоришь, до войны баловался с ружьишком в этом лесу?

— Любил охоту.

— А я, брат, до армии и ружья в руках не держал. В городе жил. Рязанский я. И специальность была самая мирная. Поваром работал в ресторане.

Лушкин долго и увлеченно говорил о своей профессии, о родной Рязани. Я не перебивал. «Пусть,— думаю,— помечтает, мысленно побывает в родных краях. Все потеплеет на душе».

Начал подниматься сильный ветер, деревья закачались, загудели в вершинах. Косые струи дождя ударились о сухую осину так сильно, что брызги через вход залетали к нам. Начало темнеть. А ветер крепчал с каждой минутой. Наша соседка, сухая осина, уже не скрипела, а жалобно стонала, надрывая душу. В отверстии показался темный силуэт человека, закутанного в плащ-палатку. Это дежурный по отряду командир второй роты И. И. Чухловин, лейтенант-пограничник.

— Лушкин, смени Малкова,— распорядился дежурный.

Пришел Малков. С него течет вода ручьем, в сапогах хлюпает, дрожит весь как в лихорадке. Отжали ему куртку. Сапоги разул, воду вылил, портянки отжал, прижался ко мне — оживать начал.

— Ну и погода,— еще стуча зубами, проговорил тихо. — Небось, и фрицы домой убралась. А темень чертовская, того и гляди на сук напорешься. На чей-то шалаш в темноте наскочил, чуть не раздавил. Оттуда меня по матушке...

Вдруг в сотне метров от нас как полыхнет, как грохнет — раз, второй, третий. Даже земля ходуном заходила. Мигом все высыпали на дождь и заняли круговую оборону. Тревога была напрасной — просто каратели возобновили артобстрел леса.

— Нет, не ушли, гады. Видно, всерьез взялись — проговорил Виктор, забираясь под крышу. С небольшими промежутками снаряды рвались то в одном, то в другом месте.

Мы прижались друг к другу и незаметно уснули. Во сне мать подкладывала мне лакомые кусочки, я их поглощал моментально, а сытости не ощущал, потом ел все подряд, что было на столе. Мать качала головой и,

косясь на темный образ Георгия Победоносца, незаметно крестилась.

Проснулись мы рано утром. Одежда почти высохла. Солнце вовсю светит, птички поют. Пар с земли поднимается, последние тяжелые капли воды опадают с листьев. Ложились — был ад крошечный, проснулись — благодать кругом.

Только пустой желудок дает себя чувствовать. Уже третьи сутки ни хлеба, ни сухарей. Разведчики вернулись с задания. Вокруг леса немецкие засады, возле деревни Дятлово стоят три пушки, автомашины, конные повозки, кухни походные дымят.

— Костров не разводить, не двигаться, — отдает приказ командир отряда.

— По очереди чистить оружие, — приказывают взводные.

Партизаны тщательно протирают стволы, патроны.

С полудня, когда трава и кусты обсохли, немцы начали участками прочесывать лес. Бесперывно палят в воздух.

— Мартышкин труд, — махнув рукой, говорил Малков, — этот лес прочесать — надо две дивизии. Жаль, патронов нет, а то прочесали бы мы им мозги.

К вечеру стрельба стихла, немцы угомонились. Отряд построили на крошечной полянке. Слово взял комиссар:

— Голодные вы, голоден и я. Пойдем за едой — погубим отряд, переждем — сохраним отряд и опять будем бить фашистскую нечисть. Обстановка понятна всем?

— Понятно... Переждем... — слышались возгласы.

— Товарищ комиссар, вопрос можно?

— Говорите.

— У меня заявление...

— Какое?

— В партийную организацию. Хочу воевать коммунистом. Да не хватает одной рекомендации... Коммунистов-то осталось у нас двое, — смущаясь, говорил пулеметчик Рассадин.

Комиссар улыбнулся в черную бороду, глаза его радостно заблестели.

— Кому-кому, а тебе, Рассадин, я дам третью. Хорошо. Собрание парторганизации состоится после построения в штабном шалаше.

Смотрю я на Рассадина: расцвело лицо, на бледных щеках заиграл румянец, даже глаза повлажнели от нахлынувших чувств. Видимо, давно переживал человек, а все не мог решиться: достоин ли?

Собрание было недолгим. Минут через двадцать мы поздравляли отважного пулеметчика с незабываемым днем вступления в партию Ленина.

Возле штабного шалаша необычайное оживление. Несколько молодых партизан плотным кольцом окружили комиссара и о чем-то оживленно беседуют. Комиссар открыл полевую сумку и каждому дает по четвертушке бумаги. Затем ребята по очереди склоняются к пеньку и что-то пишут. Карандаш комиссара персходит из рук в руки. Затем все идут к нашему шалашу и молча подают листки Виктору.

— В комсомол, значит, товарищи?

— Да.

— Хорошо. Сейчас соберем собрание.

Ребята тихо рассаживаются на землю. Каждый поглощен своими мыслями. Так и не проронили ни слова до возвращения Малкова.

Комсомольцев в отряде было тридцать восемь. Тех, которые стояли на посту, подменили коммунисты и беспартийные товарищи. Через несколько минут все были в сборе. Ребята притащили несколько стволов сухого валежника и подложили под густые ореховые кусты. А толстый короткий чурбак поставили для президиума. Пришли комиссар, политруки рот и командир отряда. Малков — комсорг — открыл собрание. Его избрали председателем, меня — секретарем. Дает мне комиссар два последних листка из блокнота, я даже от удивления дышать перестал:

— Товарищ комиссар! Ведь прием в комсомол... Разве на двух листках запишешь все?

Комиссар улыбнулся:

— За неимением большего придется уложиться на этих.

Поступило семь заявлений. Первым принимали Ивана Федотова, паренька из Новоржевского района. На маленьком клочке бумаги размашистым почерком было написано:

«В комсомольскую организацию
35 отряда 4 Л. П. Б.
от партизана Федотова Ивана Федотовича

З а я в л е н и е

Прошу принять меня в члены ВЛКСМ. Хочу сражаться с фашистами комсомольцем.
10 июля 1943 года.

И. Федотов».

Слушали биографию. Рос мальчишка, как все его сверстники. Учился в Ленинграде в ремесленном на токаря. Приехал в деревню на побывку, а тут война нагрянула. Ушел в Третью Ленинградскую партизанскую бригаду, которой командовал А. В. Герман. В одном из боев прикрывал отход товарищей, и вражеская пуля пробила навывлет грудь. Упал посреди деревни как подкошенный, сознание потерял. Очнулся — по деревне фашисты бегают, стреляют. Наши по деревне палят. Немцы за дома хоронятся, строчат из-за углов и дальше перебегают. Ворвались партизаны в деревню. Собрался Иван с силами — поднял руку, а крикнуть не может, кровь горлом идет. Заметили его товарищи, положили на плащ-палатку и в санчасть отнесли. Потом лечился у бабки на хуторе...

— А справочка есть? — спросил кто-то.

— Бабка на своем веку ни одной буквы не написала, — ответил Ванюшка, — а справочку могу показать.

Он быстро сбросил гимнастерку. Пальцем показал на входную и выходную отметки, сделанные пулей. Багрово-красные метки неогрубевшей кожи были отчетливо видны на белом теле:

— Вот штамп, а вот печать...

В постановляющей части я записал: «Единогласно приняты в члены ВЛКСМ:

1. Федотов Иван Федотович, 1924 года рождения.

2. Феоктистов Василий Алексеевич, 1923 года рождения»...

И так всех семерых. Потом, когда соединились с Красной Армией, по этим документам ребята, кто остался жив, получили комсомольские билеты в Гатчинском райкоме ВЛКСМ.

...Всезнающий Лушкин принес с вырубki большой пук пустотелых, с длинным стеблем «дудок», как он их

назвал по-местному, и стал угощать ими партизан. «Дудки» оказались такими вкусными, что все бросились их отыскивать. Комиссар запретил. Послали группу из восьми человек. Все собранные «дудки» сложили возле шалаша старшины. На человека выдали по два стебля. Есть на тощий желудок много зелени нельзя. В ход пошли кислая «заячья капуста», мягкие кончики еловых лап. Попадались и грибы, но огня не разведешь...

— Ну как, подкрепились? — шутит Малков.

— Из трех блюд, — шуткой отвечает Лушкин, — и все противогинготные.

А и впрямь: хоть и трава, но на душе стало веселее. Не то что сыт — есть еще больше захотелось, но тот факт, что ты ел что-то сегодня, уже сам по себе поднимал настроение.

Пришла моя очередь дежурить ночью. Пулемет наш стоял между двух разлапистых елей, возле которых змеилась едва заметная тропка. Она выходила на узкую лесную дорожку, а та петляла до самой моей деревни Гудово. Там тоже сейчас был враг.

Как тропа, так и дорога густо поросли красным клевером и тимофеевкой. Уже второй год никто сюда не забирался: дрова рубили на опушках, а о строительстве и не мечтали. Лег я за пулемет на плащ-палатку, осмотрелся кругом. По небу бегут редкие облака: спешат куда-то неумные, ветерок играет верхушками деревьев, вдалеке сонно попискивает какая-то птичка, в траве шуршат невидимые зверьки, а может быть, и змен.

Стал прислушиваться к птичьему писку. Точно человек произносит: «Есть хочу... Есть хочу...»

Про себя думаю: «Врешь, матка, сыта ты. Аль меня дразнишь?» А есть захотелось так, что даже в висках заломило.

Прислушиваюсь, вглядываюсь до боли в глазах в непроницаемую даль. Ничего не видно. Полагаюсь на слух. В лесу днем и ночью главное — уши. Немцы постреливают, несколько раз принимались бить из тяжелых минометов по разным квадратам леса. А то вдруг длинными очередями зайдутся сразу несколько пулеметов.

До моей родной деревни 6 километров. Не раз на это место приходил. Много вспомнилось. Обидно стало, даже зубами заскрипел. Забылись голод и холод. Смот-

рю по сторонам, прислушиваюсь к каждому шороху. А шорохов в ночном лесу хоть отбавляй. Бодрствуют ночью лесные обитатели, жируют, перед тем как отлеживаться днем в укромном местечке.

Издали донесся слабый шум и треск сучьев под тяжелыми шагами. Потом звуки все росли, усиливались. Кто-то грузно шел прямо на меня. Сдерживая дыхание, потянул рукоятку пулемета на себя: раздался щелчок. Звук шагов замер. Прижавшись к пулемету, весь превратившись в слух, я выжидал, готовый каждую секунду открыть огонь. Там тоже затаились, выжидали. Так длилось несколько минут. Затем до моего слуха донеслось сердитое фырканье, утробный вздох, треск падающего сухостоя под напором мощного тела.

«Сохатый»,— догадался я и задышал во всю силу легких, вытер тыльной стороной ладони выступивший на лбу холодный пот.

...Шесть суток держали фашисты в кольце засад Мысовский лес. Шесть суток мы не покидали лесных дебрей, питались «дудками Лушкина» (так их окрестили партизаны. Шутники говорили: «Меню сегодня такое: на первое — «дудки Лушкина», на второе — «заячья капуста», на третье — десерт: по двадцать орехов»). Курильщики переживали страсть как. По двадцать человек рассаживались кружком перед нашим жильем (у Лушкина еще оставалось махры на несколько закуток) и по одной затяжке вкруговую пускали единственную сигарку.

Каратели, не обнаружив партизан, сняли осаду. Вечером они покинули насиженное место и разъехались к Славковичам и Острову. Тронулись в путь и мы. Пришли в деревню Новины Сошихинского района. Два часа тому назад фашисты выехали отсюда. Размещаемся по избам. Смотрят на нас старушки и головами качают, слезы утирают, приговаривают, вздыхая: «Ах, до чего похудели, родимые наши!» Понанесли из потайных мест разных продуктов и угощали нас. Но мы знали: есть много после такого голода нельзя. Наварила бабка яиц, большой чугуи картошки:

— Кушайте, сынки, на здоровье. Ничего для вас, родимых, не пожалеем. На вас одна надежда...

Каким вкусным показался кусок черного хлеба с примесью мякины! Казалось, не едал еще никогда в жизни такого лакомства. Съели по куску хлеба да

по две картофелины и вышли из-за стола. Бабка даже прослезилась:

— Почему же не едите, сынки? Огурчиков свеженьких достану.

И старушка побежала в сени. А у нас от аппетитных запахов пищи голова кружится, глаз от стола не оторвать.

Не утерпел Лушкин, рассказал бабке всю правду.

Всей деревней жители провожали наш отряд. Когда подошли к домику на отшибе, возле самого леса, увидели на крыльце древнего старика.

— Подождите,— прошамкал дед и скрылся в избе. Вскоре вышел, держа в руках клетчатую наволочку с чем-то.

— Подходи, курители!

Насыпая в кيسеты хорошо приготовленного самосаду, дед приговаривал: «На войне без курева, как в пустыне без воды. По себе знаю. Был когда-то солдатом».

Через несколько минут маленькая гостеприимная деревушка осталась позади. Отряд направился на соединение с бригадой.

...Виктора Малкова назначили командиром нашего взвода.

— Теперь, Леша,— сказал Виктор,— ты будешь первым номером. Вот тебе пулемет. Товарищ надежный, ни разу не подвел. — И вручил мне старенький, без пламегасителя, РПД. Вижу в глазах друга грусть, привык он за полтора года к верному грозному оружию. Беру пулемет, а у самого руки дрожат: «Сумею ли справиться так, как бывший хозяин? В бою первая надежда на пулеметчика».

Ночью пришли в деревню Грязи Сошихинского района. Место безлесное, равнинное. Дома большие, высокие, обшитые тесом. У каждого жителя приличный сад. Все приусадебные участки огорожены частоколом. Хозяева приняли нас с исключительным радушием — на всю жизнь не забыть той ночи. В нашем отделении было семь человек. Лешка Лушкин осторожно постучал в окно. В избе послышались скрип половиц, шлепанье босых ног. Дверь бесшумно отворилась, и мы вошли в избу. В нос ударил спертый кислый запах — пахло овчинами, свежеспороленными огурцами, потом.

Темно. Кто-то высекал огонь, летели искры, но трут не загорался.

— Лушкин, зажги спичку,— попросил я.

Вспыхнул огонь. Пожилая женщина быстро выхватила из огромного пука лучину и поднесла к горящей спичке. Бледно-красноватый огонек осветил убогую обстановку избы. Кроме стола и двух скамеек, ничего не было. На полу спали ребяташки — мальчик и две девочки. Они проснулись и с любопытством рассматривали партизан, натягивая под самые подбородки холщовое одеяло. На полатах сидел мужчина лет шестидесяти со впалыми щеками. Сквозь ворот серой рубахи была видна костлявая грудь. Лицо его густо поросло черной, как вороново крыло, бородой.

— Доченька,— сказала мать,— встань, переменяй в светце лучину.

Девочка лет четырнадцати, смущаясь своей жалкой одежды, вылезла из-под одеяла, села на чурбак перед печкой и, пряча под себя босые ноги, стала вынимать из зажима лучинные огарки и закреплять новые лучинки. Хозяйка хлопотала у стола.

— Помогай, дед,— обратилась она к мужу.

Тот быстро обул прохудившиеся валенки, набрал из ковшика в рот воды, полил на руки, потом два раза провел мокрыми ладонями по волосистому лицу.

— Совсем дикарями стали,— сказал дед и тяжело вздохнул. — Лучиной освещаемся, в дерюгу одеваемся.

Нарезал дед большими ломтями черного хлеба, бабушка из сеней принесла кастрюлю с огурцами, чашку стуженой рыбы (вчера дед наловил) и кувшин с молоком.

— Ешьте, сынки, не стесняйтесь. У нас самих двое старших в партизанах, может, голодненькие сейчас,— прослезилась мать.

Женщина разговорилась:

— Третий год моемся без мыла. Чесотка, вши одолевают, житья нету от этой погани. Вы, детки, в сарай спать идите. А то, не дай бог, наберется тварей — пропали. Мучаемся мы. Ни лекарства, ни мыла. Ох, мочи нет. Стало совестно на люди показаться. Как дикари. Вот до чего довели фашисты, кол им осиновый в печень. Идите, сынки, на сено.

Мы ушли, Лушкин остался.

— Ну, дед, сейчас я вам приготовлю лекарство. Зараз от заразы избавитесь.

— Век не забудем, сделай милость, сынок.

Наскоблил Леша ножом с куска тола пыли в банку, перемешал со свиным салом и подогрел на лучинках.

— Вот верное средство. На, хозяйка, еще тебе подарок,— Леша протянул старухе плитку мыла.

Та смотрела на небольшой серый кусок и глазам своим не верила. Закрутила его в большую тряпку и положила на дно сундука. А сама горько-горько заплакала...

На рассвете наш взвод получил боевую задачу. Надо было незаметно пройти два километра и устроить засаду. Залегли мы в овраге, возле извилистой речки, густо поросшей ивняком и ольховником. Тщательно замаскировались. Отошел Виктор шагов на сто, осмотрел все внимательно, видим — доволен. Запретил двигаться, маячить. Хочешь навестить товарища — передвигайся ползком.

Лег возле меня, осмотрел пулемет, диски, проверил, удобно ли будет стрелять отсюда.

— Хорошо,— говорит,— все нормально.

Только по глазам вижу — озабочен чем-то командир.

— Ты чего задумался? — спрашиваю. — Ай в начальниках ходить не любишь?

— Дело не в любви, а в ответственности. Раньше знал свой пулемет, и точка. А теперь мне доверили четырнадцать человеческих жизней. И каждого ждут дома матери, братья, сестры, отцы, многих — жены, дети. От командира, Леша, многое зависит. Вот сейчас все впереди и позади видно, как на ладони. Навались большая сила неприятеля — отойдешь незаметно? Перещелкают как куропаток. Драться придется насмерть. Держаться надо до ночи. Вот и вижу теперь, что пулеметы расположил не так. Надо один на берег речки перебросить.

Расчет Вени Иванова, моего земляка, замаскировался на изгибе реки в густом раakitнике. Сигнал открытия огня — длинная очередь моего пулемета.

Чем выше поднималось солнце, тем становилось жарче. А когда раскаленный шар стоял в зените, было нестерпимо душно, пот заливал глаза, струился по щекам. Мелкие, редкие кустики по краям оврага почти не давали тени. Ребята разулись, сушили портянки, чинили прохудившиеся сапоги и рубахи.

Только наблюдатели зорко вглядывались в далекое дрожащее марево, туда, где терялась темно-коричневая

змейка дороги. Мой второй номер Ваня Федотов ушел сменить наблюдателя, мы остались с Виктором вдвоем.

— На дороге движение! — донесся голос.

Партизаны поспешно надели гимнастерки, обули сапоги и разместились по линии обороны. Лица у всех напряженно-выжидающие. Облако пыли вдалеке расширялось, росло на глазах. Виктор опустил бинокль и не разжимая зубов выдохнул: «Велосипедисты». Вижу и я — человек сорок. Впереди метров на двести — двое. Едут беспечно, место ровное, видно далеко.

— Дозор пропускай, — шепчет Виктор. Сердце гулко стучит, кровь приливает к голове.

Потные автоматчики с силой жмут на педали и, не заметив нас, катят дальше. Припадаю к пулемету. Вот уже отчетливо различаю бритые лица, нашивки на мундирах, железный крест у молодого чубатого немца. До передних фашистов полсотни шагов.

Мой пулемет и автомат командира зашлись разом. Затрещало и с флангов. Точно косою прошлись по колонне. Оставшиеся в живых велосипедисты бросились врассыпную. Наши пули догоняли их. Дозорные, уже укатившие вперед, удирали на северо-восток. Немногим удалось уползти в низину. В воздух одна за другой взвивались ракеты.

— Требуют помощи, — показывая глазами, прошептал Виктор, — теперь держись, ребята.

Ваня Федотов притащил в овраг немецкий пулемет и коробки с лентами, потом три автомата. Тут фашисты очухались и начали палить по кустам. Зашелкали разрывные пули.

Из отряда связной приполз. Приказали до вечера держаться. Мы берегли патроны, молчали. Только изредка короткими очередями из трофейного пулемета отвечал наш командир. В километре от нас остановились четыре грузовика. Фашисты и полицаи развернулись в цепь и начали сближаться с нами.

— Держись, Леша, жизнь начинается веселая, — проговорил командир.

Один за другим сердито застучали наши пулеметы, цепь сбилась с ритма, споткнулась, начала редеть и наконец исчезла — залегли каратели. Стой и с другой стороны огонь с каждой минутой становился все яростнее. Гитлеровцы начали отползать. На луговине остались лежать только те, кто уже не мог двигаться. Боль-

ше до вечера фашисты не поднимались в атаку. Стало смеркаться. Ружейно-пулеметная дуэль то затихала, то вспыхивала с новой силой.

— Через полчаса отходить,— передал связной.

Ни убитых, ни раненых с нашей стороны нет. Только Алексею Лушкину разрывная пуля разворотила задник сапога.

— Вот сволочи, испортили обувь,— ругался Алексей до самой деревни. — Такой сапог изувечить.

Лушкин крыл подряд непечатными словами Гитлера и его тетушек и дядюшек до десятого колена. На окраине деревни нас встретили всем отрядом.

А. Голубев,
в 1943 г. комсорг
35-го отряда Четвертой Ленинградской партизанской бригады

ПОРХОВСКИЙ ПОДПОЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Весной 1943 года ушли вновь за линию фронта порховские партизаны Второй бригады А. К. Тимм, Г. Т. Волостнов, Д. А. Дербин, И. И. Буданов и К. П. Обжигалин. Они и составили руководящее ядро Порховского межрайонного подпольного партийного центра — одного из одиннадцати, созданных Ленинградским обкомом ВКП(б) для подготовки вооруженного народного восстания против захватчиков.

Действовать центру предстояло в Порховском и Славковском районах.

Необычность, новизна подпольной работы началась для нас еще до прибытия в тыл врага.

На парашютах, решительно без всякой тренировки и подготовки, мы прыгали с самолета на свою родную порховскую землю.

Не мы были зачинателями порховского подполья.

Первым подпольщиком был второй секретарь райкома партии Иван Васильевич Курсаков. Действуя в сложных условиях, он мало что успел сделать за несколько месяцев в 1941 году, был схвачен и повешен в Порхове.

Еще в Партизанском крае мы знали о деятельности подпольной группы беспартийного агронома, великолепно знавшего немецкий язык, — Бориса Петровича Калачева. Он прикрывал свою нелегальную деятельность работой в цветочном хозяйстве, которое развел в старинной порховской крепости. Группа Б. П. Калачева занималась пропагандой, вела разведку, помогала военнопленным бежать за линию фронта и в партизаны.

В итоговой справке Порховского межрайонного партийного центра от 4 апреля 1945 года говорится, что «в городе Порхове существовало два подпольных партийных центра, не связанных между собой».

К этому сообщению необходимо сделать одно уточнение — центр, конечно, был один, под руководством Тимма, а группа Калачева центром не была и имела

другие функции. Связи между центром и группой не было. Это верно. Никакой другой третьей подпольной группы или организации в Порхове не было. Неоспорно только наличие группы Б. П. Калачева.

Как уже было сказано, о ней еще в 1941 году знали порховские руководители в Партизанском крае. О группе Калачева был осведомлен и фронтовой разведчик А. И. Шабанов, а позднее — Д. И. Батенин.

У подпольного межрайонного партийного центра было все необходимое для успешной работы. Оружие, надежная экипировка, две портативные радиостанции «Север», типография под названием «Лиллпут».

Как и в других партцентрах, в составе нашего были партийные работники: редактор, ведавший печатной пропагандой, товарищ для работы с молодежью, два радиста — всего девять человек. Подпольщики, порховские и славковские товарищи, знали свой район действий. Я, например, за пять лет, наверное, изъездил всю Порховщину. То же самое можно сказать и о других подпольщиках: Альфреде Карловиче Тимме — руководителе партцентра, Григории Тимофеевиче Волостнове — его заместителе, Дмитриии Акиндиновиче Дербине, Иване Ивановиче Буданове, о славковских товарищах Иване Александровиче Александрове, Григории Васильевиче Васильеве. Лишь радисты Зосим Зязин и Павел Караченца были новичками на Псковщине.

Наше подполье было своеобразное, какое-то кочевое.

Мы действовали «по обстановке», как нам советовали в Ленинградском штабе партизанского движения и после приземления — С. А. Орлов, комиссар все той же Второй партизанской бригады, находившейся тогда в Порховском районе.

А обстановка была сложной и часто изменялась. Дело в том, что районы нашей деятельности были плотно насыщены как партизанскими соединениями, так и вражескими гарнизонами и карательными командами. В Порховском районе и из Порховского района чаще и больше других нападали на гарнизоны и дороги противника Первая, Третья и Десятая бригады. Недаром в честь этих бригад решением бюро Псковского обкома КПСС от 11 марта 1969 года в Порхове установлена мемориальная доска.

Занимаясь главным образом диверсиями на железных и шоссейных дорогах, налетами на аэродромы и

посадочные площадки, на склады боеприпасов и горючего, партизаны во избежание столкновений с крупными силами фашистов маневрировали, уходили в другие районы. Мы же, конечно, оставались для подпольной работы, находились в шалаше где-нибудь на лесной опушке, откуда просматривались окрестности.

Часто подпольный партийный центр находился в своей зоне, в какой-либо бригаде.

Как правило, командование бригады прикрепляло подпольщиков к какому-нибудь отряду. В деревне нас помещали отдельно в одном или двух домах, чтобы было удобнее работать, не раскрывая без нужды свое подпольное положение. В обороне нам отводили отдельный боевой участок.

В боях с захватчиками подпольщики, как и партизаны, несли потери, особенно чувствительные для такого маленького коллектива, как наш. Первым мы потеряли своего руководителя Альфреда Карловича Тимма: он погиб при выходе из окружения Второй бригады весной 1943 года у станции Подсевы.

Руководителем Порховского межрайонного партийного центра стал Григорий Тимофеевич Волостнов.

В мае центр уменьшился еще на одного человека: смертельно раненный пулей в живот, скончался наш радист Зосим Зязин. Мы похоронили его у деревни Кузнецы Славковского района.

2 августа в бою под славковской деревней Жернильское меня ранило осколком мины в ногу.

Теперь необходимо сказать о работе Порховского межрайонного партийного центра.

В отличие от политорганов, отделов и парторганизаций партизанских бригад и соединений, подпольщики работали только среди населения, хотя и политотделы бригад вели такую работу и, очевидно, благодаря более широким возможностям, не меньше, а больше нашего.

Чаще всего бригады, в которых мы временно находились, занимали несколько деревень, и некоторое время мы действовали под защитой двух-трех тысяч партизан. Мы проводили в тех деревнях групповые и индивидуальные беседы, а то и собрания.

Я собирал для своих памятных записей и листовок факты о злодеяниях оккупантов. Так же приходилось поступать и в иных, более сложных условиях, когда мы

находились в одном из отрядов расчлененной бригады или совсем одни скрывались в лесах.

Во всех случаях мы встречались с коммунистами и комсомольцами, оставшимися в оккупации, старались вовлечь их в подпольную работу, направляли в партизаны. Встречи эти были конспиративными, происходили, что называется, с глазу на глаз и только с теми, кого знали, и не только по фамилии. В таких случаях главную роль в партцентре играл, пожалуй, Д. А. Дербин со своей изумительной памятью и знанием людей.

На собраниях подпольщики, местные коммунисты и комсомольцы делали вид, что не знают друг друга. Население о нашем знакомстве не подозревало, а нас никогда не спрашивали, кто мы такие, и принимали за партизан.

Главное место в нашей подпольной деятельности занимали устная пропаганда и агитация. Лишь в апреле 1943 года наш партийный центр провел в Порховском и Славковском районах шесть собраний, 28 бесед, читок газет и листовок.

Газеты и листовки мы не только читали, но и распространяли. Выпускали также свои листовки, отпечатанные на «Лилипуте», но мало — всего две. Газет не выпускали. «Порховской правды» в тылу врага выпустили один номер летом 1942 года, в Серболовской лесной типографии.

Занимался местными листовками, конечно, один я, причем, образно говоря, как швец, и жнец, и в дуду игрец: собирал материал, писал, набирал, верстал и печатал. С грехом пополам я научился наборному и печатному делу в Порховской типографии, когда находился там в ожидании газетных полос для подписи к печати. Все же неопытность сказывалась сильно, и я подолгу возился с набором, с печатью. К тому же наборная касса в чемодане смахивала на игрушечную, детскую. Достаточно сказать, что иные буквы, по-типографски литеры, приходилось доставать из ячеек обыкновенным медицинским пинцетом, предусмотренным изобретателями «Лилипута» в качестве необходимейшего наборного инструмента. Надо отдать и справедливость: без пинцета было бы прямо горе: пальцы-то в крошечную ячейку не лезли. Работа над изданием листовок длилась долго иногда и по другой причине: нередко приходилось

начинать ее в одной деревне, а продолжать или заканчивать в другой.

Агитационно-пропагандистская работа сочеталась с организаторской, была подчинена ей.

Наш подпольный партийный центр, как и все другие, стремился как можно полнее выполнить постановление Ленинградского обкома партии о создании подпольных организаций и групп.

К июлю 1943 года в Порховском и Славковском районах таких организаций и групп появилось семь.

Под влиянием партизан и подпольщиков, под влиянием все нарастающих ударов Красной Армии население оккупированных районов все более энергично и последовательно саботировало распоряжения вражеских властей и их ставленников, все более широко, активно и всесторонне помогало фронту и партизанам.

Среди партизан и населения в тылу врага шел сбор средств на танковую колонну «Ленинградский партизан». Общая сумма их составила 800 000 рублей. Сколько из этой суммы падает на наши два района, сказать трудно. Сбор средств на танковую колонну проходил всюду. Лишь в четырех порховских деревнях, в том числе в Подсухах и Фомкиной Горе, собрано 10 559 рублей деньгами и облигациями займов.

Опираясь на возрастающую помощь гражданского населения, подпольный партийный центр, подпольные организации и группы вели разведку для советских войск, используя для этого радиосвязь.

Занимались подпольщики и боевыми делами. Так, по заданию нашего центра члены Славковской подпольной организации взорвали крупный склад со стрелковым оружием и боеприпасами.

Бригады росли в это время так, как никогда раньше. Численность Второй бригады лишь за пять месяцев (с декабря 1942 года по апрель 1943 года) увеличилась в 2,5 раза, а в Третьей за три месяца — в 4 раза. Только наш партийный центр направил в эти бригады около 200 человек.

К. Обжигалин,
*в 1943 г. член Порховского межрайонного
партийного центра*

НЕ ПОМЕРКНЕТ В ВЕКАХ

Время стремительно идет вперед. Великая Отечественная война стала историей. Выросло новое поколение советских людей, которое никогда не слышало орудиного грома и взрывов бомб. Заросли травой окопы и траншеи. На земле, опаленной войной и политой кровью лучших сынов и дочерей народа, торжествует жизнь.

О былых боях и походах напоминают лишь остатки осыпавшихся землянок да поросшие осинником воронки от бомб. И —obeliski. Их много на древней псковской земле. Как бесшумные часовые, они встали на вечный пост на городских площадях и деревенских улицах, на лесных опушках и посреди хлебных полей, на курганах и холмах. В Пскове и Великих Луках, в Невеле и Ново-сокольниках, в Дно и Новоржеве, в пустошкинском селе Чурилово, где зимой 1942 года был устроен парад партизан Второй особой бригады, и на месте сожженной гитлеровцами порховской деревни Красуха... Что ни памятник, то история.

Героизм воинов и подвиги партизан навечно запечатлены в мраморе и бронзе. В Острове на высоком постаменте стоит высеченный из гранита памятник мужественной комсомолке-подпольщице Клавде Назаровой. На окраине Гдова воздвигнутobelisk в честь секретаря подпольного райкома партии Товия Яковлевича Печатникова. Южнее Себежа, у кургана Дружбы, увековечена память отважной комсомолки Марии Пынто. В Новгороде, у здания Дома Советов, не расстается с автоматом изваянный из камня юный Леня Голиков. В Холме входящих в Дом культуры встречает установленный на постаменте бюст Героя Советского Союза Василия Ивановича Зиновьева. В Валдае, в сквере Героев, на священных для всех нас могилах стоят бронзовые бюсты командиров партизанских бригад, удостоенных звания Героя Советского Союза,— Николая

Григорьевича Васильева и Александра Викторовича Германа.

В городах и поселках именами героев-партизан названы улицы, их имена присвоены колхозам и совхозам. Имя Германа можно встретить на уличных табличках в Ленинграде и Пскове, в Новгороде и Острове, в Новоржеве и Порхове. На Псковщине растет, развивается, множит свое богатство совхоз имени Германа. В Дедовичском районе есть колхоз имени Михаила Харченко. Имя этого героя носят также улицы в Ленинграде, Пскове, Дедовичах. Именем партизанского комиссара Сергея Алексеевича Орлова названа улица в Порхове, именем командира бригады Леонида Васильевича Цинченко — в поселке Славковичи. Редкий город и поселок области не имеет улицы, носящей имя партизана или партизанки.

На любом сборе партизан, на любом торжественном вечере, посвященном очередной годовщине войны, мысленно мы отводим самые почетные места павшим героям. И первое слово говорим о них.

Тридцать с лишним лет мы наслаждаемся благами мирной жизни. Сколько за это время мы пережили радостных и светлых минут, часов, дней. Мы увлеченно работаем и радуемся успехам своего труда, встречаемся с друзьями, видим голубое небо, любимся утренней зарей, слышим, как шумит лес и поют птицы, любим, растим детей и внуков, улыбаемся, наконец, грустим, печалимся, страдаем — без этого тоже не бывает жизни. Все это — бесценный дар судьбы.

Мы несем на своих плечах большую долю ратной славы павших героев. Мы приходим к молодежи, к детям. Нас, представителей старшего поколения, называют ветеранами войны, на нас устремлены десятки благодарных юных глаз. Дети внимательно вглядываются в наши постаревшие лица, считая, что это мы закрыли грудью страну от врага. А ведь это сделали, прежде всего, самые храбрые, самые беззаветные, геройски павшие на полях войны. Им — вечный венок неувядающей Славы!

Но герои живут. Они не только не умирают, но и не стареют. Как и тогда, предстает перед нами 28-летний Александр Герман. Как и тогда, смотрит с портрета на молодежь нестигаемый Николай Васильев. Ему по-прежнему тридцать лет. Гдовский вожак комсомола

Иван Никитин так и не вышел из комсомольского возраста. Молодо улыбаются с портретов героини островского подполья Клава Назарова, Мила Филиппова. Леня Голиков так и остался в нашей памяти шестнадцатилетним.

«Слава партизан не померкнет в веках...» Эти слова звучат на митингах, с этими словами благодарные потомки проходят по местам партизанских сражений.

К сожалению, мы много понесли потерь и в послевоенные годы. Ряды партизан поредели. Некоторые ушли слишком рано. Раны, подорванное на войне здоровье не сулили им долголетия. Возьмешь групповую фотографию военных лет, и невольно сожмется сердце. Когда-то на этой фотографии мы недосчитывали четвертой части друзей, потом стали недосчитывать половины, а теперь — и того больше.

А какие это были прекрасные люди! Гордые, мужественные, беззаветные. Я благодарен судьбе за то, что она в самое трудное для нашей Родины время свела меня с этими людьми. Мне было тепло и светло среди них. Они раскрывались настежь, распахивали свои глубокие души. Что ни человек — то характер, неповторимый образ.

Через эту книгу проходят сотни героев партизанской борьбы. Но их были тысячи. Обо всех не расскажешь. И все же я не могу удержаться, чтобы не поведать читателю о жизни некоторых боевых друзей.

Леонид Васильевич Цинченко... Крепкий, энергичный человек, настоящий коммунист-организатор. Мало сказать — его уважали. Его любили. Партизаны называли Леонида Васильевича самым ласковым словом — отец.

— С Цинченко — в огонь и воду пойдем! — заявляли они.

В первые месяцы войны мы испытывали большие трудности с продуктами. Кусок хлеба ценился на вес золота. Мы не помним, чтобы Цинченко, достав хлеб в село, не принес бы его в отряд и не поделил поровну. Подошла осень. У партизан износилась обувь. Постепенно мы обувались за счет трофеев. У Цинченко торчали из сапог пальцы, но он, командир отряда, сменил сапоги последним, когда уже партизаны не испытывали такой острой нужды в них.

В дни борьбы с четвертой карательной экспедицией в Партизанском крае Леонид Васильевич командовал полком. В бою его ранило, но он продолжал вести партизан в атаку, скрывая ранение. Находившиеся поблизости партизаны заметили, как командир сильно поbledнел.

— Что с вами, Леонид Васильевич? — тревожно спросил подбежавший адъютант.

— Ничего... Устал... — Цинченко пошатнулся.

— Вы же ранены!

— Пустяки... Кончим атаку — перевяжешь...

Но силы сдали: Цинченко потерял сознание. У него было навывлет прострелено плечо.

Таким же преданным делу и чутким к людям оставался Цинченко и после войны. Находясь на посту первого секретаря Островского райкома партии, он тяжело заболел. Высох до неузнаваемости. Голос хриплый, глаза воспаленные. Псковские врачи дали ему направление в ленинградскую больницу имени Свердлова и предложили немедленно выехать на лечение. Несколько дней спустя, проезжая через Остров, я решил зайти на квартиру Цинченко, чтобы узнать, какие вести получены из Ленинграда.

Стучу в дверь. Слышу мужское покашливание. Дверь открывается, и на пороге я вижу... Цинченко!

— Леонид Васильевич! Вы же должны были...

— Ладно, ладно... Только никому не говори в Пскове. Не могу, понимаешь... Вот уборку закончим — поеду. Слово даю.

Болезнь Цинченко тогда победил. Но на работу уже не вернулся. Как ему не хотелось уходить в отставку от бурной трудовой деятельности. Цинченко долго был не в ладах со своей пенсионной «должностью», а потом нашел себя, увлекшись большой общественной работой. Его квартира напоминала рабочий кабинет, в ней постоянно раздавались телефонные звонки. Цинченко был нужен людям. И он шел к ним, не считаясь с ослабленным здоровьем. Пошел и в тот день на центральную площадь Пскова, чтобы выступить перед молодежью. Уходя из дома, Леонид оставил жене приобретенные два билета в кино, сказал:

— Я скоро вернусь. Пообедаем и сходим в кино.

Но даже выступить не успел. Он упал на площади, как солдат, сраженный на поле боя. А неиспользован-

ные два билета в кино так и лежат в квартире возле его портрета.

Иван Александрович Костарев, во время войны заместитель командира Третьей бригады имени А. В. Германа по разведке, в последнее время — председатель Порховского райисполкома... Удивительный был человек. Смелый, мужественный. Чувство дружбы он ценил превыше всего.

Мы были убеждены, что Иван Александрович проживет долго. Все говорило за это. Жизнерадостный, энергичный, он был большим оптимистом. Да и в черных как смоль волосах его не было еще ни сединки.

Летом 1974 года Костарев отдыхал в «Голубых озерах», под Невелем. Накоротке я навестил его. Времени для разговора было мало. Он уговаривал меня переночевать. Я не согласился, и теперь не могу простить себе этого. Расставаясь, мы условились встретиться 30 августа и провести одну ночь у Махновского озера. Хотелось вдоволь наговориться, а то нам всегда не хватало для этого времени. Подошел назначенный день, я приготовился звонить Ивану Александровичу. Но меня опередил телефонный звонок. Звонила жена Цинченко — Евгения Петровна.

— Вы слышали, что случилось?! — раздался в трубке ее надрывный голос. — Костарев умер!

Трубка выпала из рук Евгении Петровны. Я долго не мог прийти в себя.

Оказывается, в тот день Иван Александрович ездил на места первых боев партизанской бригады. Долго стоял на холме, молчал. Вернувшись в дом отдыха, отошел не сразу. Потом сходил в кино, поужинал, посидел у телевизора. А в середине ночи громко вскрикнул. Жена Нина Игнатьевна испуганно подбежала к нему. Иван уже не подавал признаков жизни. Словно осколок гранаты влетел в окно и сразил человека...

Рано ушел из жизни партизанский вожак, командир Девятой бригады Иван Герасимович Светлов. Он знал, что обречен, и мужественно ждал конца. Однажды я получил от него из больницы письмо, заставившее вздрогнуть. Он писал: «Моя звезда догорает. Сколько она еще прогорит — не знаю, но чувствую, что конец близок. У меня к тебе есть две просьбы. Передай, пожалуйста, псковским партизанам мой последний при-

вет. И напиши текст на памятник, который будет установлен на моей могиле». Я отшатнулся от письма. Первый раз слышал, чтобы обращались с такой просьбой. Я собрался в ответном письме дружески пожурить Ивана Герасимовича за потерю самообладания, хотел сказать, что мы еще не раз встретимся за дружеской беседой, но не успел: ночью мне позвонили из Ленинграда и сообщили, что Светлов скончался.

О потерях писать тяжело. Давно ли мы слушали остроумные рассказы Петра Савельевича Савельева, прогуливались по улицам Великих Лук с Владимиром Ивановичем Марго, теперь уже их нет в живых...

И как радостно писать о том, что многие ветераны партизанской войны живут и здравствуют в наши дни! Жизнь разбросала их по разным городам и селам. Назову хотя бы некоторых из тех, что прошли через эту книгу.

Нашему лихому партизанскому командиру Николаю Александровичу Рачкову идет восьмой десяток лет. Теперь он уже не такой лихой и горячий, каким был. В нем поселились мягкость, добродушие, житейская мудрость. Живет Николай Александрович в Пскове. В день его семидесятилетия я с большим удовольствием прочитал ему поздравление в стихах:

Ты воевал, не зная страха,
То Яски брал, то Судому.
Мелькала белая папаха
В пороховом густом дыму.

...Давно пожары отшумели,
Цветут сады в родном краю.
Ты среди тех, кто, сняв шинели,
Шагает вновь в одном строю.

Такого не было размаха:
Все стройки в зареве огней...
И только белая папаха
Лежит, как память о войне...

Живет в Пскове и другой комбриг — руководитель Шестой бригады Виктор Павлович Объедков. Он такой же, как и был, жизнелюб. Подвижный, не расстается с шуткой. Часто встречается в Ленинграде с боевыми друзьями из своей бригады. Есть у него однополчане и в Пскове. Здесь работает бывший начальник штаба бригады Б. Ф. Крицков, трудится на ниве просвещения

Полина Георгиевна Лозина, народный учитель СССР. А комиссар бригады В. Д. Зайцев приезжает на встречи из Саратова.

В Пскове часто встречаются Александр Федорович Майоров, Виктор Абрамович Акатов, Михаил Леонидович Воскресенский, Василий Александрович Печкуров, Михаил Александрович Соловьев, Николай Яковлевич Пилипко, Нина Романовна Щербакова... Бывший командир Пятнадцатой Калининской партизанской бригады Д. А. Халтурин живет в Великих Луках, комиссар Пятой Калининской бригады В. Н. Вакарин — в Себеже, командир Тринадцатой Ленинградской бригады А. Г. Поруценко — в Острове, командир Третьей Ленинградской бригады имени А. В. Германа И. В. Крылов — в Амурской области, Герой Советского Союза В. П. Самсон и начальник политотдела Тринадцатой бригады Г. Л. Акмолинский — в Риге, командир Десятой Калининской бригады Н. М. Вараксов — в городе Выборге, Герой Советского Союза И. И. Сергунин и начальник особого отдела Седьмой бригады М. Н. Малахов — в Новгороде.

Этот перечень можно продолжать и продолжать. Н. П. Буйнов и Л. Л. Подорский работают в Минске, руководители партизанского движения на Северо-Западном фронте А. Н. Асмолов и А. А. Тужиков живут в Москве, И. А. Ступаков — в Усть-Каменогорске, Д. В. Худяков — в городе Камышлове Свердловской области, В. И. Лильбок — в Дедовичах на Псковщине, М. Ф. Ополченный и П. А. Войчунас — в Луге, В. В. Павлов — в поселке Низино под Ленинградом, В. А. Егоров — в Сланцах, В. П. Некрасов — в псковском поселке Струги Красные, К. Г. Шепелев — в Воронежской области, Н. В. Козырев — в поселке Ямм на Псковщине.

Многих бывших партизан мы встречаем в Ленинграде. Здесь живут Герои Советского Союза К. Д. Карцкий, В. В. Егоров, В. П. Плохой, командир бригады Т. А. Новиков, врач Л. С. Радевич, один из руководящих работников партизанского движения В. П. Гордин, Антонина Ильинична и Семен Иванович Засорины, Н. И. Афанасьев, В. Ф. Крылов, И. В. Леоненко...

Не могу не назвать своих коллег — партизанских газетчиков и полиграфистов, о которых рассказано в очерке К. П. Обжигалина «Печать Партизанского края».

Сам Константин Петрович прочно обосновался в Южно-Сахалинске. Ивана Антоновича Шматова мы потеряли несколько лет тому назад. Находчивый, никогда не унывавший весельчак и балагур Василий Егоров (Толчишкин) погиб в бою, его прах покоится на берегу озера в Стругокрасненском районе. Наборщик А. И. Усенко работает в Одессе, второй наборщик П. Ф. Глазачев погиб во время четвертой фашистской карательной экспедиции против Партизанского края.

Партизанская дружба, рожденная в жарких схватках с врагом, не ослабевает и в наши дни. Бывшие партизаны часто встречаются, вспоминают прошлое. Одни избирают местом встречи Ленинград, другие — Псков, Новгород или Великие Луки. Чаще всего съезжаются бывшие воины одной бригады или одного полка, совершают походы по местам боев. Бывают и другие встречи.

В конце 1976 года в ленинградской школе № 448 собрались женщины-партизанки. Это была удивительная встреча. Съехались женщины, чья молодость прошла в партизанских лесах, в жарких боях и утомительных походах. Разведчицы и радистки, врачи и медицинские сестры, подпольщицы и минеры...

— Лена! Как ты молодо выглядишь! — обнимая боевую подругу Елену Иванову (ныне Комлеву), говорила бывшая партизанская медсестра Антонина Васильева (по мужу Яковлева).

— Не забудь, у меня уже внук растет, — с улыбкой напоминала ей Комлева.

— А вот и наша «малышка»! Здравствуй, Ольга! — окликнул кто-то О. М. Богданову...

Словно разгладились на лицах женщин морщинки, а белесые пряди волос показались не сединой, а искусной работой парикмахера...

Вглядываясь в лица боевых подруг, слушая их голоса, я вспоминал военное прошлое. Многих из этих женщин я видел тогда, в суровые годы войны. Молодые, смелые, выносливые, они шли в одном строю с мужчинами. Мчались верхом на коне, утопали по пояс в снегу или в болотной трясине, пробираясь к вражеским гарнизонам.

Трудной была у них юность. Не просторные аудитории институтов и не танцевальные залы запомнились им, а топкие болота и темные землянки...

Жизнь дала боевым подругам различные адреса. Екатерина Петрова прибыла из Петрозаводска. В годы войны она была политруком и заместителем председателя «тройки» по восстановлению Советской власти в знаменитом Партизанском крае. Родина отметила ее заслуги многими боевыми наградами, среди которых — орден Богдана Хмельницкого. Бывшая медсестра Л. И. Соколова приехала из Горького, радистка эстонского партизанского отряда С. В. Алексеева (в прошлом Арте) — из Таллина, разведчица А. Г. Андреева (ныне Романичева) — из города Алексина Тульской области, подпольщица Сальма Солк (Евдокимова) — из Риги. Партизанский повар Анна Иванова живет в Дедовичах Псковской области. Недалеко от нее, в городе Дно, работает медсестра Анна Егорова (ныне Цветкова). Другая медсестра — Мария Синельникова — проживает в Пскове, радистка В. И. Самохина и разведчица М. И. Черненко (Королева) — в Ленинграде.

Чтобы встретиться со своими боевыми помощницами, в Ленинград прибыли бывшие командиры партизанских соединений Н. А. Рачков, А. П. Лучин, А. А. Ингиен, В. П. Обьедков, Герой Советского Союза В. П. Плохой.

Вспомнили опаленную войной юность. От военных рассказов незаметно перешли к сегодняшним делам. И тут было что рассказать участникам встречи. Е. М. Петрова много лет работала первым секретарем райкома партии в Псковской области, отмечена наградами за самоотверженный труд. Ее подруга В. И. Самохина — архитектор. Сколько зданий возведено по ее чертежам и проектам! Бывший медик Партизанского края Л. С. Радевич — заслуженный врач РСФСР, награждена орденом Трудового Красного Знамени. Бывшая медицинская сестра Н. С. Демченко стала ученым — она кандидат химических наук.

Есть три места, где чаще всего устраиваются массовые встречи партизан, — бывший Партизанский край, курган Дружбы в районе Себежа и памятник Партизанской Славы под Лугой.

Те, кто получил боевое крещение в лесах Партизанского края, непременно стремятся побывать в Дедовичах. Посреди поселка острием уходит в небо гранитная стрела. Подходим к ней, читаем слова, высеченные на камне:

«Здесь, в районном центре Дедовичи, 22 февраля 1942 года отряды 2-й и 5-й партизанских бригад в жестоком бою разгромили фашистский гарнизон. К востоку от поселка Дедовичи высоко держал Красное знамя Страны Советов знаменитый Партизанский край.

Подвиг никогда не умирает,
В памяти хранит его народ.
Слава тем, кто жил в заветном крае,
Слава тем, кто ныне в нем живет!»

Мы направляемся на восток, к своему бывшему Партизанскому краю. Не узнать родных мест. Вправо от дороги выросли высокие дома. Это — городок строителей, воздвигающих здесь мощную электростанцию. Проезжаем знакомое село Яски.

Петляет, то и дело ныряя в кусты, извилистая, игривая Шелонь. Она приводит нас в известное партизанское село Железницу. Точнее, не в село, а на то место, где когда-то стояли двухэтажные дома, шумел большой парк.

На широкой поляне, словно пирамида, гордо подымается выложенный из камня и увенчанный пятиконечной звездой обелиск. Он как бы открывает вход на территорию Партизанского края. Рядом нагромождены замшелые камни-валуны. Они символизируют могучую силу непокоренного народа. На обелиске — волнующая надпись:

«Товарищ! Ты вступаешь на землю легендарного Партизанского края. С этого рубежа, крутого берега Шелони, он простирался на восток до Рдейских болот, занимая 9600 квадратных километров. Край вошел в историю Великой Отечественной войны как советский в тылу врага, где наши люди мужественно сражались с немецко-фашистскими захватчиками и жили по законам родного Советского государства.

Их девизом были слова:

Скорей умрем, чем станем на колени,
Но победим скорее, чем умрем!»

Вторым местом, где встречаются калининские, белорусские, латышские и ленинградские партизаны, как уже говорилось выше, является курган Дружбы. Он сооружен на границе трех союзных республик — Российской, Белорусской и Латвийской. На вершине кургана растет, наливается силой молодой дуб. Установлены три плиты с идентичной надписью на трех языках:

«Курган Дружбы. Воздвигнут на стыке границ трех братских республик в честь боевой дружбы, скрепленной кровью в годы Великой Отечественной войны, рус-

ских, белорусских и латышских партизан. Открыт 3 июля 1959 года».

Здесь каждый первый воскресный день июля без всяких извещений собираются ветераны войны, а также жители Себежского (Псковская область), Верхне-Двинского (Белоруссия) и Лудзенского (Латвия) районов. Делегации русских, белорусов и латышей направляются к кургану по трем аллеям. На белорусской аллее шумят молодые березки, на латышской — курчавятся липы и вдоль русской — вздымаются стройные клены. Представители трех республик поднимают флаг праздника. Зажигается огонь Славы. К могилам павших героев ложатся венки и гирлянды цветов. С трибуны звучат речи. С эстрады льется музыка. Самодеятельные артисты в красочных национальных костюмах исполняют песни и танцы. Спортсмены состязаются в силе и ловкости. Вспыхивают костры дружбы. Молодежь слушает рассказы бывалых воинов, которые «вспоминают минувшие дни».

И, наконец, прекрасное место для встречи обрели ленинградские партизаны под Лугой. В сосновом лесу, на 135-м километре магистрали Ленинград—Киев, вблизи границ трех областей — Ленинградской, Псковской и Новгородской — сооружен памятник Партизанской Славы.

На холме на высоком, уходящем к небу постаменте — бронзовая фигура партизанки. Она — с развернутым знаменем и автоматом в руках, в энергичном, порывистом движении — зовет партизан в атаку. На площади перед памятником на распаханном поле высятся гранитные пирамидальные глыбы. Их тринадцать, по числу Ленинградских бригад. На каждом камне — название бригады и дата ее создания и расформирования. Влево и вправо протянулись три каменных транспаранта с высеченными на них словами: «Вам — сильные и гордые духом, мужественно пронесшие знамя Свободы по тылам врага... Вам — непокоренные, не ставшие на колени перед фашизмом, героини партизанских сражений под Ленинградом, Псковом и Новгородом... Вам — бесстрашные партизаны и партизанки, грудью преградившие врагу дорогу на Ленинград — от благодарных потомков!»

Теперь каждый год в праздник Победы у этого мемориала встречаются народные мстители трех обла-

стей — Ленинградской, Псковской и Новгородской. В годы войны они имели одно имя — ленинградские партизаны.

...В смертельной схватке с фашизмом наш народ продемонстрировал перед всем миром свою силу и стойкость, свою горячую любовь к Родине. С возгласом «За Родину!» люди шли в бой, отдавая все, что могли, вплоть до самой жизни.

Огромная вера в победу ни на минуту не покидала советских людей. Даже в самые трудные, отчаянные периоды войны мы свято верили: победа будет за нами! Сила духа советских людей, их любовь к Родине и преданность заветам Ленина, их вера в правоту своего дела и готовность отдать жизнь во имя победы — вот что цементировало наши ряды, вот что придавало силы нам в грозной битве с врагом.

Все документы войны, даже самые личные, пронизаны беспредельной любовью к Родине. Почитайте солдатские и партизанские письма... Они лежат, как реликвии, у родных и близких.

Мне довелось перечитать военную переписку десятков людей. И я не перестаю восхищаться силой духа наших воинов. Письма разные, непохожие одно на другое. Одни — чувствительные, полные душевных переживаний, другие — построже, сдержаннее, третьи — лаконичные, как текст телеграммы. Но все роднит одно: в них выражена великая любовь к Родине, готовность стоять за нее до конца. В каждом письме — клятва верности. А ведь это, повторяю, самые личные, самые сокровенные документы.

Приведу отрывок из письма бывшего партизана Второй Ленинградской бригады Николая Ивановича Иванова. Писал он своей жене Валентине Ивановне, которая проживает сейчас в городе Боровичи Новгородской области:

«Милая Валя! Какая радость! При возвращении из боя, поздней ночью получил твое письмо, чему был несказанно рад. Ведь прошло уже восемь месяцев с тех пор, как я нахожусь в глубоком вражеском тылу, ничего не знаю о вас, ничего не знаю личного. Все для Родины, все для борьбы с жестокостями войны, все для победы. Прими мою искреннюю благодарность за письмо, оно окрыляет меня на дальнейшую борьбу с врагом. Хорошо бы сейчас побывать рядом с вами, но об

этом можно только мечтать. Впереди суровая борьба, и думать о встрече не приходится. А ведь как хочется поддержать на руках сына! Он уже вырос, имеет два зуба, а я его и не знаю. Такого большого периода разлуки мы с тобой еще не видели. И хотя о личной жизни некогда даже думать, я каждый день несколько раз вспоминаю вас. Чертовски хочется увидеть вас. Что будет за встреча, когда прекратятся раскаты орудий и я приеду к вам!

Валя! Я здоров, борюсь с врагом, прилагая все свои силы. Как много нами сделано! Могу сказать без преувеличения: история не забудет наших дел. А что делают наши партизаны сейчас! Это — народ-герой. Мы держим целый фронт в тылу врага. Знай, милая, знай ты, и пусть знают дети и родственники, что если придется умереть, то я умру с честью, как сын своего народа, в борьбе за его светлые идеалы...»

Родина! Какое это святое и емкое слово! Во имя Родины совершались подвиги на фронте и в тылу врага. Они совершаются сейчас в заводских цехах и на колхозных нивах.

Ходил я однажды по осеннему лесу; как в пору боевой юности, взбивал ногами припорошенные изморозью листья и думал: все переменилось в жизни за это время. Переменились и мы. Уже давно годы набросили сетку морщин на наши лица. Волосы потеряли былую окраску. Возраст щедро красит их в один цвет — белый. А как же сердца наши? Тоже состарились? Нет! Тысячу раз — нет! Святое чувство любви к Родине по-прежнему горит в наших сердцах.

Рассказывая молодежи о войне, мы, ветераны, стремимся не только запечатлеть героические страницы истории, увековечить память героев, а прежде всего — укрепить в сердцах юношей и девушек верность и преданность Родине, готовность отдать ей все свои силы и знания. Мы рады видеть, как это святое чувство уже в новом качестве живет и развивается у нынешнего молодого поколения.

Нас радует, что юноши и девушки с глубоким уважением относятся к ветеранам войны, по крупницам собирают материалы военных лет, наследуют все лучшее от своих дедов и отцов.

«Прикоснись к подвигу сердцем...» Эти слова вошли в наш обиход. Их часто можно слышать в речах на соб-

раниях, читать в газетных публикациях. Они стали привычными для нас. В них заложен глубокий смысл. Прикоснуться к подвигу сердцем — это значит пропустить через свою душу действия героя, сопереживать с ним вместе и подражать. Ничто так не возвышает душу человека, как сопереживание.

Тысячи походов по местам боев совершили псковские школьники, открыли сотни новых имен. Им благодарны близкие и родные героев, им благодарны мы все, живущие на земле. Но что особенно важно — юные следопыты, находясь под облагораживающим воздействием полезной и почетной работы, сами становятся более цельными, собранными, готовыми на подвиг. У них зреет желание подражать старшим, унаследовать их лучшие качества, продолжать их дело.

Я не раз наблюдал, как трепетно склоняется юноша над найденной на поле боя проржавленной и пробитой каской, как бережно очищает от земли обнаруженный в бывшем окопе котелок с инициалами воина. Не к железу он прикасается в эту минуту, а своим юным сердцем прикасается к бессмертному подвигу.

Мы счастливы видеть, как новые поколения, продолжая традиции старших, совершают подвиги на новом фронте — на фронте коммунистического строительства.

Храня в памяти события Великой Отечественной войны, вспоминая бои и походы, мы с гордостью и восхищением думаем о настоящем.

Наша родная Псковщина гордо несет на своем знамени высшую награду Родины — орден Ленина. Эта награда завоевана в жарких боях и в неустанном труде. Но жизнь не стоит на месте. Она идет к новым вершинам. Пройдет еще немного времени — и на славной псковской земле поднимутся корпуса новых предприятий, заколосятся хлеба на осушенных землях, пролягут новые электролинии...

Все это будет. Будет обязательно, потому что так решила Коммунистическая партия. А слова партии никогда не расходятся с делом.

Пусть всегда над нашей планетой всходит только мирное солнце!

И. Виноградов,
в 1943 г. редактор
партизанской газеты «За Советскую Родину»,
ныне член Союза писателей СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Летопись народной войны. <i>С. Г. Соколов, В. А. Акатов</i> . . .	3
Домик у озера. <i>П. Савельев</i>	17
Подпольщица Ольга Морозова. <i>В. Смирнов</i>	22
Подпольный райком действует. <i>Я. Васильев</i>	26
Встреча с прошлым. <i>В. Акатов</i>	35
Незабываемое. <i>В. Подобедова</i>	41
У огневого рубежа. <i>М. Соловьев</i>	46
Мы — советские люди. <i>Е. Петрова</i>	50
Отряд «Дружный». <i>И. Шматов</i>	74
Первая особая в Партизанском крае. <i>Н. Буйнов</i>	77
Страницы о мужестве. <i>Г. Тимофеев</i>	87
Печать Партизанского края. <i>К. Обжигалин</i>	93
Радиосвязь была бесперебойной. <i>Л. Поддорский</i>	101
Партизанская авиация. <i>Д. Власов</i>	106
Богатыри. <i>В. Заболотнов</i>	111
Германовцы. <i>М. Воскресенский</i>	121
Наперекор врагу. <i>В. Терещатов</i>	133
На Гдовщине. <i>В. Павлов</i>	139
В боях и походах. <i>В. Вакарин</i>	147
Полновские партизаны. <i>М. Моськин</i>	150
В новом районе. <i>Н. Рачков</i>	154
Сороковой бор. <i>Н. Козырев</i>	158
На завершающем этапе. <i>В. Некрасов</i>	162
Стойкость. <i>В. Лобицкий</i>	167
Седьмая Ленинградская. <i>А. Майоров</i>	171
Политотдел за работой. <i>П. Соловьев</i>	177
Недалеко от Торошина. <i>А. Гончаренко</i>	182
На родной земле. <i>М. Воробьев</i>	185
Бои с карателями. <i>Л. Слободской</i>	189
Партизанский госпиталь. <i>М. Шабалин</i>	194
За землю Псковскую. <i>Л. Цинченко</i>	198
Непокоренные. <i>Г. Акмолинский</i>	203
Партизанские будни. <i>М. Иванов</i>	210
Боевой путь бригады. <i>В. Обьедков</i>	228
О друзьях-товарищах. <i>А. Голубев</i>	237
Порховский подпольный центр. <i>К. Обжигалин</i>	252
Не помркнет в веках. <i>И. Виноградов</i>	257

ПСКОВЩИНА ПАРТИЗАНСКАЯ

Составитель
Виктор Абрамович
Акатов

Редактор В. П. Краснопецев. Художник Л. С. Максимов. Художественный редактор О. И. Маслаков. Технический редактор С. Б. Матвеева. Корректор В. Д. Чаленко.

ИИБ № 1246

Сдано в набор 17.05.79. Подписано к печати 14.11.79. М-20253. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 13,97. Тираж 70 000 экз. Заказ № 816. Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

